

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2022**

2

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Прижленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 27.06.2022. Выход в свет 30.06.2022.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 16,06. Тираж 250 экз. Заказ № 8555

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 243-41-66

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Humagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print June 27, 2022. Publication June 30, 2022.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 16.97. Publ. sign. 16.06. Edition 250 copies. Order number 8555

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 243-41-66

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2022-2

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (214) 2022 г.

Registration certificate
PI No. FS 77 – 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (214) 2022

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Полякова О.А. «Базовый шаманизм» как синкретическое явление в современной культуре 4
Пржиленская Ю.Г. Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований 10

Polyakova O.A. "Basic Shamanism" as a Syncretic Phenomenon in Modern Culture 4
Przhilenskaya J.G. Labor and Labor Relations in the Horizon of Interdisciplinary Research 10

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Айриян Р.С., Лепков А.В. Конгресс США и вопрос о начале войны против Ирака: курдский фактор в 2002–2003 годах 20
Венков А.В. Реальная жизнь героя мемуаров и киногероя Попова 13-го (на основании его послужного списка) 28
Глазунова Е.Е., Мининкова Л.В. «О земледельстве» и о «рабском житии». Экономический мыслитель петровского времени о крестьянстве 36
Кодалаева Х.Г. Грузинская «партия войны» и проблемы Южной Осетии в 1920 году 43
Телепень С.В. Высший командный состав римской армии (период принципата): к вопросу о *virī militares* 53
Узнародов Д.И. Этнические меньшинства Крыма в XX – начале XXI века: специфика демографических трансформаций 60
Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Пронина А.М., Пыхтин Д.И. Развитие воскресных школ Русской православной церкви в годы патриаршества Алексия II (Ридигера) (на материалах Ростовской области) 68

Ayriyan R.S., Lepkov A.V. The US Congress and the Issue of Beginning the Iraq War: the Kurdish Factor in 2002-2003 20
Venkov A.V. The Real Life of the Hero of the Memoirs and the Movie Hero Popov the 13th (Based on His Track Record) 28
Glasunova E.E., Mininkova L.V. "About Agriculture" and About "Slave Life". The Economic Thinker of Peter the Great's Time About the Peasantry 36
Kodalaeva Kh.G. Georgian "Party of War" and the Problems of South Ossetia in 1920 43
Telepen S.V. The Highest Command Structure of the Roman Army (Principate Period): to the Question of *Viri Militares* 53
Uznarodov D.I. Ethnic Minorities of Crimea in the 20th – Early 21st Century: Specifics of Demographic Transformations 60
Fedorova N.V., Mekushkin A.A., Pronina A.M., Pykhtin D.I. Development of Sunday Schools of the Russian Orthodox Church During the Patriarchy of Aleksiy II (Ridiger) (Based on the Materials of the Rostov Region) 68

Царина М.А. Изучение исторической памяти в современной системе гуманитарного знания 76

Tsarina M.A. The Study of Historical Memory in the Modern System of Humanitarian Knowledge ... 76

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCES

Музаев М.З. Динамика показателей пенсионного обеспечения: анализ российских микроданных 85
Узнародов И.М. Энергетический кризис в Европе и перспективы низкоуглеродной экономики 95
Deng Yue. Public Private Partnership as a Tool to Improve Environmental Protection at the Local Management Level of China: Experience, Problems, Areas for Improvements 102
Libin N., Lazareva E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals 112
Lazareva E.I., Xiaowen Z. Digital Transformation as the Source of Economic Development in China ... 120
Wang Xiaohan. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths 129

Muzayev M.Z. Dynamics of Pension Indicators: Analysis of Russian Micro Data 85
Uznarodov I.M. The Energy Crisis in Europe and the Prospects for a Low-Carbon Economy ... 95
Deng Yue. Public Private Partnership as a Tool to Improve Environmental Protection at the Local Management Level of China: Experience, Problems, Areas for Improvements 102
Libin N., Lazareva E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals 112
Lazareva E.I., Xiaowen Z. Digital Transformation as the Source of Economic Development in China 120
Wang Xiaohan. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths 129

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

Кислицын С.А., Трут В.П. Учёный и педагог с большой буквы (к 75-летию А.И. Агафонова) 137

Kislitsyn S.A., Trut V.P. Scientist and Teacher with a Capital Letter (to the 75th Anniversary of A.I. Agafonov) 137

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOK REVIEWS

Тарба И.Д. – Муха В.Н. Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2021. 208 с. 142
Терентьева М.С. – Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Донского края в XX – начале XXI в. : учеб. пособие для средних общеобразовательных учреждений (10-й класс). Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 222 с.) 144

Tarba I.D. – Mukha V.N. Identification matrices of four generations of Russians in contemporary Russia. Krasnodar: KubSTU Press; 2021. 208 p. 142
Terentyeva M.S. – Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. History of the Don region in the 20th - early 21st century: textbook for secondary educational institutions (grade 10). Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2020. 222 p. 144

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)..... 146

Recommendations for the Design of Transliteration (References)..... 146

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

Научная статья
УДК 298.9
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-4-9

«БАЗОВЫЙ ШАМАНИЗМ» КАК СИНКРЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Ольга Андреевна Полякова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Ростов-на-Дону, Россия
olenkakis12@yandex.ru

Аннотация. Исследуется «базовый шаманизм» Майкла Харнера как синкретический феномен в современной культуре.

Неошаманизм рассматривается как субкультура или синкретическая форма нового религиозного сознания, которая объединяется с элементами традиционных культур и элементами современной психологии и мистики (эзотерики) в современной массовой культуре.

Определяется проблема возникновения и развития неошаманизма со своей значимостью в духовной жизни общества, а также рассматривается способ перерождения и трансформации шаманизма за счет путешествия шамана в неповседневную реальность путем выстраивания полной картины мира (трех миров), т. е. картографии. Феномен неошаманизма трактуется как новое, популярное, религиозное движение, представленное в современной культуре стран Европы, Северной Америки и России.

Отмечается, что неошаманизм нацелен на сохранение традиционных знаний и передачу будущим поколениям путем определения его природы, сущности и влияния на современную массовую культуру. В результате выявлено, что шаманизм способен не только формировать, но и развивать отношения между человеком и природой и фиксировать перспективы развития в современной культуре.

Ключевые слова: шаманизм, шаман, неошаманизм, неошаман, шаманское путешествие, Фонд шаманских исследований, Майкл Харнер

Для цитирования: Полякова О.А. «Базовый шаманизм» как синкретическое явление в современной культуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 4–9.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

“BASIC SHAMANISM” AS A SYNCRETIC PHENOMENON IN MODERN CULTURE

Olga A. Polyakova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
olenkakis12@yandex.ru

Abstract. The paper explores Michael Hamer's "basic shamanism" as a syncretic phenomenon in modern culture.

Neo-shamanism is considered as a subculture or syncretic form of new religious consciousness that combines with elements of traditional cultures and elements of modern psychology and mysticism (esotericism) in modern popular culture.

The article defines the problem of the emergence and development of neo-shamanism with its significance in the spiritual life of society, and also examines the way of rebirth and transformation of shamanism through the journey of the shaman into an unseemly reality and by building a complete picture of the world (three worlds), that is, cartography. The phenomenon of neo-shamanism is considered as a new, popular, religious movement, represented in the modern culture of Europe, North America and Russia.

It is noted that neo-shamanism is aimed at preserving traditional knowledge and transferring it to future generations by determining its nature, essence and influence on modern mass culture. As a result, it was revealed that shamanism is able not only to form, but also to develop relations between man and nature and record development prospects in modern culture.

Keywords: shamanism, shaman, neo-shamanism, neo-shaman, shaman journey, Foundation for Shaman Research, Michael Hamer

For citation: Polyakova O.A. "Basic Shamanism" as a Syncretic Phenomenon in Modern Culture. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):4-9. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С 60-х гг. XX в. в Западной Европе и Северной Америке усилился интерес к методам изменения сознания, в том числе к тем практикам, которые характерны для архаичных культур, что стало одним из факторов появления неошаманизма. Это сложное явление исследователи описывают по-разному. В целом неошаманизм представляет собой «сложную структуру в системе культуры, являясь ответом на кризисные состояния в истории, когда происходят переоценка ценностей и выбор пути культурного развития. Человек обращается к историческому прошлому, к своему своеобразному, общему культурному фонду, к тем уже состоявшимся формам понимания мира и своего существования в нем» [1]. По этой причине появляются эклектичные верования и практики, которые включают попытки достичь измененных состояний и общаться с неким «духовным миром». Как отмечает известная исследовательница шаманизма в современной России В.И. Харитоновна, «группа (нео)шаманов активно транслирует свои техники, обучая им в процессе посвящения всех желающих, у которых они обнаруживают шаманские способности-склонности к погружению и работе в измененных состояниях сознания (независимо от этнической принадлежности, вероисповедания и места жительства)» [2].

Неошаманизм находит распространение главным образом среди жителей крупных западных городов, которые ищут зоны отдыха от интенсивной жизни мегаполисов. Такую форму неошаманизма В.И. Харитоновна называет «городским шаманизмом», отмечая, что термин неошаманизм трактуется по-разному различными исследователями [3, с. 235], хотя она понимает под неошаманизмом «возрожденный шаманизм» на основе традиционных языческих культов, и при исследовании неошаманов обращается к последователям американского антрополога Майкла Харнера, так как под его началом четко сформулированы: «установка на целительное начало, связанное с высшими силами; опора на культ, религиозную доктрину, неорелигиозную концепцию; тренинги с погружением с использованием медитации; использование достижений психологии/психотерапии; установка на "научное осмысление мира" с ориентацией на "новую науку"; образовательная (внутренняя) и просветительская (внешняя) деятельность; издательская активность и распространение литературы» [4, с. 5].

Сам Харнер называл основанное им движение «базовым шаманизмом» (Core Shamanism). Изучая шаманизм у индейских племен в Восточном Перу, он перешел от деятельности научно-

го наблюдателя к практикующему шаману. В книге «Путь шамана, или Шаманская практика» (1980)¹ он описал своё обучение у различных индейских сообществ Верхней Амазонии [5].

Актуальность исследования неошаманизма заключается в том, что существует необходимость рассмотрения феномена «городского шаманизма» как нового, набирающего популярность религиозного движения, представленного в современной культуре стран Европы, Северной Америки и России, а также необходимость определения его природы, сущности, влияния на современную массовую культуру, перспективы развития в современной культуре. Методологической оптикой, своего рода призмой для этого может послужить «базовый шаманизм» М. Харнера.

Цель данной статьи – определить специфику «базового шаманизма» как наиболее распространённой в современной постсекулярной культуре формы неошаманизма, его места и роли среди современных религиозных и парарелигиозных феноменов.

До настоящего времени американские исследователи под неошаманизмом понимали «все многочисленные и разнообразные явления, которые тесно соприкасаются с процессом освоения традиционных шаманских практик современными людьми» [6]. Те, кто не только изучали шаманскую культуру, но и впоследствии напрямую обращались к ней, использовали ее в своих воззрениях, стали называться неошаманами. Термин «неошаман» подчеркивает различия между современными реконструированными шаманскими обрядами и обрядами традиционных шаманов.

Суть учения М. Харнера заключается в объединении в одно целое шаманских практик разных традиций, что реализует идею М. Элиаде «о единообразии центрального ядра шаманских практик во всем мире» [7, с. 252]. И традиционный шаманизм, и неошаманизм основываются на архаических представлениях о мире, суть которых заключается во взаимосвязи человека, природы и мира духов, где шаман выполняет посредническую роль между человеком и миром духов, так как именно он является избранником духов и имеет способность видеть иную реальность [5].

Первая полевая работа М. Харнера по изучению индейцев Кунибо в районе реки Исаэли (1960–1961 гг.) повлияла на его исследования в том направлении, что он поставил себе цель изучить основные практики шаманов в данных индейских культурах. Но не сразу узнал все религиозные тайны данного народа. Как он писал, знание открылось ему после употребления священного напитка шаманов (ayahuasca), который приготовлен из «духа вина». «В течение тех девятнадцати лет, которые прошли с начала моей шаманской деятельности среди Кунибо, я также немного занимался с шаманами нескольких западных групп североамериканских индейцев Хинтун и Помо в Калифорнии, Салиш в штате Вашингтон и Лакота Сиу в штате Дакота. От них я узнал, как можно практиковать шаманизм без употребления различного зелья, употребляемого у Кунибо и Хиваро. Это знание оказалось особенно полезным при ознакомлении людей Запада с практикой шаманизма» [5, с. 26]. Так М. Харнер вывел «базовый шаманизм» из межкультурных принципов и практик, вошедших в его личный опыт, и проанализировал основные ресурсы и положения современного шаманизма. Таким образом, М. Харнер после своего шаманского обучения в Верхней Амазонии в 1961 и 1964 гг. разработал личную практику шаманизма и исцеления и впоследствии занимался обучением шаманизму. На волне возрастающего интереса он со своей женой С. Харнер в 1979 г. основал Фонд шаманских исследований для передачи шаманизма при помощи различных семинаров, на которых проводится концентрированное обучение оккультным методикам, таким как возрождение души, обучение гаданию, работа с духами природы, работа со смертью. Организация посвящена всемирному сохранению, изучению и преподаванию шаманских знаний.

В Фонде шаманских исследований есть специализированные кружки, продвинутые семинары и долгосрочные курсы, а также обучение шаманскому консультированию «по методу М. Харнера». Фонд шаманских исследований представлен в Северной Америке, Латинской Америке, Японии, Австралии, Новой Зеландии.

¹ К другим основным работам М. Харнера относятся: «Дживаро: люди священных водопадов» (1972), «Галлюциногены и шаманизм» (1973), «Путь шамана» (1980), «Пещера и Космос: встречи шаманов с другой реальностью» (2013).

Обучение неошаманизму включает в себя обучение изменения своего сознания с помощью шаманских техник. Техника неошаманизма вызывает измененное состояние сознания при помощи монотонных ритмов с использованием барабана, палки, погремушки или другого инструмента (около 90 %) и лишь около 10 % используют психоделические препараты.

Фонд шаманских исследований не стоит на месте и после смерти М. Харнера: происходит постепенное синхронное развитие и интеграция многих направлений, проектов и программ в деятельности Фонда, которые остаются ключом к успеху работы. М. Харнер успел передать пост Президента Фонда шаманских исследований в надежные руки своей ученицы Сьюзан Мокельке (Susan Mokelke).

М. Харнер упоминал, что у «шаманов есть свои карты в головах» [8, p. 116]. В неошаманизме «картография неповседневной реальности», т. е. изображение мира духов, в который совершает путешествие неошаман, является одной из основных практик. Считается, что её составление помогает улучшить образ шаманского путешествия, где фрагменты «космической головоломки» собираются воедино и приводят к пониманию как повседневной, так и неповседневной реальности.

Карты шаманской практики в навигации шамана считаются основополагающим инструментом, помогающим зафиксировать архетипические принципы, зарисовать ландшафты неповседневной реальности, которые рассматриваются как возможность повторения визионерского опыта, достигаемого в ходе путешествия в запредельное пространство. Они передаются через устную традицию, изображаются на бубне или пещере, но воспринимаются как навигация путешествия в иную реальность [8, p. 119]. Мир шамана на карте делится на Верхний, Нижний и Средний. Верхний и Нижний в мифологии неошаманизма – это миры один – выше, другой – ниже нашего Среднего мира, они полностью находятся в необычной реальности, за пределами боли и страданий.

Переход в неповседневную реальность осуществляется в шаманском путешествии, считают неошаманы, которое, как всегда, основывается на социальной потребности сообщества, так как неошаман не может действовать по собственной инициативе, он предназначен только для помощи человеку или сообществу. Например, неошаман при помощи духов ищет больную и бесчувственную душу больного человека и возвращает по просьбе ее своему владельцу. Именно «коллективное признание превращает духовную веру и шаманизм в социальную реальность, [она] на практике становится социальной силой» [9, p. 136].

Транс рассматривается как состояние сознания, в котором душа шамана непременно отделяется от тела и путешествует по другому миру «неповседневной реальности». В неошаманизме существует несколько способов достижения трансa. К ним относятся: танец, музыка, гипноз, медитация, пост, дыхательные и физические упражнения, психоделические препараты, такие как алкоголь, психоделические наркотики, психотропные препараты. Следовательно, существует множество вариантов прийти к измененному состоянию сознания (через вещества или определенные методы). Неошаманы считают, что в транс необходимо войти, чтобы уменьшить беспокойство, а также открыть контакт с Верхним и Нижним мирами с помощью вспомогательных духов и предков.

В состоянии трансa происходит изменение кровотока в определенных областях мозга и изменение реакций организма, таких как сердечный ритм или повышение кровяного давления [10]. После него наблюдается потеря ориентации и снижение активности, что приравнивается мистиками к размыванию границы между собой и внешним миром.

В работе «Пещера и космос» М. Харнер упоминает, что индивидуальные шаманские путешествия постепенно могут создать полную картину мира. В повседневной реальности человека опыт ориентируется на законы, чего не сказать о шаманских путешествиях в неповседневную реальность. Это объясняется тем, что в ней теряется ограничение времени, можно «летать по воздуху» и преодолевать огромные расстояния в короткий промежуток времени. Именно ориентация в неповседневной реальности – это важнейшая часть шаманских знаний и условий для эффективной шаманской работы, а не самоцель. М. Харнер акцентирует внимание на важности путешествия с одного и того же места, так как чем больше неошаманы совершают путешествий с одного и того же места, тем больше деталей они могут запомнить и ввести в ментальную кар-

ту. Такие карты позволяют заново открывать определенные места в повседневной реальности. Их можно постоянно совершенствовать, чтобы они являлись инструментом и умением управлять путешествием и выполнять работу с определенной целью (помощь, исцеление). Таким образом, «умственные карты в голове» достаточны для шаманской практики [8, p. 119].

Согласно харнеровскому учению, неошаман может расширить и усилить свои возможности при помощи изучения определенной литературы и использования регулярных практик. М. Харнер показал в своих исследованиях, что практическая работа с его учениками по обретению сил и способностей в области шаманизма носит успешный результат по освоению техник и практик шаманизма, что любой человек, захотевший получить определенный опыт, может достичь его. Таким образом, с точки зрения неошаманизма необходимо изучать не только материал, изложенный в пособиях по обретению шаманских признаков, но и метод в процессе практики. Можно изучить множество техник, но не всегда можно достичь шаманских методик самостоятельно, иногда требуется руководство практикующего шамана.

Следовательно, неошаманизм М. Харнера обуславливается следующими факторами: принятием понятий шаманского состояния сознания и шаманского путешествия, духа-помощника, существования трех миров; обучением на семинарах и практических занятиях; сильным акцентом на индивидуальность и практически полное поклонение ей; урбанистической жизнью, т. е. наличием оторванности от природы; потребностью в доступных способах передачи информации и быстрых результатах.

По мнению современных религиоведов, специфика появления неошаманизма связана прежде всего с процессом возрождения как такового интереса к культурным и национальным традициям и восстановления истории и религиозных корней в различных областях. «Неошаманизм рассматривается как одно из современных мистических течений индивидуалистической направленности. Опираясь на представления традиционного шаманизма, неошаманизм предлагает возможность контакта с духовным миром и ориентирован на людей, стремящихся к самотрансценденции и исцелению. Лишенное какой-либо доктрины, это движение существует исключительно на добровольной основе и базируется на обретении шаманских знаний через личный опыт» [4, с. 26].

Для представителей базового шаманизма свойственно проживать в городских условиях. Это довольно большая группа людей, которых принято называть городскими шаманами, следовательно, они далеки от традиционного шаманизма. В современном мире базовый шаманизм представлен в публичном пространстве посредством разнообразных публикаций (основателей, учеников, последователей), активно пропагандируются техники и методики (лекции, семинары и практические занятия), которые доступны на интернет-ресурсах (<https://www.shamanism.org>; <http://www.shamanism.dk>; <http://www.shamanizm.org>; <http://www.sitnikov.com/materials/shamanizm/>), видеороликами наполнен соцконтент, а также распространены сайты по неошаманским традициям, где можно найти первоисточники основателей и видеотренинги.

Городской шаманизм можно рассматривать как субкультуру или синкретическую форму нового религиозного сознания, которая объединяет элементы традиционных культур с элементами современной психологии и мистики (эзотерики).

Список источников

1. *Поспелова С.В., Поспелова А.И., Федирко О.П.* Неошаманизм как закономерность в дискурсе современной духовной жизни // *Технологос*. 2020. № 1. С. 67–77.
2. *Харитонов В.И.* «А у нас все шаманы – православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 1. С. 125–133.
3. *Харитонов В.И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.
4. *Харитонов В. И., Ожиганова А.А., Курьяшина Н. А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. 2008. № 207. С. 5–39.

5. Харнер М. Путь шамана, или Шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству. М.: Палантир, 1994. 103 с.
6. Антрополог Валентина Харитоновна об исследованиях Майкла Харнера, народном целительстве и городских шаманах. URL: <https://postnauka.ru/video/48994> (дата обращения: 11.02.2022).
7. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академический проект, 2019. 400 с.
8. Harner M. Höhle und Kosmos. München: Ansata Random House, 2013. 480 S.
9. Zinser H. Schamanismusim "New Age". Religion in fremder Kultur. Religion als Minderheit in Europa und Asien. Saarbrücken: Stegerhoff, 1988. 256 S.
10. Zinser H. Traumreisen und Schamanisieren. Beobachtungen zum "New Age" // Schamanismus. 1988. № 9. 260 p.

References

1. Pospelova S.V., Pospelova A.I., Fedirko O.P. Neoshamanism as a pattern in the discourse of modern spiritual life. *Tekhnologos = Technologos*. 2020;(1):67-77. (In Russ.).
2. Kharitonova V.I. "And we have all shamans - Orthodox...": modern (neo) shamanism and the problem of cultural identity. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*. 2016;(1):125-133. (In Russ.).
3. Kharitonova V.I. *Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the millennium*. Moscow: Nauka Publ.; 2006. 372 p. (In Russ.).
4. Kharitonova V. I., Ozhiganova A. A., Kupryashina N. A. In search of spirituality and health (new religious movements, neo-shamanism, urban shamanism). *Research on Applied and Urgent Ethnology*. 2008;(207):5-39. (In Russ.).
5. Harner M. *Shaman's way or shamanic practice: a guide to gaining strength and healing*. Moscow: Palantir Publ.; 1994. 103 p. (In Russ.).
6. *Anthropologist Valentina Kharitonova on Michael Harner's research, folk healing and urban shamans*. Available from: <https://postnauka.ru/video/48994> [Accessed 11th February 2022]. (In Russ.).
7. Eliade M. *Shamanism. Archaic techniques of ecstasy*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2019. 400 p. (In Russ.).
8. Harner M. *Cave and Cosmos*. Munich: Ansata Random House Publ.; 2013. 480 p. (In Germ.).
9. Zinser H. Shamanism in "New Age". Religion in foreign culture. Religion as a minority in Europe and Asia. Saarbrücken: Stegerhoff Publ.; 1988. 256 p. (In Germ.).
10. Zinser H. Dream travelling and shamanizing. Observations to "New Age". *Shamanismus*. 1988;(9):260. (In Germ.).

Информация об авторе

О.А. Полякова – соискатель кафедры философии религии и религиоведения, Южный федеральный университет; преподаватель кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

O.A. Polyakova – Applicant of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Southern Federal University; Lecturer at the Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 21.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 123
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-10-19

ТРУД И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРИЗОНТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Юлия Геннадьевна Пржиленская
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Россия, YGPrzhilenskaya@fa.ru

Аннотация. Одним из важнейших факторов, направляющих философскую мысль на феномен труда, выступает развитие таких общественных наук, как экономика, политическая экономия, социология, психология, статистика, эргономика, культурология и т.п. Полученные в ходе конкретных научных исследований данные изменили угол зрения философов, а также повлияли на качество производимого ими анализа.

Анализируются с позиций социальной философии, социологии, экономики такие явления на рынке труда, как понятие нормы труда, типичные и атипичные формы занятости, в частности, прекаризации занятости в качестве одного из главных трендов социальной жизни, изменяющего характер и сущность труда.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, условия труда, прекаризация, занятость, общество, экономика, работник, формы занятости, цифровое неравенство

Для цитирования: Пржиленская Ю.Г. Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 10–19.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

LABOR AND LABOR RELATIONS IN THE HORIZON OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Julia G. Przhilenskaya
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
YGPrzhilenskaya@fa.ru

Abstract. One of the most important factors directing philosophical thought to the phenomenon of labor is the development of such social sciences as economics, political economy, sociology, psychology, statistics, ergonomics, cultural studies, etc. The data obtained in the course of specific scientific research changed the angle of view of philosophers, and also influenced the quality of their analysis.

In the article, the author analyzes from the standpoint of social philosophy, sociology, economics such phenomena in the labor market as the concept of labor standards, typical and atypical forms of employment, in particular, precarization of employment as one of the main trends in social life that changes the nature and essence of labor.

Keywords: labor, labor relations, working conditions, precarization, employment, society, economy, employee, forms of employment, digital inequality

For citation: Przhilenskaya J.G. Labor and Labor Relations in the Horizon of Interdisciplinary Research. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):11-19. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Пржиленская Ю.Г., 2022

Основной интерес экономистов и социологов при изучении изменений как на национальных рынках труда, так и на мировом в последние десятилетия привлекали явления, которые Бурдые называл «flexploitation» [1]. На русский язык данный термин может быть переведен как «гибкая эксплуатация», что позволяет распространить понятие гибкости на сферу трудовых отношений. Н. Роуз отмечает, что стремление к гибкости в отношениях связано с усложнением задач, которые решаются современными производителями и иными участниками экономических процессов, а также превалированием нелиберальной парадигмы и потребностей глобализации [2, р. 102]. Следует заметить, что еще М. Кастельс вопреки всеобщей распространенности мифа о гуманизации капитализма предсказывал его ужесточение. При этом американский философ отмечал, что новый капитализм будет еще более жесток в целях, сочетающий свою жестокость с кажущейся более гуманной гибкостью средств [3, с. 501].

М. Кастельс развенчивает многочисленные концепции труда нелиберального толка, согласно которым оптимизация процессов производства, осуществляемая путем саморегуляции, должна естественным образом привести к соответствию между потребностями всех участников рынка труда. Но при всеобщем признании приоритетным того направления, которое обеспечивало бы рост производительности, ни о какой гуманизации не может быть и речи. Действительность последних десятилетий подтвердила худшие опасения, когда массовое внедрение трудосберегающих технологий привело к стагнации рынков труда и, как следствие, к стагнации развития общества.

Прежде всего для характеристики кризисных явлений на рынке труда исследователям понадобилось определить понятие нормы, отклонением от которой были бы названные явления. Нормальными трудовыми отношениями специалисты считают гарантированные государством и защищенные правом отношения между работодателем и работником. Государство предоставляет наемным работникам социальную защиту в виде тарифных соглашений, участвует в деятельности профсоюзов, которые при этом сохраняют свою независимость, следит, чтобы в отношениях работника и работодателя фиксировался общий уровень развития экономики, и чтобы работодатель соблюдал экономические права индивида, касающиеся условий труда, а также уровня заработной платы, не допуская ее необоснованного снижения или занижения. Особую ценность здесь представляет набор гарантий для наемного работника относительно будущего, страхуя его тем самым от разнообразных социальных рисков, будь то болезнь или безработица. Все это полностью соответствует понятию социального государства, которое прописано в конституциях многих европейских государств, в том числе и в Конституции Российской Федерации.

Наступивший на рубеже тысячелетий кризис трудовых отношений получил название прекаризации занятости, достаточно широкое распространенное во всем мире, в том числе и в России. Общие черты этого явления в разных странах, чья специфика накладывает отпечаток и на культуру, и на экономику, не оставляют сомнений, что прекаризация занятости носит универсальный характер и выступает как один из главных трендов социальной жизни. В Европейском союзе еще десятилетие назад была создана специальная комиссия, которая занялась исследованием общих закономерностей и особенностей прекарности в каждой из экономик его членов. Например, в Германии наблюдается расширение и углубление такого явления, которое немецкие социологи назвали атипичной занятостью, не сводя его полностью к понятию прекарната [4].

К атипичным формам занятости А. Вагнер относит снижение количества времени труда, т. е. сокращение продолжительности рабочего времени, независимо от того, будь она ежедневной, недельной или месячной. Разумеется, работник, получающий за меньшее время труда меньшую заработную плату, лишен возможности сохранять уровень жизни, который был бы достижим при полной занятости.

Также девиантным (отклоняющимся) типом трудовых отношений можно считать срочную занятость, когда работник связан с работодателем срочным трудовым договором. Эти отношения удобны второму, но, как правило, неудобны первому, потому что на них не распространяются сложившиеся формы защиты его прав, например, от необоснованного увольнения. Сюда же относятся временная и незначительная занятость и любые другие виды случайного заработка, когда работник не уверен в том, найдет ли он работу завтра.

Европу и Америку, Азию и Африку процессы прекаризации охватили в связи с разрушением классической капиталистической экономики, которая сформировалась в XVIII – XIX вв. и достигла своего расцвета к середине XX в. Центральным звеном классической капиталистической экономики, продуцирующим стандарты трудовых отношений, выступает завод или фабрика, где наемные работники трудятся в соответствии со своей квалификацией на протяжении длительных сроков, иногда всю жизнь. Работодатель, с одной стороны, ценит квалифицированных и дисциплинированных работников, потому что их трудом создается прибавочный продукт, а значит, и будущая прибыль предприятия. С другой стороны, работодатель стремится к минимизации затрат и максимизации прибыли, что приводит его к поиску выгоднейших условий для ведения бизнеса, сводящихся в сфере трудовых отношений к наименьшей социальной ответственности перед работником. Наемные работники объединялись в профессиональные союзы и добивались все большей защищенности, что было утрачено в постиндустриальную эпоху.

Универсальный характер прекаризации труда проявился и в том, что ее признаки можно увидеть и в обществах с коллективистскими ценностями, и в обществах, где отмечается высокая степень индивидуализма. Так, даже известное своей приверженностью к традиции пожизненного найма сообщество наемных работников Японии демонстрирует движение в том же направлении – растет число тех, кто занят на низкооплачиваемой работе и не имеет устойчивого графика работы.

В стационарном обществе трудовые отношения только юридически сводятся к набору соглашений, регулирующих отношения между работником и работодателем в процессе трудовой деятельности. Но в масштабе социальной жизни трудовые отношения включают в себя создание предпосылок для появления на рынке труда работников, подготовленных для выполнения ими трудовых функций, что требует от общества заботы и участия в формировании квалифицированных кадров. Данная работа должна носить системный характер и включать в себя структуры, обеспечивающие профессиональную подготовку, дополнительное образование, переподготовку, систему повышения квалификации, средства, обеспечивающие необходимую мотивацию, и т.п. Таким образом, отношения между работником и работодателем должны быть включены в систему труда и трудовых отношений. Эта система может строиться по-разному, но процессы прекаризации труда свидетельствуют о серьезных сдвигах в ней.

Следует различать феномен прекаризации в странах с высокоразвитой экономикой и странах, где оплата труда находится на достаточно низком уровне и где она мало отличается от оплаты, характерной для прекариата. При этом различия в качестве жизни есть, и они весьма существенны. По мнению О.И. Шкаратана, В.В. Карачаровского и Е.Н. Гасюковой, низкооплачиваемые работники, не опасющиеся потерять работу, имеют более обеспеченные и благополучные семьи, круг их общения также состоит из имеющих постоянную работу и благополучных людей. Это объясняется негативным влиянием прекаризации на социальные группы, слои и страты. Авторы подчеркивают, что опасения потерять работу могут быть характерны и для высокообразованных и высококвалифицированных работников, для которых данное обстоятельство может представляться гораздо более катастрофическим событием. Поэтому они выделяют две зоны нестабильности, одну из которых составляют низкооплачиваемые категории населения, тогда как во второй зоне сконцентрированы высокооплачиваемые работники. Первую они называют «естественной», а вторую – «аномальной», считают, что факторы, способствующие переходу в группу прекариата, в России и Европе различаются. В европейских странах образование может играть существенную роль, предохраняя его обладателя от прекаризации, а в российском обществе более важным выступает социальное происхождение, которое способно обеспечить индивиду и культурный капитал, и властный ресурс [5, с. 101].

Трудовая деятельность напрямую зависит от института неравенства, которое в современном мире также не остается прежним. Даже в западных обществах, где уровень благополучия и материального благосостояния поднялся на недостижимую для бедных стран высоту, в последние годы наблюдается нарастание структурных рисков и связанной с ними турбулентности. Прекаризация труда никогда не приобрела бы столь угрожающих масштабов, если бы она не была выгодна тем, кто выигрывает от роста социального и имущественного неравенства. Как отмечает Э. Аткинсон, по мере снижения издержек на оплату труда и обеспечение социальных га-

рантий работникам, владельцы производств и их акционеры становятся только богаче, концентрируя тем самым в своих руках все больше власти и влияния [6, с. 55–57]. Параллельно увеличению «отрыва» богатых от основной массы населения растет разочарование в идеалах развитой рыночной экономики. Этот «отрыв» все явственнее ощущается как в сфере потребления, так и в области доступа к таким благам цивилизации, как современная медицина и образование. Как следствие, снижаются иллюзии о доминировании в развитых обществах обеспеченного и процветающего среднего класса.

В российском обществе последние десятилетия система защиты труда находилась в режиме адаптации от социалистической экономики к современной рыночной, что не могло не сказаться на ее надежности и эффективности. По этой причине Правительство РФ предложило целый ряд инициатив в сфере трудового законодательства, направленных на социальную поддержку трудящихся, что свидетельствует об осознании серьезности ситуации и необходимости усиления мер правовой защиты. Стал предметом заинтересованного обсуждения размер прожиточного минимума, что также является позитивным знаком того, что российские элиты способны прислушаться к мнению экспертов, но вот их готовность к радикальным шагам и прорывным решениям в этой области все еще вызывает сомнение.

Как отмечает В.А. Аникин, монетарные механизмы и факторы стратификации в современных обществах значительно менее эффективны, потому что та же прекаризация превращает работников в заложников социальной инфраструктуры, развитой весьма неравномерно. Имея ежемесячные доходы, двукратно превышающие средние по региону, индивид может не иметь при этом доступа к качественной медицине и образованию, а также быть слабо защищенным на своем рабочем месте. Так неравномерное развитие социальной инфраструктуры повышает роль немонетарных механизмов и снижает значение монетарных [7, с. 31].

Социологи и экономисты повсеместно констатируют новый вид неравенства – цифровое. Опасность его связана с тем, что в условиях цифрового неравенства депривация становится системной. Так, при обычном неравенстве индивиды находят способы компенсации собственной бедности и ухитряются более или менее успешно противостоять возможной депривации. Но при цифровом неравенстве отсутствие возможности удовлетворять основные физиологические и социальные потребности носит уже тотальный характер, вызывающий глубокую аномию, проявляющуюся либо в виде депрессии, либо агрессии, что во всех случаях подрывает стабильность и поступательное развитие общества.

В.А. Аникин обосновывает тезис о невозможности решения этой проблемы введением прогрессивной шкалы налогов или иными подобными методами. Он убежден, что стремление если не к преодолению неравенства, то к снижению разрыва не может быть достигнуто исключительно монетарными средствами и методами. На основе анализа статистики и иных собранных экономистами и социологами данных В.А. Аникин приходит к выводу, что российский социум с точки зрения стратификации «представляет собой общество вертикально интегрированных классов» [7, с. 32].

Далее российский социолог выделяет три категории крупных страт, которые можно было бы называть классами. Это высший средний класс, который составляет примерно 13 % от общего числа россиян, имеющих большую часть богатств и привилегий. Далее выделяется несколько страт среднего класса, которые можно отнести к низшим, насчитывающим примерно 47 % населения, которые делят оставшуюся не очень значительную долю богатства и социальных благ. А 40 % населения страны по этой схеме вообще лишены благ, богатств и привилегий, что позволяет отнести их к социальному низу и охарактеризовать как депривированные нижние классы.

Характеристика российского общества завершается в приведенном анализе как социальная общность, состоящая из двух полюсов: бедных и богатых. Вместо среднего класса в нем обнаруживается разнородная и вполне аморфная прослойка. «Особенность сложившегося в современной России социального неравенства в том, – заключает В.А. Аникин, – что как минимум один из этих нижних классов имеет ярко выраженную неэкономическую природу, поскольку на 59 % состоит из негативно привилегированных получателей трансфертов (неработающих пенсионеров) и на 27 % – из той части рабочей силы, которая не интересна рынку даже как “трудо-

вой ресурс» [7, с. 39]. Можно также сделать вывод о неэкономическом характере неудовлетворенности потребностей этой социальной страты, которая является результатом недостаточной интеграции в сферу инфокоммуникативных технологий и отсутствием доступа к образованию.

Среди множества социально-философских теорий современности особняком находится концепция общества риска, предложенная немецким исследователем У. Беком два десятилетия назад и сопровождаемая красноречивым подзаголовком о «другом модерне». У. Бек отмечает, что стремительное и неконтролируемое развитие техники привело среди прочих к одному неожиданному последствию – росту неопределенности, что касается как настоящего, так и будущего, относится как к технической сфере, так и к сфере социального. И одна из наиболее уязвимых для негативного воздействия фактора неопределенности оказывается сфера труда и трудовых отношений.

Одной из главных причин, порождающих неопределенность, немецкий ученый называет все углубляющееся разделение труда, которое он считает критическим: «Доведенное до крайности разделение труда порождает всё – и побочные последствия, и их непредсказуемость, и реальность, которая придает этой “судьбе” облик неотвратимости. Сверхспециализация есть действующая модель общественной практики, которая сгущает фатализм последствий в своего рода круг самоподтверждения» [8, с. 274].

Неопределенность затрагивает и радикально преобразует многие аспекты труда как социального института. Послевоенные Германия и Франция вырвались вперед и опередили другие страны в социально-философском осмыслении роли гражданского общества, которое может и должно стать более успешной альтернативой государству в отстаивании интересов трудящихся, которые во многих аспектах расходятся с интересами капитала. У. Бек в работе, посвященной глобализации, пишет, что само восприятие конфликта труда и капитала претерпело существенную эволюцию [9, с. 24–25]. Ранее в образе этого конфликта выводилась на первый план пара «хозяин — батрак», которая была ясна и отчетлива, потому что задавала координаты субъектов и расшифровывала смысл противостояния интересов. Трудящийся в обществе классического капитализма, по мнению У. Бека, мог делегировать право отстаивать свои экономические и социальные интересы специально созданным организациям – профсоюзам. Это важный момент диалектического развития конфликта между трудом и капиталом, потому что сам трудящийся не может бастовать или предпринимать иные активные действия в одиночку – его связывает с работодателем трудовое соглашение.

Теперь отношение между трудом и капиталом перестало сводиться к паре «хозяин — батрак», потому что в качестве работодателя чаще всего выступает транснациональная корпорация, которая в состоянии успешно игнорировать национальное трудовое законодательство. Далее У. Бек приводит пример концерна «Фольксваген», который еще в 2001 г. смог снизить заработную плату сотрудникам, при этом заставив их больше работать. Новая модель была названа более гибкой, но ее внедрение никогда бы не прошло столь безболезненно и не вызвало бы одобрение общественности, если бы не оказалось альтернативой переноса части производства в Словакию или в Индию.

Теоретические конструкции, связанные с социально-философским осмыслением понятия прекариата, приводят Г. Стэндинга к выделению этой группы в отдельный социальный класс. Британский исследователь даже заносит его в число основных классов современного общества и называет «новым опасным классом» [10, с. 20]. Г. Стэндинг в своем анализе прекаризации труда и эмоционально-психологической реакции на нее со стороны трудящихся различает такие понятия, как гарантия занятости и гарантия рабочего места, что на первый взгляд представляется практически одним и тем же понятием. В подтверждение своего тезиса он приводит факты, связанные с деятельностью компании «Франс Телеком», где несколько десятков тысяч имели формальные гарантии трудоустройства, но руководители постоянно переводили их с места на место, меняя при этом должности и места работы. Результатом непрекращающегося беспокойства сотрудников по поводу их нестабильного положения относительно рабочего места стали суициды, число которых дошло до трех десятков.

Из приведенного примера видно, что люди, рассчитывающие на долгосрочный и предсказуемый труд на одном рабочем месте, не смогли пережить отсутствие стабильности, хотя гаран-

тии трудоустройства у них были. Таким образом, утверждает Г. Стэндинг, рабочее место может быть незащищенным и занимающий его работник оказывается также не защищен. Еще более показателен пример в случае с государственными служащими. Несмотря на зримые гарантии и прекрасный социальный пакет, их работа является службой, они могут быть перемещены с одного места на другое с совершенно иным функционалом и иными условиями работы, в любой миг вышестоящее руководство может таких сотрудников «бросить на прорыв», исключая любую возможность выбора. Так было всегда, но это компенсировалось иными благами, и выбор в пользу службы осуществлялся, как правило, единожды, т. е. всего лишь раз в жизни.

В экономической науке принято делить всю экономику на первичный, вторичный и третичный секторы. К первичному относятся все виды экономической активности, в которых человек контактирует с природой непосредственно и присваивает добытые из ее недр богатства. Скотоводство и земледелие, добыча полезных ископаемых, выращивание леса, рыболовство и иные подобные промыслы составляют этот сектор экономики. Ко вторичному сектору принято относить обработку и переработку добытых природных ресурсов, а также строительство. В доиндустриальных обществах почти вся экономика сводилась к первичному сектору, в индустриальных обществах росли объем и значение вторичного сектора.

Третичным сектором называют сферу услуг, и то, что в последние десятилетия доля этого сектора в экономике неуклонно росла, позволило Г. Стэндингу назвать всю современную экономику постиндустриального общества третичной. Более того, он даже ввел понятия третичного труда, третичного рабочего места, третичного времени, полагая, что третичное рабочее место и время формируют у работника особые рабочие навыки, которые он также назвал третичными.

Главными параметрами, определяющими состояние тела в пространстве, являются не пространство и время, как это можно усвоить благодаря школьному курсу физики, в котором рассматриваются основные понятия ньютоновской механики. Но из истории философии известно, что время и место – это фундаментальные категории аристотелевской метафизики. В социальной философии важную роль играют категории социального пространства и социального времени, позволяющие увидеть смысловую составляющую происходящего в обществе. Индивид может физически сидеть в одном и том же кресле на своем рабочем месте, но его социальные акции начинают расти, а вместе с ними растет и социальный капитал, он поднимается в общественном мнении. Эти метафоры работают тогда, когда общество замечает те или иные действия (или высказывания) индивида и положительно на них отреагирует. Или индивид «поднимается по служебной лестнице», переходя из кабинета в кабинет, но необязательно с этажа на этаж – еще одна метафора, точно передающая социально-философский смысл внутриорганизационных кадровых перемен и перемен в жизни человека.

В рассматриваемом нами анализе, даваемом Г. Стэндингом, об изменении рабочего места и рабочего времени речь идет о совершенно иных метафорах и смыслах. Что такое третичное рабочее место и третичное рабочее время в сравнении с вторичными? Британский исследователь разбирает буквально понятия «пространство» и «время», потому что их физическое изменение вполне очевидно, хотя и не сводится к механическому уменьшению или увеличению. Скорее речь идет о социально-антропологическом наполнении этих понятий, но не подразумевающих их семиотизацию или какую-либо иную символизацию.

Г. Стэндинг обращает внимание на то, что появившееся в индустриальную эпоху различие рабочего места и дома, ушедшее вновь в эпоху постиндустриальную, разрушило и деление личного времени на рабочее и нерабочее. Но только четко очерченное и отдифференцированное от всех остальных мест пребывания индивида рабочее место может становиться предметом правовой защиты и быть объектом социального страхования. Лишь немногие среди всех занятых на промышленном производстве относились к разряду служащих и могли покидать рабочее место, формировать собственные трудовые траектории в течение рабочего дня или рабочей недели. Но даже они оценивались по тому, сколько времени проводили на своем рабочем месте и как часто его покидали. А пролетарии просто шли к станку или конвейеру, и контроль за их пребыванием на рабочем месте, а также за их поведением в процессе производства становился по мере совершенствования все более тотальным.

В третичном обществе ситуация меняется и для многих дом вновь превращается в рабочее место, будь то импровизированная мастерская или продолжение офиса. Происходит и обратная трансформация – кабинеты служащих все больше «одомашниваются» путем размещения там семейных портретов, слушание на работе музыки или просмотра телепередач вполне допустимы, особенно для занятых в сфере обслуживания. Как отмечает Г. Стэндинг, третичное рабочее время приводит к тому, что становится невозможно по-прежнему контролировать знание, этику и время.

Прекариат находится в постоянном цейтноте потому, что обычно занят на разных работах или вовлечен в выполнение различных проектов. В третичной экономике проявляет себя «неделимость использования времени», потому что никто не контролирует более, за какой именно временной интервал сделана та или иная работа. «Работа, – пишет Г. Стэндинг, – это не только труд, то есть деятельность, направленная на производство конечного продукта. В третичном обществе с гибкой рабочей силой много времени уходит на “работу ради работы”, а именно работу, которая хоть и не обладает рыночной стоимостью, но тем не менее делать ее либо необходимо, либо желательно. Одна из самых характерных для прекариата форм “работа ради работы” – это поиск вакансий на рынке труда» [10, с. 145].

Не все разделяют опасения по поводу изменений в характере и сущности труда, связанных с его прекарризацией, не все видят один лишь негатив в жизни человека, пополнившего ряды так называемого прекариата. В концепции Д. Пинка само название этого явления иное. Вместо стэндинговского прекариата автор использует термин «свободные агенты», видя значительно больше преимуществ, нежели недостатков в этом новом явлении в области труда и трудовых отношений [11].

Российский исследователь Р.И. Анисимов сравнивает подходы этих двух авторов, показывая, что столь радикальное расхождение их позиций может быть объяснено различием политических предпочтений: европеец Г. Стэндинг явно симпатизирует социал-демократическим ценностям, в то самое время, как американец Д. Пинк проявляет приверженность идеалам либерализма [12, с. 49]. Избранные ими методологические основания также различны – холизм первого позволяет говорить о прекариате как о новом социальном классе, тогда как методологический индивидуализм второго концентрирует его внимание на социальных атомах – акторах. Индивиды, в соответствии с концепцией Д. Пинка, сами выбрали более удобный для них способ труда, хотя и не без помощи внешних обстоятельств, которые сложились благополучно для этого. Г. Стэндинг убежден в том, что особого выбора для попадания в класс прекариата ни у кого не было и рекрутированные в эту страту работники не проявляли какой бы то ни было инициативы, они подчинились сложившимся на рынке труда обстоятельствам.

Р.И. Анисимов находит различия и в разных подходах к выбору объекта и формулированию предмета исследования. Г. Стэндинг в первую очередь интересуется изменениями в организации и условиях труда, что он и делает предметом исследования. У Д. Пинка предмет существенно иной – он обращается к изменениям, произошедшим в сфере квалификации работников. Эти различия, по мнению Р.И. Анисимова, есть результат различий в избранных объектах. Внимание Стэндинга привлекают работники предприятий в условиях нестабильной занятости, а увлеченный описанием свободных агентов Пинк обращается к феномену самозанятости и самоорганизации на рынке труда.

Неудивительно, что в итоге одно и то же по своей сути явление, будучи изучено столь непохожими людьми и столь разными способами, позволяет им дать различные прогнозы. В первом случае прогнозируются социальные потрясения, а во втором речь идет о замене институционализированного труда неинституционализированным, т. е. трудом самозанятых. Сам автор скорее согласен с концепцией Д. Пинка, что приводит его к заключению, что большинство самозанятых не только не могут, но и не хотят возвращаться к более привычным формам институционализированного труда [12, с. 50].

Ж.Т. Тощенко встраивает понятие прекариата в концептуальную конструкцию марксистской философии. В историческом материализме одно из ключевых – положение о пролетариате как об отдельном классе, особенность которого состоит в его отчуждении от результатов своего труда. Прекариат понимается российским социологом как социальный класс, отчужденный от

всего общества, от всех остальных социальных групп. Для его эксплуатации в трудовые и экономические отношения внедрены «особо изощренные формы эксплуатации», при которых эксплуатации подвергается не только труд, но и знание, и даже квалификация. Более того, Ж.Т. Тощенко утверждает, что объектом эксплуатации в конечном счете становится качество жизни [13, с. 3].

Парадоксализм социального бытия прекариата проявляется уже в одном из возможных его определений: к прекариату можно причислить тех членов общества, которые «постоянно» находятся на «временной» работе. Трудоустройство представителей прекариата определяется как эпизодическое, а сам труд обычно носит нелегальный или полунелегальный характер, что сводит к нулю и без того крайне слабую социальную защищенность трудящихся. Ж.Т. Тощенко приводит в качестве примера отношения власти к прекариату выступление вице-премьера правительства РФ О. Голодец, которая назвала сектор рынка труда «нелегитимным». Можно согласиться с теми, кто считает урезанными не только права представителей прекариата, но и их социальный статус.

Отечественные исследователи прекариата, родившиеся и выросшие в стране, где еще сильны воспоминания о высоком уровне социальной защищенности, в целом характерном для стран социалистического выбора, особенно остро воспринимают нынешнее положение самозанятых. При этом совершенно очевиден тот факт, что труд по краткосрочному найму существовал с древнейших времен, имел место и в индустриальном обществе, независимо от того, было ли оно капиталистическим или социалистическим. Работа по временному трудовому договору или даже без юридически оформленного и официально зарегистрированного договора может занимать в общем объеме трудовой деятельности долю, не превышающую десяти процентов, а может вырастать до тридцати или даже до сорока. В последнем случае можно говорить о качественных изменениях в обществе и о масштабной прекаризации труда. То, что прежде было незначительным в масштабах всего трудящегося населения явлением, дополняющим основные формы труда, теперь выходит в качестве определяющего тренда, ломающего традиционную структуру общества, преобразующего трудовые отношения.

Разумеется, у названного тренда есть свои источники и свои движущие силы. Развитие прекариатных трудовых отношений было выгодно как производственному, так и финансовому капиталу. Теоретическое обоснование естественности роста прекариата было дано в рамках неолиберализма, где люди, оказавшиеся за бортом финансового благополучия, рассматриваются как лишние и не имеющие «права голоса» в определении пути развития страны, в том числе и через демократические выборы. Они фактически лишаются статуса граждан, оставаясь лишь на бумаге полноправными членами общества, ибо им перекрыт доступ ко всем социально значимым ресурсам. Как отмечает В.С. Мартыянов, прекариат – это порождение неолиберальной политики, проводимой в эпоху глобализации самыми разными правящими партиями. Российский социолог убежден, что необходимо вернуться к пониманию того, что только такое общество будет процветающим и гармонично развивающимся, в котором все слои населения будут представлены во власти. Так, по его мнению, концепция базового дохода изменяет прежде казавшиеся незыблемыми представления о том, что такое демократия [14, с. 141–153]. Граждане оказываются равны не в силу наличия у них статусов или ресурсов, а по причине самого факта своего существования в мире.

Таким образом, политические расхождения в понимании того, каким образом должна быть устроена экономика, оказываются расхождениями в понимании сущности труда и трудовых отношений в желаемом образе будущего. Неолиберальная концепция труда мыслит его как сложную систему действий и отношений между людьми, которая сформировалась и функционирует вне государства, которое следит за соблюдением права при решении тех же правовых споров. Их оппоненты полагали, что именно государство должно активно вмешиваться в развитие хозяйства, и как его часть объектом вмешательства становится труд.

Государство в антилиберальном понимании – главный субъект, регулирующий всю систему труда и планирующий развитие экономики. Либералы убеждены, что проведение антилиберальной политики в сфере труда и трудовых отношений неизбежно приводит к падению эффективности такой регулируемой трудовой деятельности, к снижению экономического роста.

Так политический дискурс и политические установки оказываются важнейшим фактором развития экономики, хозяйства и системы трудовых отношений. Вопрос о справедливости напрямую связан с вопросом об эффективности сложившейся системы экономических и социальных отношений.

Список источников

1. Masquelier C. Bourdieu, Foucault and the politics of precarity // *Distinktion Journal of Social Theory*. 2018. № 20 (2). P. 1–21.
2. Rose N. *Governing The Soul: Shaping the Private Self*. London: Free Association Books, 1999. 320 p.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 607 с.
4. Вагнер А. Прекаризация и атипичная занятость женщин и мужчин в Германии и Европе. Исследования Фонда им. Фридриха Эберта. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/10924.pdf> (дата обращения: 11.02.2022).
5. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. 2015. № 12 (380). С. 99–110.
6. Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? М.: Дело, 2018. 536 с.
7. Аникин В.А. Социальные классы новой России – неравные и разные // *Социологические исследования*. 2020. № 2. С. 31–42.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
9. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. 464 с.
10. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 218 с.
11. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2006. 328 с.
12. Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // *Социологические исследования*. 2017. № 11 (403). С. 44–52.
13. Тоценко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // *Социологические исследования*. 2015. № 6 (374). С. 3–13.
14. Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // *Социологические исследования*. 2017. № 5 (397). С. 141–153.

References

1. Masquelier C. Bourdieu, Foucault and the politics of precarity. *Distinktion Journal of Social Theory*. 2018;(20):1-21.
2. Rose N. *Governing the soul: shaping the private self*. London: Free Association Books Publ.; 1999. 320 p.
3. Castels M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow: Higher School of Economics Press; 2000. 607 p. (In Russ.).
4. Wagner A. Precarization and atypical employment of women and men in Germany and Europe. *Friedrich Ebert Research Foundation*. Available from: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/10924.pdf> [Accessed 11th February 2022]. (In Russ.).
5. Shkaratan O.I., Karacharovsky V.V., Gasyukova E.N. Precariat: theory and empirical analysis (based on the materials of surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015;(12):99-110. (In Russ.).
6. Atkinson E. *Inequality: what about him?* Moscow: Delo Publ.; 2018. 536 p. (In Russ.).
7. Anikin V.A. Social classes of new Russia – unequal and different. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2020;(2):31-42. (In Russ.).
8. Beck U. *Risk society. On the way to another modern*. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 2000. 384 p. (In Russ.).
9. Beck U. *The government and its opponents in the era of globalism. The new world-political economy*. Moscow: Progress-Tradition, Territoriya budushchego Publ.; 2007. 464 p. (In Russ.).

10. Standing G. *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press Publ.; 2011. 218 p. (In Russ.).
11. Pink D. *The nation of free agents: how new independent workers are changing the life of America*. Moscow: Sekret firmy Publ.; 2006. 328 p. (In Russ.).
12. Anisimov R.I. Labor in the era of uncertainty. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2017;(11):44-52. (In Russ.).
13. Toshchenko Zh.T. Precariat - a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015;(6):3-13. (In Russ.).
14. Martianov V.S. Our rental future: global contours of society without labor? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2017;(5):141-153. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.Г. Пржиленская – ассистент департамента гуманитарных наук.

Information about the author

J.G. Przhilenskaya – Assistant of the Department of Humanities.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 22.06.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Научная статья
УДК 94(47).084.2/3
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-20-27

КОНГРЕСС США И ВОПРОС О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ ИРАКА: КУРДСКИЙ ФАКТОР В 2002–2003 ГОДАХ

Радмила Сергеевна Айриян^{1✉}, Арсений Владимирович Лепков²

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ rsayriyan@sfnu.ru✉

² lepko@sfedu.ru

Аннотация. Исследуются политические дискуссии в Конгрессе США по вопросу начала войны в Ираке и судьбе курдского меньшинства в этой стране. Анализируются аргументы сторонников и противников войны в Ираке через призму курдского фактора на основе стенограмм Конгресса США, а также материалов слушаний в комитете Сената по внешним отношениям. Подчеркивается и значимость курдского вопроса на начальном периоде обсуждения (дискуссия по наделению президента США правом начать военные действия в Ираке), и рост интереса законодателей к судьбе курдского населения в январе-марте 2003 г. Делается вывод о том, что для сторонников вторжения курдский фактор стал основным и ставка делалась на необходимости свержения Саддама Хусейна из-за его жестокого отношения к собственному народу, а в стане противников войны – ставка делается на тезис, что о судьбе курдов известно было и в 1980-е гг., но никто тогда не решился на оказание им военной поддержки. Проблема двойных стандартов в американской внешней политике в отношении как курдов, союзников США в регионе, так и Саддама Хусейна впервые обозначается Конгрессом США в 2003 г.

Ключевые слова: Конгресс США, курдский фактор, Иракская война, Ирак, Саддам Хусейн, внешняя политика США, Джордж Буш-младший, сенатор Роберт Берд, сенатор Тед Кеннеди

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90014, реализовано в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Айриян Р.С., Лепков А.В. Конгресс США и вопрос о начале войны против Ирака: курдский фактор в 2002–2003 годах // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 20–27.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE US CONGRESS AND THE ISSUE OF BEGINNING THE IRAQ WAR: THE KURDISH FACTOR IN 2002-2003

Radmila S. Ayriyan^{1✉}, Arseniy V. Lepkov²

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ rsayriyan@sfnu.ru✉

² lepko@sfedu.ru

Abstract. The political discussions in the US Congress on the start of the war in Iraq and the fate of the Kurdish minority in this country are being explored. The arguments of supporters and opponents of the war in Iraq are analyzed through the prism of the Kurdish factor based on the transcripts of the US Congress, as well as materials from hearings in the Senate Foreign Relations Committee. It emphasizes the insignificance of the

© Айриян Р.С., Лепков А.В., 2022

Kurdish issue in the initial period of discussion (the discussion on giving the US President the right to start military operations in Iraq), and the growing interest of legislators in the fate of the Kurdish population in January-March 2003. It is concluded that for the supporters of the invasion the Kurdish factor became the main one and the stake was placed on the need to overthrow Saddam Hussein because of his cruel attitude towards his own people, and in the camp of the opponents of the war the stake is placed on the thesis that the fate of the Kurds was known in 1980s but no one then decided to provide them with military support. The problem of double standards in American foreign policy towards both the Kurds, US allies in the region, and Saddam Hussein was first identified by the US Congress in 2003.

Keywords: US Congress, Kurdish factor, Iraq war, Iraq, Saddam Hussein, US foreign policy, George W. Bush, Senator Robert Byrd, Senator Ted Kennedy

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-39-90014, implemented at the Southern Federal University.

For citation: Ауньян Р.С., Лепков А.В. The US Congress and the Issue of Beginning the Iraq War: the Kurdish Factor in 2002-2003. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):20-27. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблемы американского вторжения в Ирак, преследования курдов и управления страной Саддамом Хуссейном неоднократно становились предметом исследования как российских, так и зарубежных ученых. Однако, несмотря на значительное число публикаций, анализу не подвергались дискуссии в Конгрессе по вопросу начала Иракской войны через призму курдского фактора.

10 октября 2002 г. Конгресс США принял резолюцию, разрешающую президенту США использовать американские вооруженные силы против Ирака. К этому времени несколько десятилетий развивалось сотрудничество американских вооруженных сил и курдских народных ополчений. Очевидным становилось, что курды будут «внутренним» союзником для Соединенных Штатов, как только последние начнут операцию по свержению С. Хуссейна.

За резолюцию, которую внесли одновременно в палату представителей и сенат и которую законодатели могли обсуждать лишь два дня, высказались 77 сенаторов и 296 конгрессменов. В качестве обоснования причин, по которым Конгресс вынужден предоставить это право президенту США, назывались несоблюдение Ираком условий соглашения о прекращении огня 1991 г., разработка химического и биологического оружия, предоставление убежища членам «Аль-Каиды» и других международных террористических организаций, а также преследование собственных граждан [1].

Защита курдов и других этнических и религиозных общин не являлась в дебатах по принятию вышеназванной резолюции основной задачей, которая ставилась конгрессменами перед президентом США. Но тем не менее практически во всех дискуссиях курды обозначаются как притесняемое и преследуемое иракскими властями меньшинство. Так, конгрессмен-республиканец Р. Портман (штат Огайо) отмечал, что действия властей Ирака представляют собой «явную и непосредственную угрозу безопасности мира», так как оружие массового уничтожения в руках того, кто «... санкционирует массовые убийства, голодание, изнасилования и нанесение увечий этническим курдам, мусульманам-шиитам и другим противникам...» [1, р. Н7776]. То есть основное обвинение, которое конгрессмен Портман выдвигает С. Хуссейну, – это наличие у последнего оружия массового поражения, но никак не убийство курдов.

Другие конгрессмены, обосновывая необходимость принятия резолюции вопросами национальной и международной безопасности, также апеллировали к поддержке как курдов, так и иракского народа в целом [1, р. Н7787]. Представитель клана Кеннеди Патрик Кеннеди (конгрессмен-демократ из Род-Айленда), поддерживая резолюцию, предостерегал от того, что война против Ирака может перерасти в войну региональную. Наряду с обострением арабо-израильского конфликта может случиться, что Турция, Сирия и Иран будут втянуты в конфликт из-за наличия значительного курдского населения в этих государствах [1, р. Н7792]. П. Кеннеди полагал, что курдское население вышеназванных стран вряд ли сможет остаться в

стороне от тех процессов, которые будут протекать в иракском Курдистане. Интересно отметить, что его отец, сенатор Тед Кеннеди (демократ, штат Массачусетс), младший брат президента США Джона Кеннеди, при голосовании данной резолюции в Сенате выступил ярким ее противником и был одним из 23 сенаторов, проголосовавших против.

Завершая дебаты по резолюции, глава комитета Палаты представителей по международным отношениям конгрессмен Г. Хайд (республиканец, Иллинойс), назвал три причины, из-за которых Конгресс должен проголосовать за принятие резолюции: «Во-первых, Саддам Хуссейн — очень опасный человек. История его режима — это история безудержного насилия против Ирана, против Кувейта, против курдов, против шиитов и против других, чье единственное преступление — противостоять его деспотическому режиму» [1, р. Н7798]. Угроза безопасности США со стороны режима Хуссейна, а также его попытки обрести оружие массового уничтожения и воспользоваться им были названы второй и третьей причиной. Они были слабо аргументированы и недоказуемы. С одной стороны, никаких следов наличия у С. Хуссейна оружия массового уничтожения также не было найдено после его свержения. С другой стороны, Ирак непосредственно не нес никакой угрозы американской безопасности, у С. Хуссейна не было возможностей для этого. Только в марте 2003 г. (когда угроза военного вторжения была очевидна, и С. Хуссейн получил ультиматум покинуть страну в течение 48 часов) иракский лидер заявил, что «иракская армия уничтожит любого агрессора» [2, с. 154], но и только. Никаких действий для этого с его стороны не предпринималось. Таким образом, американская стратегия превентивного удара с целью свержения деспотичного правителя и освобождение народа на практике означает признание Соединенными Штатами законности войны против любого правительства, которое они сочтут недемократическим [3, 4].

В Палате представителей противники резолюции, позволяющей американскому президенту начать войну с Ираком, ни разу в своей аргументации не упомянули курдов. Трудно было выступать против войны с Хуссейном и при этом сочувствовать судьбе иракских курдов.

Совершенно по-иному обстояли дела в Сенате. Там курдский вопрос в связи с предложенной резолюцией поднимался более предметно как сторонниками, так и противниками резолюции. Так, сенатор-демократ Джозеф Байден (штат Делавер) обозначил проблему последствий начала войны. Выступая в заключительный день дебатов по резолюции, он отметил, что падение режима Хуссейна может вызвать хаос, который подтолкнет, с одной стороны, курдов к захвату богатых нефтяных месторождений, а с другой — Турцию к активным действиям, чтобы предотвратить возникновение курдского государства на территории Ирака [1, р. S10294]. Опасения сенатора Байдена поддержал его коллега, республиканец Майк Девайн, остановившийся исключительно на сложной этноконфессиональной карте Ирака, говоря, что после окончания войны «... вполне могут начаться кровавые разногласия между ... шиитами, суннитами и курдами» [1, р. S10297]. Он не отдавал предпочтение какой-либо этнической группе, а просто констатировал факт, что у США нет плана по послевоенному устройству Ирака и нет необходимого числа войск, чтобы предотвратить нежелательное последствие войны. Сенатор-республиканец П. Фицджеральд, представлявший штат Иллинойс, допустил, что после войны иракские курды могут признать, что «... независимость — это несбыточная мечта...». Но при этом он отметил, что это осознание не будет способствовать успешной реинтеграции курдского региона в единый Ирак из-за имеющегося у них опыта самоуправления [1, р. S10341-S10342]. И последующие события доказали верность слов сенатора Фицджеральда: иракский Курдистан сегодня выглядит как «государство в государстве», а войска пешмерга фактически не стали частью иракской армии и в более поздний период [5].

До конца этой сессии Конгресса об иракских курдах вспомнили лишь единожды. 14 ноября 2002 г. конгрессмен Р. Пол (республиканец из штата Техас) на фоне проводимых постоянно американо-турецких консультаций о вероятном участии Турции в войне против Ирака заметил, что курды могут ухватиться за шанс осуществить свою мечту о независимости. При этом он подчеркнул, что передача иракского Курдистана Турции в качестве награды за ее военное сотрудничество не произойдет бескровно, а наоборот, случится «жаркая и смертельная борьба» [6, р. E2084].

Стоит отметить, что острых дебатов и споров по судьбе курдов и Иракского Курдистана в ходе рассмотрения резолюции, предоставляющей американскому президенту право начать военные действия против Ирака, не было. Курдский вопрос использовался для придания резолюции веса и подкрепления идеи, что США борются с С. Хуссейном не только из-за американских национальных интересов, но и ради свободы угнетаемых режимом народов.

Январь 2003 г. ознаменовался заседанием новоизбранного конгресса США и ожиданием начала войны против Ирака. В 108-м конгрессе США большинство в обеих палатах получила снова республиканская партия. Это означало, что инициативы президента-республиканца будут восприняты также благосклонно законодателями, как и в период работы Конгресса предыдущего созыва.

Новую дискуссию о возможной американо-иракской войне открывает выступление 28 января 2003 г. сенатора Дж. Байдена, члена комитета Сената по международным отношениям. С одной стороны, он требовал от президента Джорджа Буша-младшего дать четкое обоснование необходимости начала военных действий, а с другой – предостерегал от последствий. Наряду с вероятностью перерастания войны в региональный конфликт, уничтожением нефтяных месторождений правительством Ирака сенатор Байден назвал и «гуманитарный кошмар», который разразится в Иракском Курдистане. Он пояснил, что Хуссейн может лишить курдов доступа к еде и лекарствам, а также применит против них химическое оружие, «как он это делал ранее» [7, p. S1507]. Таким образом, обеспокоенность судьбой курдов впервые в ходе дебатов становится аргументом не в пользу начала военной операции, а аргументом противников стремления администрации Буша-младшего.

Ряд сенаторов на январских обсуждениях в доказательство использования двойных стандартов в отношении курдов ссылались на статью, опубликованную 30 декабря 2002 г. в газете «Вашингтон пост» [8]. Так, сенатор-демократ от Южной Дакоты Т. Джонсон высказал серьезную озабоченность тем, что администрация президента Буша-младшего аргументирует необходимость военных действий против Ирака жестоким отношением С. Хуссейна к курдскому населению страны [7, p. S1767]. При этом сенатор обратил внимание коллег, что США знали о применении Хуссейном химического оружия против курдов в 1988 г. Но тогда не предприняли никаких мер по защите курдского населения, потому что Ирак рассматривался в качестве важного союзника США в их противостоянии с Ираном. Сенатору Джонсону вторил в Палате представителей его однопартиец Крис ван Холлен (штат Мэриленд). Он напомнил законодателям, что в 1988 г. он предлагал резолюцию о введении экономических санкций в отношении Ирака за применение химического оружия против курдов, но та резолюция не была поддержана: «Я призываю кого-нибудь объяснить мне, как тогда... те же самые действия оправдывают применение военной силы Соединенными Штатами в 2003 году» [7, p. H1737]. Реакция администрации Дж. Буша-мл. была однозначной. Министр обороны Д. Рамсфельд некоторых членов Конгресса назвал практически предателями [9, с.188].

Анализ дебатов в Конгрессе нового созыва в январе-феврале свидетельствует, что сенаторов и конгрессменов беспокоила послевоенная судьба Ирака в целом и северных регионов, населенных преимущественно курдами, в частности. Сенатор Р. Берд (демократ, Западная Вирджиния) прямо говорил, что «кому-то придется успокаивать ситуацию на севере, где курды могут стремиться к созданию собственного государства, что вызывает серьезную озабоченность у нашего союзника – Турции» [7, p. S2174]. Его коллега по партии сенатор К. Левин (штат Мичиган), выступая 27 февраля 2003 г., продолжил мысль сенатора Берда, заявив, что «в лучшем случае у нас не будет проблем с курдами, и шииты не нападут на суннитов. В худшем случае... будут гражданские войны» [7, p. S2905]. Даже при обсуждении бюджета США поднимался курдский вопрос [7, p. H381] в привязке к предполагаемому началу войны против Ирака. Это вполне понятно, так как усиление армейских частей на Ближнем Востоке и ведение боевых действий диктовало увеличение расходов на военные нужды.

Мысль о возможном начале гражданской войны в Ираке после уничтожения режима Хуссейна не оставляла и сенатора Т. Кеннеди, который, выступив 7 марта 2003 г., заявил, что «когда уляжется пыль, подавленные племенные и религиозные разногласия прошлого могут выйти на первый план, как это было... в бывшей Югославии, Руанде и других странах» [7, p. S3360].

И он задавался вопросом – что будут делать американцы, если курды в северном Ираке заявят о независимости Курдистана или если они решат захватить Киркук, один из крупных нефтедобывающих районов?

С 11 марта 2003 г., когда уже было очевидно, что войне быть и быть скоро, все больше в дебатах звучит вопрос о послевоенном устройстве страны. Конгрессмен ван Холлен вспоминал комментарий министра обороны США в 1991 г. Д. Чейни (в 2003 г. уже вице-президента США): «Неясно какое будет правительство. Шиитский режим, суннитский режим или курдский режим?» и отмечал, что согласен с Д. Чейни 1991 г. Сенатор Кеннеди вновь поднимает вопрос о вероятности объявления курдами независимости региона Иракский Курдистан. 13 марта, выступая в Сенате, он вопрошал, придется ли снова направлять американские войска в Ирак, чтобы сохранить единство страны, если курды объявят о независимости и последует немедленная реакция со стороны Турции. Конгрессмен Дж. Инсли (демократ, штат Вашингтон) и вовсе обвинил президента Буша-младшего в том, что последний готов к секретной сделке с Турцией, позволяющей ей контролировать северные районы Ирака и фактически лишить свободы курдов, которые «только недавно ее обрели». Сенатора Д. Экака (демократ, штат Гавайи) также волновало то, что американские власти не обнаружат план послевоенного устройства Ирака. Ссылаясь на показания военных и экспертов на слушаниях в сенатском комитете по международным отношениям, сенатор выразил мнение, что существует угроза войны между курдами и Турцией, если курды начнут наступление на Киркук. Опасения сенаторов были не беспочвенны. Турция не раз выражала обеспокоенность из-за существования курдских вооруженных формирований на севере Ирака, а также тесного американо-курдского взаимодействия [8].

Действительно, если обратиться к заявлениям представителей администрации президента Дж. Буша-младшего, то в них мы встречаем обвинения в адрес С. Хуссейна (и курдский сюжет активно ими используется) и видим оправдывание агрессии стремлением бороться с тиранией и принесением свободы в угнетаемое общество. Но чего мы не видим, так это планов по управлению Ираком после его оккупации. Сенаторы и конгрессмены закономерно поднимали вопрос – «а что дальше?». Надо полагать, что Дж. Буш-младший и члены его администрации исходили из того, что достаточно ликвидировать режим Хуссейна, установить новое правительство и повторится судьба послевоенной Германии или Японии – Ирак станет демократическим государством. «Все были более чем уверены в успехе» [9, с. 200], вспоминала Мадлен Олбрайт, незадолго до американского вторжения присутствовавшая на одном из совещаний Министерства обороны США.

Соединенные Штаты явно недооценивали сложную этноконфессиональную карту Ирака, трудную историю взаимодействия различных групп населения, позицию сопредельных государств (напр., Турции). Кроме того, недооценили готовность курдов быть послушными воле Вашингтона в пост-Саддамовский период. Это опасение звучало и на слушаниях комитета Сената по внешним отношениям. Практически все приглашенные эксперты говорили о том, что власти не имеют программы действия, не знают, каким должно быть послевоенное устройство Ирака – федерация по этническому признаку или административному. Звучали опасения по поводу роста антиамериканских и радикальных настроений в обществе. И в этом вопросе настаивали эксперты, а вслед за ними и сенаторы, единственным верным союзником США в Ираке являются курды и их военные формирования [10–12]. Таким образом необходимо удерживать курдов в границах единой страны с тем, чтобы они продолжали оставаться опорой Соединенных Штатов, так как антиамериканские и радикальные исламистские настроения в большей степени будут развиваться не в их среде.

Однако были и те, кто выступал за войну с целью свержения Хуссейна, используя аргумент, что президент Буш не хочет повторения событий 1980-х гг., когда химическое оружие было направлено иракскими военными против курдского населения Ирака и иранцев [7, р. Н695]. Конгрессмен К. Велдон из штата Пенсильвания и вовсе сравнил действия Хуссейна против иракских курдов в 1980-е гг. с Холокостом периода Второй мировой войны, обозначив число убитых: «фактически, документов достаточно, чтобы задокументировать более 200 тысяч убийств» [7, р. Н1325]. Политику Саддама он назвал кампанией систематического истребления и геноцида курдов.

В мартовских дискуссиях всё чаще всплывают упоминания о событиях 1980-х гг. с применением химического оружия против курдов – кампания «Анфаль», уничтожение Халабджи. Майк Пенс, конгрессмен-республиканец из Индианы, ссылаясь на данные британской стороны, организации «Хьюман Райт Вотч», и свидетельских показаниях курдского беженца, доказывал коллегам, что в Ираке было множество случаев нарушения прав человека и преследований по религиозному и этническому признаку [7, р. Н1670-Н1673].

Других конгрессменов, преимущественно демократов, возмущала вероятность заключения соглашения с Турцией, ради поддержки которой США могут «сдать» иракских курдов, «...единственных людей в Ираке, у которых есть хоть немного самоопределения» [7, р. Н1477].

В то же время у сторонников позиции администрации президента США появлялись свои вопросы к тем, кто возражал против начала войны с Ираком, и новые аргументы. Так, конгрессмен Д. Хантер (республиканец, штат Калифорния) весьма эмоционально восклицал: «По всему миру прошли массовые демонстрации против войны.... Я не думаю, что кто-либо из этих людей выходил на демонстрации, когда курдских младенцев уничтожали отравляющими газами... Курды и шииты давно ждали этого дня» [7, р. Н1662-Н1667]. То есть дня начала войны против Ирака с целью свержения С. Хуссейна.

Уже 1 мая 2003 г. Дж. Буш-мл. произнес речь, которая вошла в историю под названием «Миссия выполнена». В ней американский президент благодарил американских солдат: «Из-за вас тиран пал, и Ирак свободен» [13]. Но в этой речи не нашлось места курдам, тем, чьим именем фактически обосновывалась необходимость войны против режима С. Хуссейна.

Таким образом, вопросы упоминания курдов и их судьбы при Хуссейне, а также послевоенные перспективы их существования претерпевали некоторую динамику. В ходе обсуждения законопроекта о наделении президента правом начать военную операцию в Ираке курдская проблема поднималась редко и то в контексте подкрепления идеи, что США борются с Хуссейном ради свободы угнетенных народов.

Курдская проблема оказалась в центре дискуссий уже на январской сессии Конгресса США, когда стали известны новые факты об осведомленности властей США в 1980-е гг. относительно преступлений правительства Ирака в отношении курдского населения страны.

К исходу предвоенных обсуждений в Конгрессе США ситуации в Ираке и судьбе курдов, сторонники операции преимущественно использовали аргумент о Саддамовской тирании и уничтожении курдов. В то время как противники военной операции говорили об отсутствии у властей США какого-либо плана послевоенного управления Ираком и, соответственно, выстраивания в новых условиях взаимоотношения с курдами, имеющими самую боеспособную армию.

Список источников

1. Congressional Record. Vol. 148. Proceedings and debates of the 107th Congress, 2nd session. Washington: US Governmental Printing Office, 2002.
2. «Новая нормальность» и международные отношения: теории, инструменты, практики. М.: Аквилон, 2021. 470 с.
3. *Talentino A.K.* US intervention in Iraq and the future at normative order // *Contemporary Security*. 2004. Vol. 25, № 2. P. 312–338.
4. *Tucker R.W., Hendrickson D.C.* The sources of American legitimacy // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83, № 6. P. 18–32.
5. Пешмерга не являются частью операций иракской армии по уничтожению остатков ИГ // *Kurdistan.Ru*. URL: https://kurdistan.ru/2018/07/05/news-33028_Peshmerga_ne_yavlyayutsya_chastyu_operaciy_irakskoy_armii_po_unichtozheniyu_ostatkov_IG.html? (дата обращения: 24.03.2022).
6. Congressional Record. Vol. 148. Extensions of Remarks of the 107th Congress, 2nd session. Washington: US Governmental Printing Office, 2002.
7. Congressional Record. Vol. 149. Proceedings and debates of the 108th Congress, 1st session. Washington: US Governmental Printing Office, 2003.

8. U.S. Had Key Role in Iraq Buildup // The Washington Post. 2002. December 30. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/12/30/us-had-key-role-in-iraq-buildup/133cec74-3816-4652-9bd8-7d118699d6f8/> (дата обращения: 21.03.2022).
9. Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Бук, 2007. 352 с.
10. The Future of Transatlantic Security Relations. Colloquium Report. September 2006. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2006/ssi_cerami-chilcoat-baetjer.pdf (дата обращения: 22.03.2022).
11. Iraq: Reconstruction. Hearing before the United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: <https://www.congress.gov/event/108th-congress/senate-event/LC14408/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kurds%22%2C%22kurds%22%5D%7D&s=3&r=5> (дата обращения: 23.03.2022).
12. Beyond Iraq: Repercussions of Iraq Stabilization and Reconstruction Policies. Hearing before the United States Senate Committee on Foreign Relations. URL: <https://www.congress.gov/event/108th-congress/senate-event/LC15510/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kurds%22%2C%22kurds%22%5D%7D&s=3&r=2> (дата обращения: 23.03.2022).
13. Text of Bush Speech (1.05.2003) // CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/news/text-of-bush-speech-01-05-2003/> (дата обращения: 25.03.2022).

References

1. *Congressional Record. Vol. 148. Proceedings and debates of the 107th Congress, 2nd session.* Washington: US Governmental Printing Office, 2002.
2. Karnauchova O., ed. "New normality" and International Relations: Theories, Instruments, and Practice. Moscow: Akvilon Publ.; 2021. 470 p. (In Russ.).
3. Talentino A.K. US intervention in Iraq and the future at normative order. *Contemporary Security.* 2004;25(2):312-338.
4. Tucker R.W., Hendrickson D.C. The sources of American legitimacy. *Foreign Affairs.* 2004;83(6):18-32.
5. The Peshmerga is not part of the Iraqi army's operations to destroy the remnants of IS. *Kurdistan.Ru* Available from: https://kurdistan.ru/2018/07/05/news-33028_Peshmerga_ne_yavlyayutsya_chastyu_operaciy_irakskoy_armii_po_unichtozheniyu_ostatkov_IG.html [Accessed 24th March 2022]. (In Russ.).
6. *Congressional Record. Vol. 148. Extensions of Remarks of the 107th Congress, 2nd session.* Washington: US Governmental Printing Office, 2002.
7. *Congressional Record. Vol. 149. Proceedings and debates of the 108th Congress, 1st session.* Washington: US Governmental Printing Office, 2003.
8. U.S. Had Key Role in Iraq Buildup. *The Washington Post.* 2002. December 30. Available from: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2002/12/30/us-had-key-role-in-iraq-buildup/133cec74-3816-4652-9bd8-7d118699d6f8/> [Accessed 21st March 2022].
9. Albright M. *Religion and world politics.* Moscow: Al'pina Biznes Buk Publ.; 2007. 352 p. (In Russ.).
10. *The Future of Transatlantic Security Relations. Colloquium Report. September 2006.* Available from: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2006/ssi_cerami-chilcoat-baetjer.pdf [Accessed 22nd March 2022].
11. *Iraq: Reconstruction. Hearing before the United States Senate Committee on Foreign Relations.* Available from: <https://www.congress.gov/event/108th-congress/senate-event/LC14408/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kurds%22%2C%22kurds%22%5D%7D&s=3&r=5> [Accessed 23rd March 2022].
12. *Beyond Iraq: Repercussions of Iraq Stabilization and Reconstruction Policies. Hearing before the United States Senate Committee on Foreign Relations.* Available from: <https://www.congress.gov/event/108th-congress/senate-event/LC15510/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22kurds%22%2C%22kurds%22%5D%7D&s=3&r=2> [Accessed 23rd March 2022].
13. Text of Bush Speech (01.05.2003). *CBS News.* Available from: <https://www.cbsnews.com/news/text-of-bush-speech-01-05-2003/> [Accessed 25th March 2022].

Информация об авторах

Р.С. Айриян – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной истории и международных отношений.

А.В. Лепков – аспирант, стажер-исследователь кафедры зарубежной истории и международных отношений.

Information about the authors

R.S. Ayriyan – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of Department of Foreign History and International Relations.

A.V. Lepkov – Postgraduate, Intern-Researcher, Department of Foreign History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 94(47).084.2/3
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-28-35

РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГЕРОЯ МЕМУАРОВ И КИНОГЕРОЯ ПОПОВА 13-го (НА ОСНОВАНИИ ЕГО ПОСЛУЖНОГО СПИСКА)

Андрей Вадимович Венков
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, andrey_venk@rambler.ru

Аннотация. Раскрывается образ реального человека, ставшего героем мемуаров и даже киногероем. В популярном в 80-е гг. фильме «Эскадрон гусар летучих» на основе мемуаров поэта-партизана Дениса Давыдова о войне 1812 г. выведен комический образ казацкого офицера Попова. Обнаруженный в Государственном архиве Ростовской области послужной список этого офицера был исследован при помощи сравнительного и антропологического методов и показал огромную разницу между реальным человеком и киногероем. Кроме того, послужной список Попова освещает некоторые малоизвестные стороны жизни казаков в указанный период.

Ключевые слова: казаки, послужной список, киногерой, война, Финляндия, поход 1813 года, Франция

Благодарности: статья написана по теме НИР «Население Нижнего Дона в межэтнических и межкультурных коммуникациях: история и современность» в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. 0198-2021-0016, № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Венков А.В. Реальная жизнь героя мемуаров и киногероя Попова 13-го (на основании его послужного списка) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 28–35.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE REAL LIFE OF THE HERO OF THE MEMOIRS AND THE MOVIE HERO POPOV THE 13th (BASED ON HIS TRACK RECORD)

Andrey V. Venkov
Federal Research Center the Southern Scientific Centre, Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, andrey_venk@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the image of the real person who became the hero of memoirs and even a movie hero. In the popular film “Squadron of Flying Hussars” in the 80s, based on the memoirs of the partisan poet Denis Davydov about the war of 1812, the comic image of the Cossack officer Popov is derived. The service record of this officer was discovered in the State Archive of the Rostov region; it was investigated, using comparative and anthropological methods, and showed a huge difference between a real person and a movie hero. In addition, Popov’s track record highlights some little-known aspects of the life of the Cossacks during that period.

Keywords: Cossacks, service record, movie hero, war, Finland, campaign of 1813, France

Acknowledgments: the article is written on the topic of research “The population of the Lower Don in interethnic and intercultural communications: history and modernity” within the framework of the state task of the Federal Research Center the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences for 2022 0198-2021-0016, No. ААААА20-120122990111-9.

For citation: Venkov A.V. The Real Life of the Hero of the Memoirs and the Movie Hero Popov the 13th (Based on His Track Record). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):28-35. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 1981 г. на экраны вышел фильм С. Ростоцкого и Н. Хубова «Эскадрон гусар летучих». Его посмотрели 23 600 тыс. зрителей [1]. Фильм рассказывал о жизни и подвигах поэта-партизана Дениса Давыдова во время Отечественной войны 1812 г. Один из героев фильма – хорунжий Попов 13-й – прибыл в отряд Давыдова с командой казаков. Попов 13-й, которого сыграл артист Юрий Рычков, – образ комический и горемычный. Он засыпает во время боя; в качестве трофея при захвате французского обоза ловит курицу; пытается поймать арканом Наполеона, набрасывает петлю на похожего французского офицера, который проезжает мимо в санях, но петля цепляется за заднюю спинку саней, и хорунжий волочится за санями по снегу, попадает в плен и т.д. и т.п.

Мемуары Дениса Давыдова знакомы гораздо меньшему количеству людей, и там действительно упоминается донской казачий офицер Попов 13-й. Его имя встречается в мемуарах всего 7 раз. 30 сентября полк Попова 13-го прибыл в партизанский отряд Дениса Давыдова. «Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями доброконных казаков», – вспоминал Давыдов [2, с. 337]. Полк сразу же принял участие в бою под селом Покровским. «В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим, – вспоминал Денис Давыдов. – В оном оказались казаки отличной меткости и отважности» [2, с. 337]. Далее упоминается, что полк Попова 13-го участвовал в бое под селением Ляхово, захватывал городок Копыс, в составе отряда Д. Давыдова полк переходил границу России и вступал с ним в Дрезден [2]. Сам Попов 13-й как человек и офицер Давыдовым никак не характеризуется. Гораздо больше внимания уделяется, например, уряднику Крючкову из полка Иловайского 10-го, попавшего в отряд с момента его формирования: «Иловайского 10-го полка урядник Крючков – молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской» [2, с. 327].

Видимо, создатели фильма произведения Д.В. Давыдова читали поверхностно, и их больше привлекло сочетание «Попов 13-й». Для удобства носители одной фамилии в армии были наделены порядковыми номерами – Иловайский 5-й, Карпов 2-й, Попов 13-й, Греков 21-й. А «13-й» – номер несчастливый. Отсюда и образ незадачливого киногероя.

В Государственном архиве Ростовской области обнаружен послужной список за 1818 г. «О службе и достоинстве Войска Донского Кривянской станицы подполковника Попова 13-го» [3]. Герой этого послужного списка не имеет ничего общего с киногероем, разве что – служба в составе партизанского отряда Дениса Давыдова.

Всесторонне рассмотрев жизнь и службу нашего героя, можно наметить несколько узловых моментов, вызывающих внимание. Во-первых, перед нами представитель зарождающейся донской интеллигенции – его старший брат поступал в Московский университет и был первым донским историком, и его сын закончил университет (только Харьковский); во-вторых, будучи в есаульском чине, Попов 13-й служил в рядах единственного донского полка, который (помимо лейб-казаков) участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг., и по его послужному списку можно определить боевой путь донских казаков в этой войне; в-третьих, попытаться выяснить, как Отечественная война 1812 г., перевернувшая мировосприятие российского общества, отразилась на мировосприятии донских офицеров – из 77 строк послужного списка Попова 13-го война 1812 г. занимает всего 8 строк, чуть больше 10 %.

Итак, Иван Григорьевич Попов (1769–1827) происходил из обер-офицерских детей и в 1818 г. был приписан к станице Кривянской. На сайте современной станичной администрации указано, что Кривянская находится «в трех верстах» к юго-востоку от Новочеркасска, расположена «при реках Тузлове и Аксае, на месте ровном», выросла она из хутора, неизвестно когда и кем основанного. В 1778 г. он назывался Кривым Станом, а в 1790 г. был переименован в станицу Кривянскую [4]. Кривой Стан изначально относился к г. Черкаску. С.В. Корягин считает, что И.Г. Попов происходил из Средней станицы [5, с. 270], которая наряду с Павловской, Прибылянской, Скородумовской и другими входила в состав г. Черкасска. В то же время С.В. Корягин относит род И.Г. Попова к Новочеркасской станице. И это тоже достоверно. После со-

здания новой столицы, города Новочеркаска, подавляющая часть черкасской элиты, живущая за счет войсковой службы, переехала на жительство из Черкаска (теперь – станицы Старочеркасской) в Новочеркасск.

Зная эти особенности, мы попытались найти сведения об отце И.Г. Попова у того же С.В. Корягина среди казаков города Черкаска (станицы Старочеркасской). Поиски увенчались успехом: «Григорий, из поповских детей, р. ок. 1732, в службе с 1751 по 1786 г.: Самара, Пруссия, в 1-й армии, в Атаманском полку – 5 лет. До Днепра, до Очуева, за Кубаном, против государственного злодея Пугачева (подразумеваются «всеобщие походы» Войска Донского, в которых участвовал Атаманский полк. – *А.В.*), в сотном полку – 10 лет. 2 сына: Алексей 22 года, Иван 15 лет». Документ относится к 1786 г. [5, с. 341].

Начало своей службы Иван Григорьевич Попов связывал со Всеобщим Войска Донского походом в 1785 г. На службу он поступил и в поход ходил в возрасте 16 лет «под командою генерала от кавалерии Иловайского» [6, л. 128 об.]. Из всех известных на то время на Дону Иловайских чина генерала от кавалерии достиг лишь Войсковой атаман Алексей Иванович Иловайский. Таким образом, 16-летний Иван Попов ходил в поход в составе личного полка атамана, где до этого 5 лет служил его отец. Это обстоятельство и раннее поступление на службу подчеркивают его принадлежность к «лучшим» черкасским родам. Он имеет отца есаула и деда священника.

С мая 1786 г. по февраль 1789-го И.Г. Попов служит при войсковой чертежной экспедиции в штате землемерским помощником.

Дело в том, что его старший брат Алексей Григорьевич служил писарем Войсковой канцелярии и землемером, а с 29 мая 1787 г. – главным землемером Войска Донского и начальником чертежной экспедиции [5, с. 269]. То есть Иван Григорьевич служил помощником при собственном брате. Родство и кумовство всегда играло важную роль в Войске. Во время военных действий это оправдывалось принципом «свой своего в бою не бросит».

Об А.Г. Попове С.В. Корягин пишет: «Студентом Московского Императорского Университета с 29 июля 1782 г. По требованию правительства ВД уволен из университета с 29 июля 1782 г.». То есть он поступал в университет, но по требованию войскового правительства был оттуда уволен. Впрочем, это не отразилось на его карьере. Далее А.Г. Попов был главным землемером при проведении межи между Войском Донским и Воронежской, Саратовской, Астраханской губерниями в 1794 г., директором училищ в Войске Донском, а в 1812 г. «по желанию атамана Платова составил и издал в 1814 – 16, посвященную ему же книгу “История о Донском Войске”. В ней он вел казачий род от Амазонок, утверждал, что на персидском языке “Козак значит Скиф” и высказывал предположение, что Земля Донская раньше называлась “Козакской”» [5, с. 270]. Во время службы под руководством брата И.Г. Попов получил чин квартирмейстера. Так в русской армии назывались офицеры, отвечавшие за выполнение различных хозяйственных работ [7].

В 1789 г. И.Г. Попов с полком Кульбакова уходит на войну с турками. И там в течение полтора лет получает чин сотника и есаула (есаула – за штурм Измаила). В есаульском чине он остается 20 лет. Занимает престижные должности и в армии, и в Войске: дежурит с командою при генералах Салтыкове, Энгельгарде, Апраксине и Прозоровском, служит смотрителем почтовых трактов, заседает в качестве судьи в Аксайском сыском начальстве, дважды командировается в Санкт-Петербург с двухсотной казачьей командой, несет полицейскую службу в Лифляндской и Эстляндской губерниях. Более того, он женится на генеральской дочери. В послужном списке указано лишь ее имя и отчество – Анна Ивановна. Возможно, время брака удастся определить по времени рождения их сына Григория Ивановича, который родился около 1797 года [5, с. 272]. Впоследствии он женился на дочери генерала Кутейникова – Марфе Степановне.

Что касается Ивана Григорьевича, то он по 31 декабря 1796 г. состоял при генерале от кавалерии Прозоровском, откуда был командирован содержать посты на турецкой границе по р. Днестр и лишь с 1798 г. «употребляем был по внутренности Войска Донского в разные должности» [3, л. 129]. Данная нестыковка может быть объяснена по-разному. Возможно, в ней и кроется причина женитьбы есаула на генеральской дочери.

Как видим, генеральский зять, участник двух войн – с турками и с поляками – 20 лет прозябает в есаульском чине. Видимо, отдавая должное административным способностям членов этого рода, Войсковое правительство сомневалось в И.Г. Попове как в строевом командире.

Чин войскового старшины, дающий право командовать полком, Иван Григорьевич Попов получил после участия в русско-шведской войне. Это была третья война для И.Г. Попова. Полк, в котором он служил, входил в состав 5-й дивизии. Кампания началась 8 февраля 1808 г. «...шведы, несмотря на все их приготовления, не рассчитывали, что мы начнем кампанию зимою» [8, с. 242]. Русские войска наступали тремя колоннами. 5-я дивизия составляла правую колонну и наступала через Куопио на Вазу, где и вышла к Ботническому заливу. «Таким образом, к концу марта почти вся Финляндия с островами была в наших руках» [8, с. 249]. В апреле «наши незначительные отряды Раевского и Кульнева теснили шведов к Уалеборгу» [8, с. 249]. Наступление шло по берегу Ботнического залива.

Важнейшим событием для нашего героя было то, что он захватил в плен адъютанта шведского короля графа Левенгельма.

Денис Давыдов отметил этот эпизод в своих воспоминаниях о генерале Кульневе, описывая, как в Финляндии 3 апреля 1808 г. (И.Г. Попов датирует это событие 4 апреля) казаки заманили и «навели» шведских драгун на русскую регулярную кавалерию, а затем бросились преследовать и добывать: «В это время шведские драгуны Ниландского полка, съехав с берега, показались на льду против нашей конницы и двинулись на малую часть казаков, впереди ее рассыпанных. Казацкие фланкеры начали отъезжать и заманивать расстроенную уже от единого движения вперед неприятельскую конницу. Увидя это, Кульнев и я, оставя пехоту, поскакали к нашей коннице, но она, не дождавшись нас, ударила, смяла и опрокинула ниландских драгун. Мы только что успели насладиться действием казацких пик и погоней казаков за неприятелем по гладкой и снежной пустыне Ботнического залива. Картина оригинальная и прелестная! Много драгун было поколото, много взято в плен. Но посреди сумятицы этой нам бросилась в глаза группа всадников, около которой более толпилось казаков, и которая еще защищалась. Мы направились во весь скок в эту сторону и услышали слова: «Koulneff, Koulneff! Sauvez nous la vie!» («Кульнев, Кульнев! Спасите нам жизнь!»). Это был генерал Левенгельм, королевский адъютант, только что за несколько дней пред тем прибывший в армию из Стокгольма для исполнения должности начальника главного штаба, и адъютант его капитан Клерфельд... Кульнев остановил направленные на них пики, соскочил с лошади и кинулся обнимать пленных чиновников» [2, с. 275].

Однако движение русского авангарда было остановлено получившими подкрепление шведами, а в тылу началась партизанская война, которая приняла очень жестокие формы. «Жестокая, беспощадная, как дикий зверь, народная война разгоралась в полной мере» [8, с. 253]. Русские войска 5-й дивизии были отрезаны от тылов и с боями прорывались к Вазе, к Лаппо и к Алаво (эту территорию один из исследователей окрестил «партизанским краем», где русские войска от голода питались грибами) [9, с. 313]. Ситуация изменилась, когда был назначен новый командующий – молодой генерал Н.М. Каменский. 20 августа он разгромил шведов при Куортаке, затем при Сальме и Орайвасе. Шведы запросили перемирия. Но война продолжалась, и принудить шведов к миру можно было, лишь угрожая их столице. Шведы признали поражение, когда русские войска вступили на Скандинавский полуостров, а князь П. И. Багратион по льду перешел на Аландские острова и готовился идти по льду дальше к Стокгольму.

Вожделенное командование полком И.Г. Попов получил в 1812 г., когда на Дону стали формировать ополчение. 18 сентября 1812 г. все взрослое мужское население Дона ушло с ополчением освобождать Москву от французов. Всего выступили 26 полков, объединивших в своих рядах 3943 служилых офицеров и казаков и 8752 поступивших добровольно [10, с. 25]. Во главе одного из 26 полков выступил в поход И.Г. Попов.

В рядах отряда Д.В. Давыдова И.Г. Попов участвовал в партизанском движении и изгонял французов из России. За свои подвиги он был награжден двумя орденами. Указанные им в послужном списке бои подтверждаются в фундаментальных исследованиях [11, с. 802]. Впрочем, имени Д.В. Давыдова И.Г. Попов в своем послужном списке не упоминает.

Освободительный поход в Европу И.Г. Поповым в послужном списке описан очень подробно. Он сражается в армии Витгенштейна. Участвует в постоянных стычках на аванпостах, и описанные им события занимают гораздо больше места в его послужном списке, чем события 1812 г., ставшие судьбоносными для России. «Поход 1812 г. дал толчок началу партизанских действий... В войну 1813 г. партизанские действия в тылу французской армии были еще распространнее и смелее; в этих предприятиях особенно выдавались русские всадники и их предводители», – считал историк конницы Д. Денисон [12, с. 361]. За 1813–1814 гг. И.Г. Попов побывал в Саксонии, участвовал в генеральном сражении под Баутценом, бился с французами на подступах к Берлину, воевал на коммуникациях противника на Эльбе, совершил поход на территорию Голландии и оттуда с русскими войсками и войсками союзников вошел в пределы Франции, участвовал в трех решающих сражениях и дошел до Парижа.

При всей грамотности и даже знании арифметики (подавляющее большинство донских офицеров отмечали, что могут лишь читать и писать) И.Г. Попов в своем послужном списке традиционно сливал предлоги с именами существительными («Наднестром» – «над Днестром») и иногда отрывал приставки от корня слова («оть коль» – «отколь»). Естественно, очень трудно идентифицировать географические термины, особенно мест, находящихся за пределами России. Да и места на западных границах России тоже с трудом поддаются «расшифровке» – «Былоночь» – «Бельнычи». Тем не менее большую часть таких терминов идентифицировать удалось. Большим подспорьем здесь стал справочник А.А. Подмазо [13].

Текст документа дается в современной орфографии.

№ 1.

Послужной список

О службе и достоинстве Войска Донского Кривянской станицы подполковника Попова 13-го
За 1818 год.

Чин, имя с отчеством и прозванием: подполковник Иван Григорьев Попов, кавалер орденов Св. Анны 2-го класса, Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой сабли с надписью «За храбрость» и прусского «Порлемерита»¹.

Сколько от роду лет: 49.

Из какого состояния будет: из дворян; в которых губерниях и уездах сколько имеет мужского пола душ крестьян: из обер-офицерских Войска Донского детей; крестьян и подданных малороссиян десять душ имею.

В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда:

в службе казаком 1785 февр. 10.

Квартирмейстером 789² февр. 21.

Сотником 790 мая 19.

Есаулом 790 декабря 11

Войсковым

старшиной 811 мая 15

Подполковником 814 февр. 22

В течение службы в которых именно полках по переводам и произвождениям³ находился:

Под командою генерала от кавалерии Иловайского 785 августа 25.

В полку Кулбакова с 789 мая 1 по 797 мая 3.

При Аксайском сыскном начальстве судьбою с 800 декабря 5 по 802 апреля 20.

В полку Лощина с 804 нояб. 1 по 810 мая 1.

С полком казачьим своего имени полковым командиром с 812 сентября 1 по 815 декабря 1.

Во время службы своей в походах и делах против неприятеля где и когда был:

¹ Pour le Mérite (с фр. – «За заслуги») – орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Неофициально назывался «Голубой Макс» (нем. *Blauer Max*). Награда была учреждена в 1740 г. прусским королём Фридрихом Великим, который дал ему французское название, поскольку это был основной язык прусского двора того времени. Изначально «Pour le Mérite» награждались как за военные, так и гражданские заслуги. В январе 1810 г. Фридрих Вильгельм III постановил, что этот орден может вручаться только военным.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

785-го августа с 25-го во Всеобщем Войска Донского походе, а с 786-го мая 789-го февраля по 21-е при войсковой чертежной экспедиции в штате землемерском помощником и того же года против турок в неоднократных отражениях, 790-го декабря 11-го при взятии штурмом города Измаила, 791-го июня 28-го за Дунаем при местечке Мачине при разбитии визирских войск, 792-го мая 31-го в Польше у поражения неприятеля при деревне Спиченцах, июня 3-го и 4-го близ местечка Люборова и при занятии в Полонном местечке укрепления; 793-го августа с 28-го у содержания летучих почт от местечка Лабуни до Могилева, 794-го октября с 23-го с командою в дежурствах разных господ главнокомандующих: при фельдмаршале Салтыкове¹ и генерал-поручиках Энгельгарде² и Апраксине³, там же при генерале от кавалерии Прозоровском⁴ 796-го декабря по 31-е; отколь командирован для наблюдения по турецкой границе над Днестром у содержания постов, и 798-го употребляем был по внутренности Войска Донского в разные должности, 799-го у смотрения почтовых Казанского⁵, Бахмутского и Мариупольского трактов, а также с 800, 801-го и 802-го годов апреля по 20-е при Аксайском сыском начальстве судьей, 805-го февраля с 13-го августа по 30-е в Финляндской губернии у содержания пограничных постов, а со оного числа командирован в Санкт-Петербург с двухсотной казачьей командою, отколь 806-го ноября с 14-го в Лифляндской и Эстляндской губерниях для содержания по части земской полиции, 807-го сентября с 18-го в Санкт-Петербурге, 808-го января на 18-е число с тою же командою командирован к 5-й дивизии, в которой неоднократно против шведских войск действительно в сражениях бывал, февраля 28-го при кирке Липоверде, марта 3-го при городе Кошио, апреля 4-го при кирке Пигаюке, где взят мною в плен королевский шведский генерал-адъютант граф Левельгельм⁶, за что пожалован золотою саблею, мая 6-го при Сикайоках⁷, июня 12-го при городе Некарлевиу⁸, августа 5-го при кирке Алаво, 10 при Вердоме, 12-го при Сарвите, 20-го в сражении генеральном при Куртане⁹, 21-го при Салме, 29-го при Недергерме¹⁰, сентября 1-го под городом Некарлевиу, 10-го под Гамлекарлевою, 809-го марта 2-го при деревне Лифе, 5-го при Исерегунте, и того же месяца при покорении Аландских островов, а 812-го против французов в сражениях находился октября 3-го при деревне Покровской, 4-го, 5-го и 6-го около города Вязьма и селениях Юренева, Семлева, 15-го Царевом Займище, за что пожалован орденом Владимира 4-й степени с бантом, 27-го при деревне Ляхове, а ноября 3-го под городом Красным, 9-го при Копысе, 14-го при местечке Былоны, за что награжден орденом Св. Анны 3-го класса, 813-го января 30-го при местечке Брусове, апреля 17-го при Весенфалсе, Чешине, 20-го при Наудорфе, мая 4-го при Гроусенфальсе, 7-го, 8-го и 9-го числа при Бауцене в генеральном сражении, 10-го и 11-го под Герлецем, где от ядра получил контузию, августа 6-го у Гревендорфе, 7-го при местечке Гезберге, 8-го у Соненвальде, сентября 18-го, 19-го и 20-го при местечке Бернебург, за что пожалован орденом Св. Анны 2-го класса, ноября 4-го при Винцине в Голштинии, 24-го при селении Ральштет близ города Гамбурга, декабря 4-го при Цвельштете¹¹, за что награжден прусским орденом пурлемерит, и 814-го во Франции февраля 21-го у Бернобаке, 22-го и 23-го у местечка Краон, 24-го, 25-го и 26-го у Ланоне, за которое пожалован подполковничьим чином, марта 13-го и 14-го у местечка Сен-Дизье и преследовании французов до города Парижа, оттоль в следовании в Россию октября с 2-го и в

¹ Салтыков Иван Петрович (28 июня 1730 г. – 14 ноября 1805 г.), граф, бывший в 1794 г. командиром корпуса, штаб которого находился в Лабуне.

² Энгельгардт Василий Васильевич (1755–1828) – генерал-поручик (с 5 февраля 1790 г.).

³ Граф Апраксин Степан Степанович (1757–1827) – генерал-поручик.

⁴ Князь Прозоровский Александр Александрович (1733–1809).

⁵ Имеется в виду тракт из Новочеркаска на Москву, пролегающий через станицу Казанскую.

⁶ Левенгельм Густав Карл Фредрик (Лёвенъельм, Лёвенхильм) (1771–1856), граф, шведский военачальник и дипломат.

⁷ Ошибка в дате: неудачный для русских бой при Сиканокской кирке произошел 6 апреля 1808 г.

⁸ После неудачного сражения русские войска стали уходить на юго-запад по берегу Ботнического залива до города Ньюкарлебу.

⁹ Имеется в виду Куортанское сражение 20 (31) августа 1808 г., которое изменило ход войны со шведами, за ним последовал удачный бой при Салме.

¹⁰ Недергерм – селение близ города Ваза, 27 августа 1808 г. там была главная квартира шведского генерала Клингспора

¹¹ Возможно, имеется в виду город Зволле (Цволь) в Голландии, куда казаки вошли в ноябре-декабре 1813 г.

1815-м году у содержания с Варшавским герцогством пограничных кордонов над рекой Неманом находился.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли: российской грамоте читать и писать равно арифметике знаю.

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок: не бывал.

В штрафах был ли по суду или без суда за что именно и когда: не бывал.

Холост или женат, имеет ли детей: женат на генеральской дочери Анне Ивановой, имею детей: сына Григория 20-и урядником и дочь Екатерину 14-ти летних, рожденных в обер-офицерском звании.

В комплекте или сверх комплекта при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с какого времени находится: при Войске Донском 1815-го года декабря 1-го дня.

К повышению достоин ли или за чем именно не аттестуется¹:

Подполковник Попов 13-й» [3].

Как видим, выявленный нами реальный образ донского казачьего офицера Попова 13-го довольно сильно отличается от комического образа киногероя с той же фамилией. Кроме того, изучение послужного списка И.Г. Попова 13-го открывает нам некоторые интересные стороны жизни донского казачества.

Список источников

1. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8089/annot/> (дата обращения: 03.09.2021).
2. Давыдов Д.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1962. 612 с.
3. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 128–133.
4. URL: <http://www.krivyanskoe.ru/settlement/history/> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Корягин С.В. Поповы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 67. М.: Русаки, 2007. 595 с.
6. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 280.
7. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/94647/%D0%9A%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80> (дата обращения: 10.11.2021).
8. История лейб-гвардии казачьего его величества полка. 1775–1813–1875–1913. Ч. 1 / сост. Б.Р. Хрещатицкий. СПб., 1913. 408 с.
9. Анисимов Е. Генерал Багратион. Жизнь воина. М.: Молодая гвардия, 2009. 822 с.
10. Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013. 368 с.
11. Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М.: Альянс-Архео, 2012. 848 с.
12. Денисон Д. История конницы. Кн. 1. М.: АСТ, 2001. 480 с.
13. Подмазо А.А. Большая Европейская война. 1812–1815. Хроника событий. М.: РОССПЭН, 2003. 386 с.

References

1. Available from: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8089/annot/> [Accessed 3rd September 2021]. (In Russ.).
2. Davydov D.V. *Essays*. Moscow: State Publishing House of Art Literature; 1962. 612 p. (In Russ.).
3. *State Archive of Rostov Region (SARR)*. Fund 344. In. 1. File 270. List 128–133. (In Russ.).
4. Available from: <http://www.krivyanskoe.ru/settlement/history/> [Accessed 10th November 2021]. (In Russ.).
5. Koryagin S. V. *Popov. Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Iss. 67. Moscow: Rusaki Publ.; 2007. 595 p. (In Russ.).
6. *SARR*. Fund 344. In. 1. File 280. (In Russ.).

¹ Графа не заполнена.

7. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/94647/%D0%9A%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80> [Accessed 10th November 2021]. (In Russ.).
8. History of the Life Guards of His Majesty's Cossack regiment. 1775-1813-1875-1913. Ch. 1. Compiled by B. R. Khreschatitsky. St. Petersburg, 1913. 408 p. (In Russ.).
9. Anisimov E. *General Bagration. Life of a warrior*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 2009. 822 p. (In Russ.).
10. Venkov A.V. *Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris*. Moscow: Veche Publ.; 2013. 368 p. (In Russ.).
11. Sapozhnikov A. I. *The Don Army in the Patriotic War of 1812*. Moscow: Alliance-Archeo Publ.; 2012. 848 p. (In Russ.).
12. Denison D. *History of the cavalry*. Book 1. Moscow: AST Publ.; 2001. 480 p. (In Russ.).
13. Podmazo A. A. *The Great European War. 1812-1815. Chronicle of events*. Moscow: ROSSPAN Publ.; 2003. 386 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.V. Венков – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества.

Information about the author

A.V. Venkov – Doctor of Science (History), Professor, Head of Cossacks Laboratory.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-36-42

«О ЗЕМЛЕДЕЛЬСТВЕ» И О «РАБСКОМ ЖИТИИ». ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Елизавета Евгеньевна Глазунова^{1✉}, Людмила Владимировна Мининкова²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ elv@sfedu.ru✉

² lvmininkova@sfedu.ru

Аннотация. И.Т. Посошков, оригинальный экономический мыслитель, относится к наиболее дискуссионным личностям петровского времени. Апологеты указывали на прогрессивные черты его мировоззрения, на то, что он выдвигал аграрный проект, который должен был вести к изживанию крепостничества. Критики отмечали консервативные стороны этого проекта. Сам Посошков решительно отрицал права помещиков на крестьян, но считал, что эти права имеет государь. По его предложению, помещики получали обязанность следить, чтобы крестьяне не ленились себе в ущерб, так как от этого происходила скудость крестьян, и это было невыгодно государю. Мышление Посошкова имело вполне традиционные основы, истоком которых была распространенная в Московской Руси идея государства как царской вотчины. Но идеи Посошкова были не случайны. Они выражали направление общественной мысли, в котором несколько позже крестьянский вопрос занял ведущее место в общественно-политической жизни страны.

Ключевые слова: И.Т. Посошков, крестьяне при Петре I, теория вотчинного государства

Для цитирования: Глазунова Е.Е., Мининкова Л.В. «О земледельстве» и о «рабском житии». Экономический мыслитель петровского времени о крестьянстве // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 36–42.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

“ABOUT AGRICULTURE” AND ABOUT “SLAVE LIFE”. THE ECONOMIC THINKER OF PETER THE GREAT'S TIME ABOUT THE PEASANTRY

Elizaveta E. Glasunova^{1✉}, Ludmila V. Mininkova²

^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ elv@sfedu.ru✉

² lvmininkova@sfedu.ru

Abstract. I.T. Pososhkov, an original economic thinker, is one of the most controversial personalities of Peter the Great's time. Apologists pointed to the progressive features of his worldview, to the fact that he put forward an agrarian project that his supposed to lead to the eradication of serfdom. Critics pointed to the conservative sides of this project. Pososhkov himself strongly denied the rights of landlords to peasants, but believed that the sovereign had those rights. At that suggestion, the landlords received the duty to ensure that the peasants were not lazy to their detriment, since that caused the poverty to the peasants, and it was unprofitable for the sovereign. Pososhkov's thinking had quite traditions, the source of which was the idea of the state as a royal patrimony, widespread in Moscow Russia. But Pososhkov's ideas were not accidental. They expressed the direction of public thought, in which a little later the peasant question took a leading place in the socio-political life of the country.

Keywords: I.T. Pososhkov, peasants under Peter I, theory of the patrimonial state

For citation: Glasunova E.E., Mininkova L.V. "About Agriculture" and About "Slave Life". The Economic Thinker of Peter the Great's Time About the Peasantry. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):36-42. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Иван Тихонович Посошков относится к кругу наиболее интересных личностей и оригинальных русских экономических мыслителей петровского времени. Не удивительно, что сочинения его – «Книга о скудости и богатстве» – были замечены историками, и разные ее стороны и идеи получили оценку в историографии. И при наличии к Посошкову такого внимания единой точки зрения о нем так и не сложилось. Притом что все историки, писавшие о нем, признают Посошкова выдающимся человеком своего времени, глубоко знающим экономику страны и общее ее положение, разнообразие относящихся к нему точек зрения бросается в глаза.

Все мнения могут быть разделены на крайние и более умеренные. Первый исследователь «Книги о скудости и богатстве» М.П. Погодин считал, что он смог «открыть русского самородка», который еще до появления «политической экономии в Европе» «постигал ее правила» и был предшественником Адама Смита [1, с. 101]. К крайностям апологетического характера относится оценка С.М. Соловьева. Это, по его словам, «талантливый и умный русский человек, ясно понимавший для России необходимость выйти из прежнего положения», и «сочувствовал преобразователю» [2, с. 510]. Для С.М. Соловьева поддержка преобразований уже сама по себе предполагала положительную оценку личности. Также к апологетике может быть отнесен труд А.Г. Брикнера «Иван Посошков». Он считал Посошкова «в некотором смысле представителем литературы просвещения XVIII века», что он «заслуживает некоторым образом название энциклопедиста» и «соединяет понятия об общих началах с техническим знанием дела» [3, с. 3]. Что же касается крестьянства, то А.Г. Брикнер подчеркивал: «Посошков хотел быть защитником крестьян» [3, с. 274]. Но его позиция в этом отношении, согласно А.Г. Брикнеру, не вполне четкая. Посошков, крестьянин по происхождению, «не был крестьянином в тесном смысле», а «был меркантилистом». Это означало само по себе, что в центре внимания Посошкова был государственный интерес и прибыли казны. Поэтому он считал «фабрикантов и купцов» «и для государства, и для общества гораздо важнее, чем земледельческий класс» [3, с. 258].

Высоко оценивал Посошкова Н.П. Павлов-Сильванский. Он считал, что Посошков «был вполне человеком допетровской России». Это вообще «замечательный самоучка-начетчик в церковной письменности» [4, с. 80]. Отсюда, полагал Павлов-Сильванский, была его крайняя религиозная нетерпимость. Но она не помешала ему стать «ревностным сторонником Петра» [4, с. 82], сожалевшего, что у царя мало «пособников». Н.П. Павлов-Сильванский отмечал непоследовательность Посошкова, поскольку в его воззрениях имело место такое соединение, и указывал, что в своем «Отеческом завещании» он все-таки «порицал многие новшества Петра», хотя и «косвенно» [4, с. 83]. Но осознавал необходимость при этом преобразований. «Во многих вопросах он являлся смелым реформатором» [4, с. 84], – подчеркивал Н.П. Павлов-Сильванский. Для него характерна «критика, отрицание русской действительности, основанное на широком ее изучении», и в этом «его сила и слабость» [4, с. 86]. Он считал Посошкова явлением исключительным. Это проявлялось «по широкому знанию русской жизни, по силе теоретической мысли и по литературному таланту» [4, с. 88].

Положительным, но более сдержанным было отношение к Посошкову со стороны С.Ф. Платонова. По его мнению, личности вроде Посошкова «являлись хранителями новых начал общественной жизни, получивших силу с царствования Петра». Они «своими трудами, речью и жизнью распространяли эти начала среди косной и недоверчивой массы и, увлекая многих за собой, были действительными сотрудниками Петра» [5, с. 537]. Советский историк Б.Б. Кафенгауз подчеркивал, что Посошков не смог «полностью отрешиться от реакционных пережитков средневекового мировоззрения». Но он вместе с тем вынашивал «прогрессивные для своего времени идеи», и это «обеспечило ему почетное место в истории русской общественно-политической и экономической мысли» [6, с. 288].

Свои крайности имело критическое отношение к Посошкову. По мнению П.Н. Милюкова, Посошков был представителем культуры старой Московской Руси, который оказался в условиях петровской европеизации и вынужден был приспособливаться к ней. Милюков видел, что это выражала его «мораль практического человека, поставившего задачей – сохранить душевное равновесие среди всевозможных случайностей окружающей действительности, готового добиться своей цели ценой какого угодно компромисса». И далее шло характерное добавление, согласно которому Милюков видел в Посошкове человека, «чаще всего и не сознающего вовсе, в какие компромиссы он вступает» [7, с. 243–244]. Такая характеристика уже сама по себе предполагала не весьма высокую оценку экономических идей Посошкова.

Другим критиком Посошкова был выдающийся русский марксист Г.В. Плеханов. По его мнению, место Посошкова как новатора своего времени по меньшей мере сомнительно. Он «был новатором не в большей мере, нежели консерватором» [8, с. 104]. «Трудно представить себе, как сильно пропитаны были взгляды его – не только политические – духом вотчинной монархии» [8, с. 107]. Он не видел новаторства Посошкова в высказывании некоторых соображений. Так, Плеханов писал, что его мысль о том, будто «истинное государственное богатство состоит не в пополнении казны, а в благосостоянии народа», совершенно не новая, западноевропейскими экономистами она высказывалась значительно ранее. Заявление Посошкова о необходимости защищать крестьян, чтобы они были «прямыми, а не нищими», «совершенно в духе старых московских порядков» [8, с. 111], что в том же духе и указание Посошкова на необходимость для крестьян телесных наказаний. Крестьян за разные провинности, в том числе за недонесение на своего помещика, отягощавшего их поборами, «бить кнутом, колико ударов уложено будет» [8, с. 113]. Посошков «очень умен и хорошо знал тогдашнюю русскую жизнь». Плеханов даже называл его «московским прогрессистом». Но при этом он «оборачивался лицом не к будущему, а к прошедшему». Объяснял Плеханов это «неразвитостью наших тогдашних социально-политических отношений» [8, с. 116].

Своеобразен критический подход к оценке Посошкова В.О. Ключевского. Он приводил известную мысль Посошкова о том, что «нет у государя прямых радетелей», что «трудится великий монарх, да ничего не успевает». Тем самым «самоучка» Посошков «при всем своем набожном благоговении к преобразователю незаметно для себя рисует с него смешной и жалкий образ» [9, с. 78]. По существу тем самым В.О. Ключевский говорил, что Посошков, хорошо зная окружающую действительность, указал на непонимание им сути своего времени.

На исходе советской историографии вышла в свет книга историка-экономиста Д.Н. Платонова о Посошкове с обстоятельной историографической частью. По мнению автора, книга Посошкова «о скудости и богатстве» – «одна из вершин русской общественной мысли XVIII века», которая содержит мысль о необходимости углубления реформ. При этом в стране имела место «определенная экспансия крепостничества». Но книга «проникнута антидворянским пафосом», и в ней «ставится вопрос о целесообразности крепостнической системы». Решительно отвергая крепостничество, Посошков в то же время соглашался «с абсолютистской практикой всеобщей регламентации» [10, с. 132]. Он считал, что такие действия «должны создать условия для достижения “изобильного богатства”» [10, с. 133]. Как указывал Д.Н. Платонов, в книге Посошкова крестьянству отведено существенное место. Защищая интересы государства, он указывал, что «в России огромные пространства дают слишком мало для казны» [10, с. 65]. По мнению Посошкова, согласно Д.Н. Платонову, власть в России должна иметь неограниченные полномочия. С этой идеей была связана его мысль, что государство как собственник всей земли соглашается с «правом крестьян на свою землю». «Как бы от имени всех крестьян он выдавал царю “мандат” на владение “всем светом” при условии оставить за земледельцами их пашни». Посошков, указывал Д.Н. Платонов, считал необходимым «ограничить дворянский произвол в отношении крестьян». По-новому он видел роль помещиков в деревне. Помещик должен был следить, чтобы крестьяне «не “лежебочили”, а всегда были в работе» [10, с. 68]. В этом он видел смысл государственной службы помещиков, чем те должны были «способствовать росту крестьянского благосостояния». Это само по себе «активизировало бы труд крестьянина в своем хозяйстве» [10, с. 69]. Посошков критиковал введение подушной подати и подошел к идее подоходного налога. В целом, делал вывод Д.Н. Платонов, Посошков предлагал Петру I «аграр-

ный проект», при осуществлении которого «началось бы изживание крепостничества в стране» [10, с. 75] при опоре на неограниченную самодержавную власть. Отсюда следует, что Д.Н. Платонов был близок к апологетам Посошкова.

Таким образом, в историографии, относящейся к И.Т. Посошкову, заметна как апологетика, так и его критика, причем апологетика и критика решительные и сдержанные. В этой связи возникает вопрос, какой подход к этому русскому мыслителю петровского времени более обоснован и в какой степени позитивная и критическая оценки отражают смыслы текста главного его сочинения – «Книги о скудости и богатстве». В этом отношении следует опереться на целостный подход к исследованию данного вопроса и выявить в ходе общего анализа текста систему ценностей Посошкова.

Очевидно, что для мыслителя петровского времени, сознание которого сложилось на основе традиций, и в силу его высокого интеллектуального уровня сформировалось представление о необходимости обновления самих начал российской жизни, т.е. на первый план выходил государственный интерес. Это не случайно. В государстве виделась сила, способная провести такое обновление, а в Петре I – государь, который может обеспечить движение к новым началам жизни и развитие общества и государства. Таким образом, государство и государственный, казенный интерес представляли для Посошкова высшую ценность, а его защита – важнейшую задачу и общественную необходимость. Это соответствовало традиционному мышлению о вотчинном государстве, или о государстве как о вотчине царя в сознании Посошкова. На основании такого понимания он прямо рассуждал в главе 7 своего сочинения «О крестьянстве»: «Крестьянам помещики не вековые владельцы», «прямой им владетель всероссийский самодержец» [11, с. 178]. В этих словах – мысль о том, что государю как вотчиннику принадлежит не только вся земля в государстве-вотчине, но и живущие на ней люди, что вытекало из самого положения государя в русском обществе. «Мы же монарха своего почитаем яко бога» [11, с. 237], – писал в этой связи Посошков. По существу выходило так, что для Посошкова оборотной стороной поддержки Петра I как царя-реформатора оказывалась мысль о всевластии государя, о государстве как о его вотчине, о божественной сущности царя, т.е. мысль исключительно консервативная.

Посошков также исходил из незыблемости сложившейся социальной структуры населения государства. В его книге отражено традиционное разделение русского общества. Его составляли «холопы», к которым принадлежали служилые люди, «сироты», или крестьяне и посадские люди, и «богомольцы», которыми было духовенство. Такое разделение нельзя назвать вполне сословным, поскольку сословия предполагают наличие признаваемых за ними наследственных прав и обязанностей. Оно сложилось еще в условиях позднесредневекового Московского государства. Посошков такое разделение не ставит под сомнение. Он лишь рассматривал все социальные слои, о которых писал в своей книге, с точки зрения того, как их положение и их деятельность соответствуют высшим интересам. Для него это были интересы государства и государя.

Говоря об отношениях между помещиками и крестьянами, Посошков выступал на стороне крестьян. Считал, чтобы при взимании государственных податей учитывались зажиточность крестьян и возможности уплатить их. Особенно подчеркивал необходимость оградить крестьян от помещичьего произвола. Так, в главе 7 он пишет, что «надлежит и в помещичьих поборех учинить по земле ж и чтоб болши положенного окладу отъют на крестьян своих не накладывали» [11, с. 181]. Но он понимал, что закон не всегда применяется на практике. Поэтому далее рассматривал ситуацию, когда «буде кой помещик будет на крестьян своих налагать и наложит сверх указанного числа или излишнюю работу наложит». В таком случае крестьяне могли идти, как он считал, в суд. И по судебному постановлению требовалось «у такова помещика тех крестьян отъют на государя и з землю». Это должно было принести пользу в том отношении, думал Посошков, что «на то смотря, и самой ядовитой помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет» [11, с. 183].

Конечно же, антидворянский, антипомещичий настрой, на который указывалось в историографии, автор «Книги о скудости и богатстве», относившийся к купцам, к деловым людям петровского времени вообще, нисколько не скрывал. Это не удивительно. Высокомерное отношение дворянства к таким людям, как он, известно. Так, современник Посошкова В.Н. Татищев в своей «Духовной» сыну подчеркивал, насколько нежелателен для людей из шляхетского рода

случай, когда у них «из подлости взятые жены», т. е. из более низкого, чем они, состояния, в том числе из купечества. По словам Татищева, «родственники» таких жен для шляхетства «не приятны и зазрение, или поношение наносят» [12, с. 169]. Посошков не мог такого отношения не чувствовать и в силу своих экономических знаний и литературного таланта платил дворянству той же монетой. Но при этом он для дворянства находил новый вид государственной службы. Она не вписывалась в четко выделенные Татищевым три вида «услуг шляхетских» государству, среди которых была служба «военная, гражданская и придворная» [12, с. 182]. Такая служба состояла в присмотре со стороны помещиков за крестьянами. Как писал Посошков, «буде кой крестьянин, хлеба напахав, да станет гулять и выпредь не станет ничего запасать», то «помещикам иль прикащикам» и «сотским» «надлежит за ними смотреть и жестоко наказывать». Цель этого – чтобы крестьяне «от лени своя в скудость не приходили и в воровства бы, ни в пьянство не уклонялись» [11, с. 179]. Все это и без того имело место и вытекало из интересов помещика и функций его вотчинной администрации. Но в данном случае это превращалось в разновидность казенной повинности, поскольку она относилась к заботе о крестьянах, которые, согласно Посошкову, принадлежали государю, и, следовательно, о государственной собственности.

Начинавшийся век Просвещения с его культом наук и знания сказался на отношении Посошкова к распространению просвещения среди крестьян. Это полностью соответствовало культурно-исторической ситуации того времени. Не случайно В.Н. Татищев подчеркивал необходимость распространения наук и объяснял это тем, что научное знание было будто бы способно предотвратить народные бунты и другие общественные потрясения. Он приводил в этой связи пример, что «турецкий народ пред всеми в науках оскудевает, но в бунтах преизобилует. В Европе же, где науки процветают, бунты неизвестны» [13, с. 90]. Посошков тему связи между темнотой народа и бунтами не поднимал. Но отмечал, что «немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет». От недостатка знаний у крестьян происходило то, что «какой человек к ним не придет с каким указом или без указа, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят». Тем самым они «принимают на себя великие убытки», так как «яко слепые ничего не видят, не разумеют» [11, с. 171]. Тем самым, по мнению Посошкова, распространение грамотности могло ограждать крестьян от излишней доверчивости и от убытков. На взгляд Посошкова, это были «великие убытки» не только для крестьян, но и для государя, собственностью которого он считал крестьян. В историографии вместе с тем не раз отмечалось, что распространение просвещения при Петре I проводилось, как и многое другое, сверху и представляло собой своего рода новую казенную повинность. В аналогичном духе высказывался о крестьянском просвещении Посошков. Крестьян, писал он, следует «приневолить», чтобы они детей «десяти лет и ниже» отдавали бы в «научение» «дьячкам» [11, с. 171]. Условия жизни крестьян и их возможности, когда дети включались в семейную работу с самых малых лет, Посошков не учитывал.

При всей взаимной неприязни между помещиками и купцами были, однако, некоторые общие черты в их мировоззрении. Так, в несколько более позднее время, во времена екатерининской Уложенной комиссии, купеческие депутаты, как писал В.О. Ключевский, «настойчиво добивались права иметь крепостных приказчиков и работников» [14, с. 98]. Еще одной общей чертой было представление о лени крестьян. Так, князь М.М. Щербатов писал, что в России крестьяне «не прилагают стараний к лучшей обработке своих земель», и вообще нередко «приписывают божескому наказанию бесплодие, которое часто происходит от собственной их беспечности» [15, с. 47, 48]. Купец Посошков выражал мысль о лени крестьян еще более определенно, чем аристократ князь Щербатов. В той же 7-й главе он прямо указывал: «Крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своя их лени». Он также отмечал такие причины, как «от нерасмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их», но эти причины он называл «потом», после «лени» [11, с. 166]. Средством преодоления крестьянской «лени» Посошков считал, следовательно, службу помещика по надзору за крестьянами.

Несомненный апологет Посошкова А.Г. Брикнер замечал: «О технике сельского труда Посошков говорит в своем сочинении далеко не столь подробно, как о промышленности и торговле» [3, с. 258]. Замечание едва ли случайное. Тем самым историк хотел подчеркнуть, что про-

мышленность и торговлю Посошков знал лучше, чем земледелие и крестьянское дело, и, имея крестьянское происхождение, оторвался от крестьянства. Отсюда следует представление Посошкова, согласно которому усиление надзора за крестьянами, в данном случае со стороны помещика, могло способствовать преодолению «лености» крестьян и их «скудости». Тем самым роль помещика в деревне он предлагал сохранять. И, следовательно, сохранять крестьянскую зависимость от помещика. В этом он видел защиту интересов государя, для которого само государство представляло собой его вотчинную собственность. Тем не менее определенное значение выдвинутых Посошковым положений можно видеть в том, что они выражали некоторое направление мысли русского общества раннего нового времени, которое несколько позже, в эпоху Просвещения при Екатерине II, поставит крестьянский вопрос на ведущее место в общественно-политической мысли страны.

Список источников

1. *Погодин М.П.* Предисловие к первому тому книги Посошкова // *Москвитянин*. 1842. Т. 3.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Сочинения* : в 18 кн. Кн. 8. М.: Мысль, 1993.
3. *Брикнер А.Г.* Иван Посошков. Ч. 1 : Посошков как экономист. СПб., 1876. 366 с.
4. *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. 243 с.
5. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 740 с.
6. *Кафенгауз Б.Б.* И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I // *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие его сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 281–312.
7. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры : в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 599 с.
8. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 2 // *Сочинения*. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 21.
9. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Сочинения* : в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1957. Т. 3.
10. *Платонов Д.Н.* Иван Посошков. М.: Экономика, 1989. 142 с.
11. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 409 с.
12. *Татищев В.Н.* Духовная // *Избр. труды*. М.: РОССПЭН, 2020. 488 с.
13. *Татищев В.Н.* Разговор дву[x] приятелей о пользе науки и училищ // *Избр. труды*. С. 45–159.
14. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 5 // *Соч.* : в 8 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 5. 503 с.
15. *Щербатов М.М.* Записка по крестьянскому вопросу // *Избр. труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 39–50.

References

1. Pogodin M.P. Preface to the first volume of Pososhkov's book. *Muscovite*. 1842;3. (In Russ.).
2. Soloviov S.M. The history of Russia since ancient times. *Essays: in 18 books*. Book 8. Moscow: Mysl Publ.; 1993. (In Russ.).
3. Brikner A.G. *Ivan Posochkov. Part 1. Pososhkov as an economist*. St. Petersburg, 1876. 366 p. (In Russ.).
4. Pavlov-Silvansky N.P. *Reform projects of the notes of Peter the Great's contemporaries. Experience of studying Russian projects and their unpublished texts*. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum; 1897. 243 p. (In Russ.).
5. Platonov S.F. *Lectures on Russian history*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1993. 740 p. (In Russ.).
6. Kafenhau B.B. I.T. Posochkov and socio-political literature of the Peter I. Pososhkov I.T. *A book about poverty and wealth and his over writings*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press; 1951:281-312. (In Russ.).
7. Mikhkov P.N. *Essays on the history of Russian culture: in 2 vol*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010;2. 599 p. (In Russ.).
8. Plekhanov G.V. History of Russian social thought. Book 2. *Essays*. Moscow, Leningrad: Gosizdat Publ.; 1925;21. (In Russ.).
9. Kluchevsky V.O. Russian history course. Part 3. *Essays: in 8 vol*. Moscow: Sotsekgiz Publ.; 1957;3. (In Russ.).
10. Platonov D.N. *Ivan Pososhkov*. Moscow: Ekonomika Publ.; 1989. 142 p. (In Russ.).
11. Pososhkov I.T. *A book about poverty and wealth and other works*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press; 1951. 409 p. (In Russ.).
12. Tatishchev V.N. The Will. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 488 p. (In Russ.).

13. Tatishchev V.N. Conversation between two friends about the benefits of science and colleges. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010:45-199. (In Russ.).

14. Kluchevsky V.O. Russian history course. Part 5. *Essays*: in 8 vol. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1957:5. 503 p. (In Russ.).

15. Shcherbatov M.M. Notes on the peasant question. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010:39-50. (In Russ.).

Информация об авторах

Е.Е. Глазунова – магистрант, Институт истории и международных отношений.

Л.В. Мининкова – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

E.E. Glasunova – Master Student, Institute of History and International Relations.

L.V. Mininkova – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 94 (100-87)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-43-52

ГРУЗИНСКАЯ «ПАРТИЯ ВОЙНЫ» И ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1920 ГОДУ

Хансиат Герсановна Кодалаева

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова,
Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания,
Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова, Цхинвал,
Республика Южная Осетия
kh_kodalaty@mail.ru

Аннотация. Анализируются сложные взаимоотношения Грузии и Южной Осетии в 1920 г., которые привели к геноциду югоосетинского народа. Оценивается роль грузинской «партии войны», которая вынашивала планы физического уничтожения Южной Осетии и в конечном счете стала организатором геноцида. Рассматриваются национально-освободительная борьба осетин как коренного автохтонного народа на территории Южной Осетии. Приводятся уникальные архивные документы, подкрепленные проверенными историческими данными из других источников, свидетельствующих о сложных, противоречивых и продолжительных грузино-осетинских отношениях, о трагических событиях тех дней.

Ключевые слова: Южная Осетия, Грузия, меньшевистская партия, Москва, РСФСР, Учредительное собрание, Цхинвал, Тбилиси, политика, суверенитет

Для цитирования: Кодалаева Х.Г. Грузинская «партия войны» и проблемы Южной Осетии в 1920 году // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 43–52.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

GEORGIAN “PARTY OF WAR” AND THE PROBLEMS OF SOUTH OSSETIA IN 1920

Khanciat G. Kodalaeva

Kosta Levanovich Khetagurov North Ossetia State University, Vladikavkaz,
Republic of North Ossetia – Alania
South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Tskhinval,
Republic of South Ossetia
kh_kodalaty@mail.ru

Abstract. The author analyzes the complex relations between Georgia and South Ossetia in 1920, shows the tragedy of the South Ossetian people who were subjected to genocide in the summer of 1920. The article shows the role of the Georgian “War Party”, which hatched plans for the physical destruction of South Ossetia and ultimately became the organizer of the genocide. Analyzing the national liberation struggle of the Ossetians of South Ossetia, as an indigenous autochthonous people in this territory, the author cites unique archival documents, which are supported by verified historical data from other sources. All these together shows the complex, contradictory and long-lasting Georgian-Ossetian relations, where in general there were not only tragic events, but also bright, joyful pages.

Keywords: South Ossetia, Georgia, Menshevik Party, Moscow, RSFSR, Constituent Assembly, Tskhinval, Tbilisi, politics, sovereignty

For citation: Kodalaeva Kh.G. Georgian “Party of War” and the Problems of South Ossetia in 1920. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):43-52. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

1917–1920 гг. были исключительно тяжелым периодом в жизни всех народов бывшей Российской империи, которые испытали неимоверные трудности и бедствия, в том числе кровопролитную Гражданскую войну в 1918–1920 гг., Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции в 1917 г. В. Д. Дзидзоев пишет: «Меньшевики Грузии во главе с Н. Н. Жордания, воспользовавшись правом нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства, отделились в 1918 г. от РСФСР и начали строить суверенное государство. При этом волюнтаристским методом Абхазия и Южная Осетия оказались в составе Грузинской Демократической Республики, которая получила такое официальное название после обретения суверенитета. Необходимо подчеркнуть, что национально-освободительная борьба южных осетин не прекращалась и в период Гражданской войны» [1, с. 116]. В настоящей статье речь идет о трагических событиях 1920 г. на территории Южной Осетии, народ которой не прекращал национально-освободительную борьбу с начала XX в., а в период революционных потрясений и кровопролитной Гражданской войны она заметно усилилась. В. Д. Дзидзоев, посвятивший множество научных исследований постсоветским проблемам Абхазии и Южной Осетии, подчеркивает: «В результате этой борьбы в Южной Осетии меньшевистским правительством Грузии был организован летом 1920 г. масштабный геноцид югоосетинского народа, а руководитель кровавых акций в Южной Осетии командир национальной гвардии генерал Валико Джугели стал национальным героем в Грузии, свидетельством чего является и то, что один из старинных городов Грузии – Квирилы в период правления меньшевиков с мая 1918 по февраль 1921 г. был переименован в 1920 г. в Джугели» [1, с. 116].

Данная проблема рассматривалась не только в трудах В. Д. Дзидзоева, ей посвящены работы Р. С. Бзарова, М. М. Блиева, К. Г. Дзугаева, К. П. Пухаева и др., в которых убедительно отражены трагические события 1920 г. в Южной Осетии. Кроме того, многие воспоминания революционеров и апологетов советской власти, хранящиеся в библиотеках и архивах Цхинвала, точно совпадают с научными версиями современных ученых, описывающих суровые испытания, выпавшие на долю бесправных осетин.

Дзидзоев подчеркивает: «Переходя на север по горным тропам, южные осетины, окончательно обессиленные от голода, болезней, лишений, систематических страданий и гонений со стороны грузинских властей, начали вымирать еще большими массами. Трудно передать словами адские муки и продолжительные страдания беженцев-осетин из Южной Осетии. Документы свидетельствуют, что “были случаи, когда женщина при виде страданий своего ребенка от голода бросала его в пропасть, в реку, и сама бросалась вслед за ним”. Южные осетины, которых грузинские власти подвергли жесточайшим физическим, духовным, нравственным и морально-этическим испытаниям, продолжали неравную борьбу за свои родные места, сожженные деревни и дома» [2, с. 53].

Оказавшись в исключительно тяжелых общественно-политических условиях, осетины Южной Осетии, многие из которых к этому времени были уже больными, голодными, крайне обессиленными, находили все-таки силы, чтобы сопротивляться агрессорам, имевшим численное и моральное превосходство. Разумеется, среди осетин были авторитетные руководители, масштабные личности, вселявшие силу и уверенность в сознание обездоленных и обнищавших соотечественников. Среди таких лидеров были Александр и Владимир Абаевы, Александр (Тото), Николай, Сергей, Рутен Гаглоевы, Арон Плиев, Александр Джатиев, Матвей (Мате) и Владимир (Серо) Санакоевы, Василий (Мидта) Хасиев и др.

Особо хочется сказать о Владимире Аржевановиче Санакоеве (1884–1937) – пламенном революционере, преданном борце за установление советской власти, масштабном и авторитетном участнике национально-освободительной борьбы Южной Осетии против тбилисского диктата. В первые годы советской власти он был видным государственным и общественным деятелем Осетии. Выходец из крестьянской семьи из югоосетинского селения Дзау (Джава), он оказался

одаренным руководителем трудящихся масс. Окончил известную в дореволюционной Осетии Ардонскую духовную семинарию, а затем поступил в Петроградский психоневрологический институт. В столице быстро примкнул к революционерам и сразу попал в поле зрения жандармерии, из-за чего не смог окончить институт и уехал из Петрограда. Работал чернорабочим на Забайкальской железной дороге. Через несколько лет вернулся в столицу Российской империи и был активным участником Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций. В Петрограде включился в ряды красногвардейцев. С установлением в городе советской власти занимал ряд ответственных должностей.

В 1918 г. вернулся в Южную Осетию, где возглавил борьбу местных большевиков и сторонников советской власти (не все сторонники советской власти были большевиками). Тяжелейшее положение беженцев-осетин, подвергшихся унижениям и чудовищным гонениям властей меньшевистской Грузии, всеобщая трагедия Южной Осетии и учиненный грузинскими шовинистами геноцид в 1920 г. вынудили председателя Юго-Осетинского окружного парткома В.А. Санакоева написать обращение в адрес Коминтерна, ЦК РКП (б) и лично В. И. Ленину: «Юго-Западная группа красных повстанцев революционной Южной Осетии вместе с женщинами и детьми свыше 15 тысяч человек обороняется в Егровских лесах, истекая кровью в неравной борьбе с войсками правительства меньшевиков Грузии... Старики, женщины и дети, оставшиеся в некоторых селах, частью истреблены, частью скрываются в лесах, где, лишенные пищи, питаются лишь дикой зеленью... Протестуя перед трудящимися всего мира против небывалых в истории примеров зверства и дикой расправы с революционной беднотой и с беззащитными невооруженными мирными жителями – стариками, женщинами и детьми, революционная Советская Южная Осетия требует защиты и назначения комиссии для констатирования ужасных деяний меньшевистского правительства Грузии» [3, л. 12].

Анализируя трагедию Южной Осетии летом 1920 г., необходимо отметить некую сострадательность членов комиссии Учредительного собрания меньшевистской Грузии. Судя по всему, проявляли сочувствие те, кто был в близких отношениях или в кровно-родственных связях с осетинами. Сегодня, спустя более ста лет после этих трагических событий, трудно определить истинные причины сострадания и жалости членов комиссии к осетинским беженцам, которые в сущности ничего плохого не делали против грузин ни до 1920 г., ни в последующие годы. Архивные документы проливают свет на деятельность этой комиссии, которая добивалась прекращения преследования оставшегося в лесах Южной Осетии мирного осетинского населения [3, л. 120].

Подчеркнем, что авторитетная комиссия помогла организовать хотя бы небольшую помощь беженцам-осетинам (питанием, одеждой, а также морально и психологически). Некоторые из членов комиссии предлагали переселить оставшихся беженцев за пределы Южной Осетии в различные районы Грузии. Речь идет о тех днях, когда палач осетинского народа Валико Джугели летом 1920 г. фактически уничтожил почти всю Южную Осетию, а основная масса осетин бежала в Северную Осетию. Трудно передать психологическое состояние людей, которые обезумели от массовых убийств, обрушившегося на них горя и безысходности.

Однако в той трагической этнополитической и межнациональной обстановке, в которой оказались осетины-беженцы, деятельность комиссии Учредительного собрания Грузии способствовала физическому выживанию хотя бы какой-то части обреченных на уничтожение изгоев. Члены комиссии среди них проводили морально-психологическую и «разъяснительную работу», убеждали еще большими потоками и быстрее переселяться в Северную Осетию по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. До решения комиссии официальные органы меньшевистских властей Грузии не пропускали по этим дорогам беженцев-осетин в Северную Осетию. Здесь, как представляется, имелись две причины. Во-первых, грузинская партия войны изначально намеревалась уничтожить осетинское население Южной Осетии. Во-вторых, Рокский перевал был закрыт якобы из-за бездорожья и наступивших холодов, хотя все происходило в летнее время.

Но независимо от причин принципиально важным было решение комиссии прекратить выселение осетин из Цона, Окона, Ксани, Коби, Лехура и других мест компактного их проживания, так как они не принимали участия в борьбе за установление советской власти в Южной Осетии. Несмотря на свое как бы сострадание и сочувственное отношение к беженцам, комис-

сия по-прежнему поддерживала идею «добровольно-принудительного» выселения осетин, оставшихся после разгрома Южной Осетии в 1920 г. Политическое руководство Грузии, в том числе Учредительное собрание (парламент), вынашивало планы их выселения за пределы Южной Осетии в непривычные и не приспособленные для нормальной жизни районы Грузии, в частности в Караязскую степь и в Борчалю [3, л. 125].

Все эти меры комиссия Учредительного собрания Грузии, конечно же, выдавала как образец «гуманного» отношения к южным осетинам, проявление большой заботы о них, спасение от физического уничтожения и т. д. Разумеется, по сравнению с «партией войны», требовавшей уничтожения не только Южной Осетии, но и всех осетин, проживавших за ее пределами, включая Тбилиси и другие города Грузии, хоть в чем-то подозревавшиеся в установлении советской власти на своей исторической родине, решения комиссии следует расценить как позитивные. В то же время необходимо иметь в виду исключительный грузинский великодержавный шовинизм, не признающий никаких норм общечеловеческой морали, патологическое превосходство над негрузинскими народами Грузинской Демократической Республики. Анализ данной проблемы позволяет утверждать, что на протяжении долгого времени это превращалось и в конце концов превратилось в национальную традицию грузинского народа – по крайней мере для политического руководства этого небольшого и в высшей степени амбициозного государства на Кавказе. Такая традиция, особенно среди грузинской знати, постепенно стала приобретать черты не только ярко выраженной осетинофобии и абхазофобии, но и русофобии.

М. М. Блиев, посвятивший много интересных и содержательных научных исследований проблемам Южной Осетии, проанализировавший сотни архивных документов, подчеркивал: «Отдаляясь от российских интересов на Кавказе и концентрируясь только на собственных утилитаристских выгодах, грузинская знать вступила с российской администрацией (на Кавказе. – Х.К.) в неразрешимые противостояния. Что же до российских властей, расположившихся в Тифлисе, в центре Грузии (такой страны, как Грузия, в то время не существовало, а были разрозненные грузинские территории, которые в исторической литературе и в архивных документах значатся как Грузинские царства, например, Картли-Кахетинское, Имеретинское и т. д. – Х.К.), то под давлением постоянно фрондировавшей местной знати они были обречены идти на поводу у грузинских тавадов и, желая умерить их социальную экспансивность, предоставлять им различного рода привилегии» [4, с. 6].

Заметим, что М. М. Блиев анализирует период XVIII в., однако в психологии грузин мало что изменилось и к 1920 г. и даже в более поздний период. Психология основной массы этнических грузин сводилась к тому, что Российская империя, куда разрозненные грузинские царства вступили в начале XIX в., «обязана была» не только заботиться о процветании грузинского общества, но и добиваться расширения присоединенных территорий. Сказанное отмечают многие исследователи грузино-российских и грузино-осетинских отношений [5–9]. Так, М. М. Блиев подчеркивает: «Важное значение придавалось ориентации грузинского общества на территориальное расширение (это еще в XIX в.! – Х.К.) и связанные с этим вооруженные захваты» [4, с. 6].

Р. С. Бзаров также отмечает: «Грузинская экспансия поневоле сосредоточилась на административно-политическом направлении. Стремление российской власти построить на Кавказе оптимальную систему управления, не привязанную к этническим территориям, было использовано для объединения южных областей Осетии. Так грузинские претенденты получили возможность пробраться к непосредственному управлению осетинами – от имени империи и в роли российских чиновников. Сословный статус, имущественный и образовательный ценз придворной картлийской знати, теперь окружавшей в Тифлисе российских наместников, был несопоставимо выше карьерных шансов жителей Южной Осетии» [10, с. 11].

Архивные источники и некоторые дореволюционные исследования убедительно свидетельствуют о сложной и противоречивой сфере российско-грузинских отношений вплоть до 1918 г., когда Грузия, воспользовавшись большевистским программным положением о праве нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства, отделилась от РСФСР. Проблема осетин Южной Осетии состояла в том, то они каждый раз втягивались в различные интриги высокопоставленных грузин, значительная часть которых традиционно исповедовала двойные стандарты. С одной стороны, они на словах поддерживали Кав-

казскую администрацию Российской империи, а с другой – вынашивали планы против Петербурга. В таких сложных условиях Южная Осетия, получившая у российской администрации именно такое название (по-осетински Хуссар Ирыстон – Южная Осетия), часто оказывалась своеобразным политическим полем, «где российские власти пытались разрешить непомерные владельческие притязания грузинских тавадов... именно здесь больше, чем в самой Грузии, грузинские феодалы при поддержке российских воинских сил имели наибольший простор для широкого применения ими деспотических методов угнетения, в свое время укоренившихся в грузинском обществе благодаря господству шахской Персии» [4, с. 6].

В психологии основной массы грузинского общества ничего не менялось вплоть до отделения от РСФСР и создания Грузинской Демократической Республики во главе с меньшевистской партией Грузии. К. П. Пухаев подчеркивает: «Часть нынешних грузинских обществоведов... стыдливо предпочитает дистанцироваться от термина “меньшевистское правительство”, настаивая на замене его нейтральным Правительство Демократической Республики Грузия» [7, с. 45].

Он удачно подметил не только этот аспект взаимоотношений Грузии и Южной Осетии, но и исключительную зависимость Демократической Республики Грузия, которая формально была суверенной, независимой страной, а фактически отдала себя под покровительство кайзеровской Германии, незамедлительно оккупировавшей территорию Грузии в 1918 г. и занявшей многие стратегически важные пункты. И хотя войска не занимали территорию Южной Осетии, тем не менее оккупация немцев дорого стоила так называемой «независимости Грузии».

Убедительно показывает К.П. Пухаев и оперативную смену внешнеполитической ориентации меньшевистской Грузии на Антанту: «Со стороны грузинских лидеров это был продуманный на несколько ходов вперед маневр, ибо уже годом позже Англия и Франция обеспечивали до 30 % бюджета Грузии» [7, с. 45]. Отмечены и другие ошибки и перегибы во внутренней и внешней политике новообразованного Грузинского государства. Однако наиболее подробно К. П. Пухаев проанализировал государственную национальную политику и межнациональные отношения меньшевиков, организовавших за небольшой период времени (1918–1921 гг.) два геноцида абхазского и осетинского народов в 1920 г.

Еще одна проблема Южной Осетии, в целом осетин Грузии состояла, на наш взгляд, не только в исключительной антироссийской риторике властей меньшевистской Грузии, но и в неоправданном и мифическом величии грузин, возвышении грузинской нации и попытках унижить представителей других народов, которые волею судьбы оказались в составе Грузинского государства. В этой связи необходимо подчеркнуть отдельные выводы председателя правительства меньшевистской Грузии Н. Жордания на заседании парламента (Учредительного собрания) Грузии 1 декабря 1918 г. Он говорил: «Великая российская революция, революция февральская (Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. – Х.К.) на широком пространстве России окрепла и обрела кровь и плоть только здесь, в Грузии... революционная буря, пронесшаяся над Россией, только в Грузии выковала господство демократии» [11]. Ничего удивительного нет в этой речи, так как такие оценки, далекие от реальной действительности, были не только в период правления меньшевиков в Грузии, но и в последующие годы, когда этим государством руководили коммунисты и так называемые «демократы» во главе с З.К. Гамсахурдиа.

Однако было бы интересно послушать и другую версию складывавшихся общественно-политических и морально-психологических обстоятельств в меньшевистской Грузии. Противоположных оценок слишком много, но здесь приведем лишь некоторые, проливающие свет на истинное положение в новообразованном государстве Кавказа. Так, побывавший в эти годы в меньшевистской Грузии англичанин Бехофер в книге «В деникинской России», которая вышла в свет в 1921 г. в Лондоне, писал: «Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии (так называли меньшевиков Грузии, которые были фактически социал-демократами. – Х.К.) всегда остается в моей памяти как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы» [12].

Примерно такого же мнения о грузинской нации, ее непомерных амбициях и воинствующем национализме и американский историк азербайджанского происхождения Фируз Каземзаде:

«Поскольку меньшевики (1918 г. – Х.К.) приняли руководство национальным государством (Грузинской Демократической Республикой. – Х.К.), они не могли не поддаться воинствующему национализму грузинского народа. Эпидемия национализма распространялась с небывалой скоростью, поражая все государственные органы» [13]. Напомним, что Грузию в более поздние времена лауреат Нобелевской премии академик А. Д. Сахаров метко назвал «мини-империей» [14, с. 27] за притеснения и ущемление политических, гражданских и национальных прав народов Абхазии, Аджарии и Южной Осетии, что всегда было характерной особенностью политического руководства Грузии. Конкретные примеры из истории грузинского и других народов, оказавшихся по волюнтаристскому решению политиков Тбилиси и Кремля в составе Грузии, убедительно свидетельствуют об этом.

Так, меньшевики, придя к власти в Грузии, немедленно начали так называемые «революционные преобразования», под которыми фактически подразумевалось то, что в настоящее время происходит на территории независимой Украины (за исключением спецоперации российских войск в соседнем государстве). Во-первых, грузинский язык сразу был утвержден в качестве единственного государственного на территории всей Грузии. Только на нем разрешалось выступать членам Законодательного собрания Грузии. Меньшевики как правящая политическая партия посягнули даже на русский язык, который был понятен абсолютному большинству граждан, независимо от национальности.

Во-вторых, в судах всех инстанций на территории Грузии, включая Абхазию, Аджарию и Южную Осетию, все дела должны были вестись только на грузинском языке. Разумеется, что сотни, а может быть, тысячи человек юридической специальности лишились работы из-за незнания или слабого знания грузинского. В-третьих, знание грузинского языка было обязательным и в становлении и строительстве Вооруженных сил Грузии. Так, 22 января 1921 г., согласно приказу военного министра правительства меньшевистской Грузии, офицеры, которые по традиции, а может быть, по привычке продолжали говорить на русском языке, особенно при использовании военной терминологии, должны были быть уволены из армии [7, с. 50].

Были и другие необдуманные приказы военного министра, которые в совокупности привели к тому, что большое количество чиновников из Вооруженных сил Грузии потеряли работу. И хотя сокращению подлежали в основном телеграфские и почтовые служащие, отдельная категория железнодорожников, офицеры негрузинских народов, например, турки-месхетинцы, русские, азербайджанцы и т. д., тем не менее такие меры существенно ослабляли и без того слабую армию грузинских меньшевиков. По подсчетам грузинского генерала Георгия Ивановича Квинитадзе (1874–1970), Грузия за три года пребывания у власти меньшевиков вела семь военных конфликтов и межнациональных войн. Разумеется, в такой чрезвычайно сложной обстановке, когда нужно было выяснять отношения на поле боя с Южной Осетией, Абхазией, Арменией, Азербайджаном и даже с РСФСР, погибало много грузинских солдат. А еще большее количество их становились калеками. Для неокрепшей армии Грузии такое отношение меньшевиков было слишком большой «роскошью», которая фактически граничила с государственным преступлением.

Сообщения о семи войнах и военных конфликтах генерал-майора Г. И. Квинитадзе подтверждаются и другими историческими источниками и архивными документами. К этому следует добавить, что генерал был главнокомандующим грузинской армии во время вооруженного восстания за установление советской власти в Грузии в 1921 г. Кроме того, он был и начальником тифлиского военного училища. После падения Грузинской Демократической Республики в феврале 1921 г. генерал вместе со своими сторонниками бежал в Стамбул, а через некоторое время уехал во Францию. Его мемуары «Мои воспоминания в годы независимости Грузии. 1917–1921 гг.» были изданы в 1985 г. в Париже, там же переведены на русский язык. Конечно, грузинский генерал, как и многие государственные и политические деятели, пишущие воспоминания, преувеличивает значение собственной персоны, однако его утверждения, что меньшевистская армия семь раз участвовала в боевых столкновениях – сущая правда.

Говоря о грузинском шовинизме, исключительности грузинской нации и ее богоизбранности, можно привести большое количество конкретных фактов, которые не влезут даже в огромный фолиант. Такие понятия, как демократия, права человека, законность, подлинный интернационализм и др., всегда отвергались политической верхушкой руководства Грузии, для которой

важнее всего в государственном строительстве были величие грузинской нации, ее неоспоримое превосходство над всеми остальными народами не только в самой Грузии, но и на всем Кавказе. Особенно это величие пробуждается у значительной части грузин в годы их государственной независимости и суверенитета, что подтверждает опыт Абхазии и Южной Осетии.

И таких материалов достаточно много в архивохранилищах не только Цхинвала и Владикавказа, но и Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга и Москвы. Так, в Государственном архиве Российской Федерации хранится уникальный документ, который проливает свет на многочисленные притеснения в Грузии негрузинских народов, включая даже русских. В отчете Народного Комиссариата РСФСР 28 сентября 1918 г. сказано о необходимости оказания помощи русскому населению Закавказья и целом ряде мер по защите этой части народа. В частности, акцент сделан на том, что русское население Грузии подверглось со стороны грузин нападкам: «Ряд насилий над русскими гражданами, имевших место в Грузии, ставит русских в крайне тяжелое положение, и они просят помощи и содействия Советской власти» [15, л. 11; 16, с. 217–218].

В связи с этим в постановлении Народного Комиссариата РСФСР было записано: «1. Дать широкую огласку фактам притеснения, насилия и проявления вообще вражды к русским в Закавказье со стороны грузин... 2. Составить воззвание... для распространения среди грузин и в нем разъяснить местному населению совершенную недопустимость нарушения прав трудового русского населения... 4. Послать комиссию в Закавказье, составленную из заинтересованных Комиссариатов и снабженную необходимой суммой и средствами для оказания помощи бедствующему населению... посему войти в связь с Земским союзом и Союзом городов, организуемыми врачебно-питательные отряды для оказания помощи беженцам... и присоединить к отрядам эту комиссию как их руководящий и контрольный орган. 5. Помимо всего этого войти в Совет Народных Комиссаров с предложением об образовании специальной комиссии для отправки в Закавказье, снабженной широкими полномочиями в деле расследования положения русского населения и оказания ему помощи. 6. Поручить Наркомату по делам национальностей предоставить Наркомату иностранных дел все материалы по вопросу о положении русских в Закавказье для передачи их товарищу Иоффе с целью возбуждения дипломатического вмешательства по данному вопросу» [15, л. 13; 16, с. 217–218].

В документе подчеркивается, что такие враждебные акции со стороны грузинских националистов русское население Грузии испытывает не впервые [15, л. 16]. Здесь приводятся только отдельные эпизоды из огромного числа националистических проявлений грузинского народа, особенно его политического руководства. Разумеется, грузинский национализм и мания превосходства над всеми остальными народами, проживающими не только в Грузии, но и на Кавказе, никак не увязываются с отдельными лестными, хвалебными отзывами в адрес Грузии и грузинского народа, которые давали некоторые европейские политики.

Так, например, К. Каутский, по выражению В. И. Ленина, «ренегат пролетарской революции», выпустил в Германии брошюру о Грузии после того, как в 1920 г. вместе со своими товарищами и единомышленниками побывал в Тифлисе. Он писал: «В Грузии нет диктатуры; там царит демократия. В Грузии осуществлена полная свобода политических партий, полная свобода профессиональных союзов, свобода обсуждения вопросов, свобода пропаганды, коалиций и организаций. За последние годы, когда от Рейна до Тихого океана почти повсюду вспыхивают кровавые восстания, Грузия наряду с немецкой Австрией представляет единственную страну, которая не видела подобных событий. Несколько попыток к восстаниям в отдельных пограничных местностях на севере и на юге страны не заслуживают упоминания» [7, с. 48; 17, с. 2].

К. Каутский говорил об этом после масштабной карательной экспедиции грузинской национальной гвардии под командованием В. Джугели в Южной Осетии и Абхазии в 1920 г., а для лидера европейской социал-демократии карательные экспедиции В. Джугели, в результате которых уничтожены десятки тысяч осетин и абхазов, сводились к незначительным правонарушениям, которые, как он выразился, «не заслуживают упоминания». Разумеется, это трагедия в масштабах целых народов – осетинского и абхазского, а отношение к ней известного и популярного европейского политика можно охарактеризовать как циничное и в высшей степени жестокое.

Кровавые преступления В. Джугели на территориях Абхазии и Южной Осетии в 1920 г. признаны на уровне решений парламентов теперь уже независимых государств Южного Кавка-

за геноцидом. А К. Каутский и некоторые другие популярные европейские политики, делегаты II Интернационала, побывавшие с визитом в меньшевистской Грузии в 1920 г., не уставая хвалили демократию в этой молодой независимой стране. Но и этого им было мало. Они в буквальном смысле поливали грязью Советскую Россию, где большевики в годы Гражданской войны (это важно подчеркнуть!) установили жестокий режим и продолжали вести борьбу, отстаивая государственную власть.

Разумеется, чувствовалась большая разница между меньшевистским режимом Грузии по сравнению с большевистским в РСФСР. Сразу после провозглашения независимости Грузия какое-то время играла в демократию и справедливое решение многих социальных проблем. Но это была только игра, настолько утонченная, что некоторые иностранные гости считали Грузию «очагом либерализма и социальной справедливости». На эту «удочку» клюнул не только К. Каутский, но и другие европейские социал-демократы, которые в 1920 г. посетили Грузинскую Демократическую Республику в составе Социалистической делегации II Интернационала. Почетные гости из Германии и некоторых других европейских государств назвали Грузию «прекрасной страной, где процветает демократия»; «превосходный социализм, которому нет равных в Европе»; «уголок подлинной демократии и процветания социальной жизни» [18, л. 10] и т. д.

Член делегации II Интернационала Вандервельде говорил: «Я счастлив вступить на землю истинной социалистической республики. Меня трогают эти флаги, эти закрытые магазины, небывалое зрелище по случаю приезда социалистической делегации. Вы цивилизовали этот уголок Азии. Вы превратили его в остров будущего. Взоры всего мира обращены на ваш единственный в мире социалистический опыт» [17, с. 3]. Что касается К. Каутского, то он после поездки в Грузию написал книгу о «торжестве социализма и демократии в Грузии». Он настолько талантливо расписал попытки построить социалистическое общество в Грузии, что некоторые эпизоды и выводы пришлось по душе даже некоторым большевикам.

В 1921 г. в журнале «Красная новь» большевик Н. Мещеряков, который в то время жил в Грузии, решился оппонировать выводы и основные позиции К. Каутского по земельному и национальному вопросам – главным в условиях бывшей Российской империи. Хотя основные положения книги К. Каутского он аргументированно критиковал, тем не менее иногда признавал и опыт Грузии в деле построения социализма.

Делегаты II Интернационала продолжительное время гостили в Грузии, а меньшевистское руководство, используя традиционный метод гостеприимства, делало все необходимое, чтобы уважить почетных гостей. К. Каутский, которому меньшевистская Грузия настолько понравилась, больше других «эксплуатировал» грузинское гостеприимство. Почетный гость из Германии прожил здесь более трех месяцев, а вернувшись на Родину, написал и издал книгу, в которой рассказал о превосходной стране под названием Грузия. По версии К. Каутского, меньшевики создали все необходимые условия для демократии, справедливости и благополучия в социальной жизни. Он подчеркивал: «В Грузии пролетариат держит в своих руках политическую власть или, если хотите, осуществляет свою диктатуру, без всякого терроризма, средствами и способами демократии» [17, с. 3].

Многие делегаты прилагали все силы к тому, чтобы не отставать в своих хвалебных одах от К. Каутского. Тот же Гюнсманс подчеркивал: «Помните, вы наши надежды, ибо Грузия – единственная страна, во главе которой стоят социалисты». «Ваша гибель будет нашей гибелью; ваша победа – наша победа!» [18, л. 16] – воскликнул он, обращаясь к грузинским меньшевикам. Француз Ренодель выразился более ясно и определенно: «Грузия должна стать во главе народностей Закавказья и освободить их от тех, кто уничтожает всякую свободу» [17, с. 6].

Другие восхищенные речи в адрес меньшевистской Грузии нет необходимости приводить. То ли делегаты по незнанию общественно-политической обстановки хвалили карликовую демократию, то ли преднамеренно фальсифицировали реальную действительность, а может быть, по понятной нам причине существенно исказили то, что было на самом деле в «демократической Грузии». Большевики фактически установили свою диктатуру и учинили кровавую расправу над некоторыми нерусскими народами, в том числе и русскими. А что касается абхазов и южных осетин, то их подвергли в 1920 г. чудовищному акту геноцида.

Краткие выводы. Кровавые события 1920 г. в Грузии очень напоминают трагические события в современной Украине, где Вооруженные силы РФ проводят специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации. К этой акции западные государства и США подвели Президента РФ В. В. Путина на протяжении многих лет. Продолжительное время западные государства во главе с США не только считали Украину «оплотом демократии», «островком свободы на постсоветском пространстве», «составной частью европейской цивилизации», но и активно помогали в приобретении современных видов оружия. Все это делалось, чтобы Украина как можно быстрее превратилась в агрессивную и воинственную «антироссию». То, что Запад и США во все времена плохо «переваривали» русских как нацию и Россию, не знают только те, кто лишен памяти, кто ничего не понимает в истории, кто фальсифицирует и привык искажать собственную историю. Именно с этих позиций значительно легче понять хвалебные оды так называемой «грузинской демократии» времен меньшевистского правительства Грузии. По этой же логике станут понятнее дифирамбы не только К. Каутского, но и других членов Социалистической делегации II Интернационала, которые посетили в 1920 г. «свободную Грузию». Меняются правительства, государственные чиновники и политики на Западе и в США, однако не меняется ни при каких обстоятельствах высокомерие, расчетливый привычный цинизм, демонстративное презрение, периодически переходящее в ненависть к великому русскому народу и к России как мощной державе.

Список источников

1. Дзидзоев В.Д. Проблемы и перспективы суверенитета молодых государств (на примере Абхазии и Южной Осетии). Владикавказ: Изд-во Горского гос. аграрного ун-та, 2019. 256 с.
2. Дзидзоев В.Д. Борьба южных осетин за национальное самоопределение и первый геноцид 1920 г. // Цард (Жизнь). 2007. № 4.
3. Политический архив Главного архивного управления Республики Южная Осетия. Ф. 2. Оп. 1.
4. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Европа, 2006. 472 с.
5. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. 2-е изд. (историко-политологическое исследование). Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. науч. центра, 2004. 359 с.
6. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир, 2000. 59 с.
7. Пухаев К.П. История геноцида осетин в 1920 г. Цхинвал, 2020.
8. Гатикоев Г.Р. Южная Осетия в борьбе за национальное самоопределение (1917–1922). Цхинвал, 2020.
9. Дзугаев К.Г. Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1917–1921 гг.). Цхинвал, Владикавказ, 2017.
10. Геноцид осетин: 1920 год : документы и материалы / сост., ред. и вступ. ст. Р. С. Бзарова. Цхинвал, 2009. 111 с.
11. Махарадзе Ф.И. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М.: Госиздат, 1921. 112 с.
12. Цит. по: Драбкина Е.И. Грузинская контрреволюция. Л.: Прибой, 1928. С. 92.
13. Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье (1917–1921): Грузия. URL: <http://zilaxar.com/istoriya/borba-zakavkaze-1917-1921-gruzia> (дата обращения: 10.05.2019).
14. Сахаров А.Д. Степень свободы // Огонек. 1989. № 31.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 41. Оп. 188. Д. 62.
16. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. 3-е изд. Владикавказ: Иростон, 2002. 256 с.
17. Меньшевистская Грузия как идеал для западной социал-демократии. URL: <http://www.tfolk.ru> (дата обращения: 10.05.2019).
18. Центральный государственный архив Республики Южная Осетия. Ф. 8. Оп. 4. Д. 6.

References

1. Dzidzoev V. D. *Problems and prospects of the sovereignty of young states (on the example of Abkhazia and South Ossetia)*. Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University Press; 2019. 256 p. (In Russ.).

2. Dzidzoev V.D. The struggle of South Ossetians for national self-determination and the first genocide of 1920. *Tsar (Zhizn') = Tsar (Life)*. 2007;(4). (In Russ.).
3. *Political archive of the Main Archive Department of the Republic of South Ossetia*. Fund 2. In. 1. (In Russ.).
4. Blied M. M. *South Ossetia in collisions of Russian-Georgian relations*. Moscow: Evropa Publ.; 2006. 472 p. (In Russ.).
5. Dzidzoev V. D. *The Caucasus at the end of the 20th century: trends in ethno-political development*. 2nd ed. (historical and political research). Vladikavkaz: North Ossetian Scientific Center Press; 2004. 359 p. (In Russ.).
6. Blied M. M., Bzarov R. S. *History of Ossetia from ancient times to the end of the 19th century*. Vladikavkaz: Ir Publ.; 2000. 59 p. (In Russ.).
7. Pukhaev K. P. *The history of the Ossetian genocide in 1920*. Tskhinvali, 2020. (In Russ.).
8. Gatikoev G. R. *South Ossetia in the struggle for national self-determination (1917-1922)*. Tskhinvali, 2020. (In Russ.).
9. Dzugaev K. G. The concept of "window of opportunity" in relation to the integration and reunification process of Ossetia (1917-1921). Tskhinvali; Vladikavkaz, 2017. (In Russ.).
10. *Genocide of Ossetians: 1920: documents and materials*. Comp., ed. and intr. art. by R. S. Bzarov. Tskhinvali, 2009. 111 p. (In Russ.).
11. Makharadze F.I. *The dictatorship of the Menshevik Party in Georgia*. Moscow: Gosizdat Publ.; 1921. 112 p. (In Russ.).
12. Quoted from: Drabkina E.I. *Georgian counter-revolution*. Leningrad: Priboi Publ.; 1928:92. (In Russ.).
13. Kazemzade F. *Struggle for Transcaucasia (1917-1921): Georgia*. Available from: <http://zilax-ar.com/istoriya/borba-za-zakavkaze-1917-1921-gruzia> [Accessed 10th May 2019]. (In Russ.).
14. Sakharov A. D. Degree of Freedom. *Ogonyok = Twinkle*. 1989;(31). (In Russ.).
15. *State Archive of the Russian Federation*. Fund 41. In. 188. File 62. (In Russ.).
16. Dzidzoev V.D. *National policy: the lessons of experience*. 3rd ed. Vladikavkaz: Iriston Publ.; 2002. 256 p. (In Russ.).
17. *Menshevik Georgia as an ideal for Western social democracy*. Available from: <http://www.ttolk.ru> [Accessed 10th May 2019]. (In Russ.).
18. *Central State Archive of the Republic of South Ossetia*. Fund 8. In. 4. File 6. (In Russ.).

Информация об авторе

Х.Г. Кодаляева – соискатель, кафедра истории, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; доцент, и. о. заведующей кафедрой журналистики, Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова.

Information about the author

Kh.G. Kodalaeva – Applicant, Department of History, Kosta Levonovich Khetagurov North Ossetia State University; Associate Professor, Acting Head of the Journalism Department, South Ossetian State University named after A. A. Tibilov.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 94(37).07
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-53-59

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ РИМСКОЙ АРМИИ (ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА): К ВОПРОСУ О *VIRI MILITARES*

Сергей Валерьевич Телепень

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Белоруссия, telepen_ser@mail.ru

Аннотация. Анализируются социальные характеристики высшего командного состава римской армии периода ранней Римской империи в связи с проблемой его профессионализации. Рассматриваются некоторые особенности карьеры и служебной деятельности легатов легионов и военных трибунов как выражение данной профессионализации.

Отмечается, что выполнение обязанностей командиров высшего ранга в период принципата было выражением социальной функции представителей высших римских *ordines*. Причиной такого отношения к командирским функциям в среде знати была живучесть древних аристократических традиций. Применительно к «офицерам» и «генералам» периода ранней Римской империи следует говорить о том аристократическом служении, которое обуславливалось сословной принадлежностью легатов и трибунов, включая представителей эквитов. Лишь в отдельных случаях оно вело к появлению профессиональных командиров, т. е. *viri militares*. Утверждается, что применение к последним понятия «офицерский корпус» вполне допустимо. В то же время по отношению к большинству римских командиров его можно употреблять лишь с оговорками, исходя из того, что они занимали свои посты в течение, как правило, лишь ограниченного периода времени, т. е. не являлись профессионалами в настоящем смысле. Делается вывод, что существовало значительное различие между легатами, к которым применимо обозначение «генераль», и военными трибунами, соответствовавшими понятию «офицер». Среди обеих категорий можно обнаружить *viri militares*, но в категории легатов таковые были более заметным явлением, что можно связать с непосредственной ответственностью легатов за обеспечения безопасности границ римского государства.

Ключевые слова: римская армия, император, легаты, военные трибуны, «генералитет», «офицерский корпус», аристократия, профессионализм, *viri militares*

Для цитирования: Телепень С.В. Высший командный состав римской армии (период принципата): к вопросу о *viri militares* // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 53–59.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE HIGHEST COMMAND STRUCTURE OF THE ROMAN ARMY (PRINCIPATE PERIOD): TO THE QUESTION OF *VIRI MILITARES*

Sergey V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr,
Republic of Belarus, telepen_ser@mail.ru

Abstract. The article analyzes the social characteristics of the senior officers of the Roman army in the period of the early Roman Empire in connection with the problem of its professionalization. Some features of the career and official activities of the legates of the legions and military tribunes are considered as an expression of this professionalization. The article notes that the fulfillment of the duties of commanders of the highest rank during the period of the Principate was an expression of the social function of representatives of the highest Roman *ordines*. The reason for such an attitude towards commanding functions among the nobility was the

vitality of ancient aristocratic traditions. With regard to the “officers” and “generals” of the period of the early Roman Empire, one should speak of that aristocratic service, which was determined by the class affiliation of legates and tribunes, including representatives of *equites*. Only in isolated cases did it lead to the emergence of professional commanders, that is, *virii militares*. The article argues that the application of the concept of “officer corps” to the latter seems quite acceptable. At the same time, in relation to most Roman commanders, it can only be used with reservations, based on the fact that they held their posts for, as a rule, only a limited period of time, that is, they were not professionals in the real sense. The article concludes that there was a significant difference between the legates, to whom the designation “generals” is applicable, and the military tribunes, who corresponded to the concept of “officers”. Among both categories, *virii militares* can be found, but in the category of legates, these were more prominent that can be associated with the direct responsibility of the legates for ensuring the security of the borders of the Roman state.

Keywords: Roman Army, emperor, legates, military tribunes, “generals”, “officer corps”, aristocracy, professionalism, *virii militares*

For citation: Telepen S.V. The Highest Command Structure of the Roman Army (Principate Period): to the Question of *Virii Militares*. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(2):53-59. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Как пишет А.В. Махлаюк, «война для древних римлян была столь же неотъемлемой частью естественного порядка вещей, как сезонные земледельческие работы» [1, с. 5]. Тем не менее превращение гражданского ополчения в постоянное войско было длительным процессом. Применительно к римскому войску в науке высказывалось мнение, что уже такие полководцы, как Марий, Цезарь, Помпей, действовали в направлении создания профессиональных армий [2–4]. Другие исследователи обращают внимание на мероприятия императора Августа, установившего строго определенные условия службы для всех категорий *miles* [5, 6]. Однако более аргументированной представляется точка зрения относительно постепенной (а не одномоментной) профессионализации римского военного сообщества [7–9].

С другой стороны, профессионализм именно командного состава римского войска, даже после военной реформы Августа, выглядит спорным [10]. Очевидно, что в данном случае качество командного состава должно оцениваться в связи с решением ряда вопросов. В частности, в какой мере здесь можно говорить об «офицерском корпусе»? Кого можно считать «генералами» и «офицерами» в римской армии периода принципата? Кто может быть отнесен к профессиональным командирам, если такие вообще существовали в ранней Римской империи? Если говорить о классической немецкой науке, то Г. Дельбрюк, например, предлагал считать «офицерами» всех командиров, начиная с центурионов и далее вплоть до легатов легионов [2]. Тем не менее примерно с 60-х гг. прошлого столетия более аргументированной считается концепция Р. Смита, предложившего рассматривать в качестве «офицеров» лишь легатов, префектов и военных трибунов [3]. Часть специалистов понятие «офицеры» применительно к римской военной организации не использует, предпочитая говорить об «иерархии командования» [7] либо некоем довольно неопределенном «офицерском классе» [11].

В науке уже высказывалась критика по поводу использования понятия «профессионализм» для объяснения тех командирских обязанностей и полномочий, которые применительно к римской действительности, возможно, следует понимать как социально (а не профессионально) обусловленные [12–14]. Однако все же разница между понятиями «любитель» и «профессионал», когда мы говорим о римских «офицерах» и «генералах», должна быть обуславливаема пониманием различий между временным командирским статусом и преимущественным занятием военным делом. В последнем случае речь должна вестись о так называемых *virii militares*, т. е. о тех представителях римской социальной верхушки (включая *equites* [15]), которые, иногда пренебрегая полным сенаторским *cursus honorum* (всадники времен Империи – важными бюрократическими постами), сосредоточивались на военной карьере, где конечной целью была слава успешного полководца.

Обеспечение военного командования было традиционной обязанностью римской знати еще с давних времен. К концу II в. до н. э. участие в военных походах в течение десяти лет стало

условием для прохождения полного *cursus honorum* [16]. Тогда же появляется категория легатов, командиров сенаторского ранга, выполнявших функции военных заместителей консулов либо преторов (иначе – проконсулов и пропреторов, исполнявших обязанности наместников провинций) в качестве командиров отдельных легионов, причем на непродолжительный срок. Обычно легаты назначались сенатом по предложению соответствующего магистрата, занимая эту должность в промежутках между занятием выборных должностей. Принято считать, что командирская подготовка таких легатов была, как правило, ограниченной и заключалась по преимуществу в опыте чтения трактатов по военному искусству [8, p. 39–40].

Цезарь Август и его ближайшие преемники реформировали многие элементы военной иерархии, изменив также систему назначения командиров легионов [8, p. 132–136]. Однако вплоть до времен Северов легаты в Римской империи были назначаемы исключительно из сенаторов, причем непосредственно императором [17, p. 404–408], а пребывание на данном посту редко когда продолжалось дольше двух лет [18, p. 19]. Тем не менее есть примеры, когда императорский назначенец оставался на своей должности, по сути генеральской, существенно дольше. Такие «генераль», как Гней Домиций Корбулон, Гней Юлий Агрикола и Юлий Квадрат Басс занимали свои посты достаточно долго, чтобы приобрести репутацию не просто выдающихся полководцев, но *viri militares*, т. е. тех представителей знати, чей карьерных успех выразился именно в военной деятельности [18, p. 12–31].

Непосредственно под началом легатов находились военные трибуны, которые, согласно обычаю, должны были происходить самое меньшее из всаднических семей. Полибий сообщает, что римляне «избирают военных трибунов, причем четырнадцать из числа тех, которые совершили уже пять годичных походов, а остальные десять – из тех, которые участвовали в десяти таких походах» (Polyb. VI. 19 – пер. Ф.Г. Мищенко). Данное описание показывает военных трибунов в качестве приближающихся по своему статусу к древним магистратурам. Это резко отличает положение военных трибунов от того, которое занимали префекты вспомогательных когорт, а тем более центурионы. Однако, хотя трибунат пользовался высоким престижем, обязанности командиров этого ранга были по преимуществу административными. В источниках, характеризующих время Республики, они предстают в качестве организаторов набора солдат, лиц, ответственных за порядок в военном лагере и обучение новобранцев, контролирующих принесение последними присяги (*sacramentum*), сообщающих пароли и приказы центурионам (Polyb. VI. 19–26, 33–39; X. 20; Liv. XXII. 38; XXVI. 51; XLIV. 33). Также трибуны упоминаются в качестве членов военного совета при полководце (Polyb. VIII. 7; XI. 25; Caes. BG. IV. 23; V. 28; Liv. XXV. 23). Тем не менее у нас нет надежных свидетельств источников относительно того, в чем состояли трибунские функции на поле боя. Известно лишь, что молодые офицеры этого ранга в период Республики лично участвовали в сражениях, находясь в боевых порядках, и многие из них погибали в сражениях (Liv. VII. 9–10, 26; X. 20; XXI. 59; App. Mithr. 89; Caes. BG. V. 15; [Caes.] B. Hisp. IV. 23; V. 28).

Военным трибунам, как свидетельствуют литературные источники, могло поручаться временное командование частью легиона, они иногда выступают ответственными за доведение в ходе битвы приказов командующего отдельным когортам и манипулам (Polyb. XIV. 3; XVIII. 21; Liv. VII. 34; VIII. 25; X. 14; XLIV. 36; Caes. BG. II. 26; BC. I. 21). К концу республиканского периода трибуны, очевидно, постепенно теряют многие из своих командирских полномочий. Теперь в качестве командиров соединений ведущую роль играют легаты, в то время как когортами и манипулами в сражении обычно командовали центурионы (Polyb. VI. 24; Liv. XXV. 14). Однако в период ранней Римской империи значение трибуната, кажется, на время возрастает. Как известно, в легионе этого времени имелось шесть военных трибунов, один из которых имел сенаторский ранг (*laticlavus*), а остальные пятеро – всаднический (*angusticlavii*). И латиклави и ангустиклави занимали свой пост часто только один год, хотя известны примеры и более продолжительного пребывания в этом звании (Tac. Agric. 5; SHA Hadr. II. 2; ILS 1061).

Латиклавиный трибунат, видимо, не предполагал обладания предварительным военным опытом. Источники показывают (Suet. Aug. 38. 2; Tac. Agric. 5; ILS 1066, 1071), что весь смысл данного поста состоял в обеспечении молодым аристократам, его получавшим, той начальной командирской подготовки (*prima rudimenta*), которая требовалась для дальнейшего продвижения

по карьерной лестнице [19, p. 117]. Что касается трибунов всаднического ранга, то они обычно до занятия военного трибуната служили в качестве префектов вспомогательных когорт, т. е. имели некоторый командирский стаж (Suet. *Claud.* 25. 1; *ILS* 2720, 9007, 9471). Обязанности этих трибунов, судя по всему, как и во времена Республики, заключались в наблюдении за обучением новобранцев, контроле поставок продовольствия и снаряжения, они должны были следить за состоянием лазаретов, судить за нарушения дисциплины и выполняли обязанности армейских казначеев (Dig. XLIX. 16. 12. 2; Tac. *Ann.* I. 37, 44). К сожалению, данных о по-настоящему продолжительной трибунской службе мало, чтобы с уверенностью говорить о *virii militares* в этой категории. Но, например, будущий император Марк Ульпий Траян нес службу военного трибуна в течение десяти лет (Plin. *Pan.* XV. 1–2), а выходец из Испании Луций Миниций Натал в 80–90-е гг. I в. последовательно был трибуном в трех легионах (*ILS* 1061; *PIR* M 439; *PIR*² M 620).

Существенным остается вопрос о принципах отбора и продвижения «офицеров» и «генералов» периода Империи. На этот счет в науке уже давно ведутся споры о степени упорядоченности системы карьерного продвижения римских командиров. Г. Дельбрюк утверждал, что профессионализм нижних чинов римского войска сочетался с дилетантизмом военачальников, что вело к взаимозаменяемости последних [2, с. 318–319]. Однако позже эта оценка стала рассматриваться как не вполне объективная, так как в ней не учитывалась важная роль легатов и трибунов в применении накопленных античной военной наукой теоретических знаний. Кроме того, важным было психологическое воздействие на солдатскую массу самого полководца. Как замечает А. Голдсуорти, легионы, состоявшие из опытных солдат и центурионов, имели тем не менее все шансы потерпеть поражение в случае некомпетентности или психологической нестойкости своих высших командиров [7, p. 125–149].

Есть все основания полагать, что протекция, особенно если она исходила со стороны императора или кого-либо из его окружения, была более важным карьерным ресурсом, чем заслуги или старшинство претендента на пост легата или трибуна. Так, Р. Саллер, признавая, что некая система в прохождении командирских должностей все-таки должна была существовать, пишет, что надежных свидетельств того, что такая система функционировала в полной мере или же существовала однозначная зависимость карьерного продвижения от командирского опыта, слишком мало [20, p. 80–103]. С. Джеймс даже утверждает, что система патрон-клиентских отношений, столь значимая для функционирования римского войска как социального организма в целом, была главным механизмом продвижения по службе [21, p. 40–41]. Действительно, согласно тому, что сообщает в своих письмах Плиний Младший, от претендента помимо знатности требовались скорее такие качества, как лояльность, образованность, воспитанность, чем военный опыт (Plin. *Ep.* II. 13; III. 2; III. 8; IV. 4; VII. 22; VIII. 12).

Очевидно, что у аристократов существовали два пути для достижения соответствующих командирских постов: традиционный (в связи с прохождением сенаторского *cursus honorum*) либо другой – через назначения, производившиеся лично императором и не связанные с выборами в сенате. Но даже если предположить, что знания, опыт и способности брались в расчет при назначении на командную должность, все-таки, как справедливо замечает В. Эк, в большинстве случаев эту зависимость по источникам проследить сложно [22, S. 113–114].

Как считают некоторые исследователи, сами императоры едва ли были заинтересованы в формировании особой офицерской касты. Наличие опытных и авторитетных «офицеров» и «генералов» могло угрожать самой власти императора как верховного военного лидера империи и патрона солдат [3, p. 73; 23, p. 27; 24, S. 150; 25, с. 327–328]. Действительно, у Тацита мы находим явные указания на подобные опасения со стороны императоров по отношению к наиболее удачливым из военачальников (Tac. *Agric.* 29; *Ann.* II. 5; XI. 19).

Таким образом, выполнение обязанностей командиров высшего ранга в период принципата должно рассматриваться в качестве социальной функции и своего рода общественного служения представителей высших римских *ordines*. Во многом это объяснялось живучестью древних аристократических традиций [26, с. 24–25]. Речь применительно к «офицерам» и «генералам» периода ранней Римской империи должна вестись о том аристократическом служении, которое обуславливалось сословной принадлежностью легата или трибуна. Лишь в отдельных случаях

оно вело к появлению профессиональных командиров, т. е. *virī militares*. Применение к ним понятия «офицерский корпус» представляется вполне допустимым. В то же время по отношению к большинству римских командиров его можно употреблять лишь с оговорками, исходя из того, что они были «любителями», т.е. отнюдь не профессионалами. Также следует сказать о существенном различии между легатами, этими «генералами», являвшимися доверенными лицами императора, и военными трибунами, вполне соответствовавшими понятию «офицеры». Среди обеих категорий можно встретить тех, кто может быть отнесен к *virī militares*, но в категории легатов таковые явно заметней и, вероятно, в процентном отношении были представлены больше [27, с. 103–104], что можно связать с непосредственной ответственностью легатов за обеспечение безопасности границ государства.

Список источников

1. Махлаук А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2000. 235 с.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства. Античный мир. Германцы : пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
3. Smith R.E. Service in the Post Marian Army. Manchester: Manchester University Press, 1958. 76 p.
4. Parker H.M.D. The Roman Legions. Oxford: Clarendon Press, 1928. 291 p.
5. Kiesling E.C. Corporal Punishment in the Greek Phalanx and the Roman Legion: Modern Images and Ancient Realities // Historical Reflections – Reflexions Historiques. 2006. Vol. 32. P. 225–246.
6. Eck W. Age of Augustus. Malden: Blackwell, 2007. 209 p.
7. Goldsworthy A. The Roman Army at War: 100 BC – AD 200. Oxford: Oxford University Press, 1996. 311 p.
8. Keppie L. The Making of the Roman Army. Norman: University of Oklahoma Press, 1984. 255 p.
9. Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя, 2001. 278 с.
10. Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-claudiens. Rome: École Française de Rome, 1988. 923 p.
11. Lendon J.E. Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical. New Haven: Yale University Press, 2005. 468 p.
12. Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Oxford University Press, 1997. 320 p.
13. De Blois L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 11–31.
14. Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des Römischen Kaiserreiches // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 33–59.
15. Смирнова Е.Л. Флавиин и всадническое сословие // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. Вып. 16, № 1. С. 101–116.
16. Birley A.R. Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 97–120.
17. Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford: Clarendon Press, 1984. 468 p.
18. Campbell J.B. Who Were the Viri Militares? // The Journal of Roman Studies. 1975. Vol. 65. P. 11–31.
19. Webster G. The Imperial Roman Army of the First and Second Centuries AD. London: A & C Black, 1998. 343 p.
20. Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 222 p.
21. Janes S. Writing the Legions: The Development and Future of Roman Military Studies in Britain // The Archaeological Journal. 2002. Vol. 159. P. 1–58.
22. Eck W. Professionalität als Element der politisch-administrativen und militärischen Führung. Ein Vergleich zwischen der Hohen Kaiserzeit und dem 4. Jahrhundert n. Chr. // Der Wiederkehrende Leviathan: Staatlichkeit und Staatswerdung in Spätantike und Früher Neuzeit. Heidelberg: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2011. S. 97–114.
23. Campbell J.B. Teach Yourself to be a General // The Journal of Roman Studies. 1987. Vol. 77. P. 13–29.
24. Stoll O. Offizier und Gentleman: Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 1998. Band. 80. S. 134–162.

25. Парфенов В.Н. Домициан и его «генералитет» // История: мир прошлого в современном освещении : сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 327–336.
26. Маслаков А.В. *Scientia rei militaris* (к вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. История. 2002. Вып. 1. С. 13–31.
27. Телень С.В. *Viri militares* Римской империи I–II вв.: образ и карьера // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 97–105.

References

1. Makhlayuk A.V. *The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality*. Nizhniy Novgorod: Nizhniy Novgorod State University Press; 2000. 235 p. (In Russ.).
2. Delbrück H. *History of military art. Antique world. Germans*. Trans. from German. Smolensk: Rusich Publ.; 2003. 480 p. (In Russ.).
3. Smith R.E. *Service in the Post Marian Army*. Manchester: Manchester University Press; 1958. 76 p.
4. Parker H.M.D. *The Roman Legions*. Oxford: Clarendon Press; 1928. 291 p.
5. Kiesling E.C. Corporal Punishment in the Greek Phalanx and the Roman Legion: Modern Images and Ancient Realities. *Historical Reflections - Reflexions Historiques*. 2006;32:225-246.
6. Eck W. *Age of Augustus*. Malden: Blackwell Publ.; 2007. 209 p.
7. Goldsworthy A. *The Roman Army at War: 100 BC – AD 200*. Oxford: Oxford University Press; 1996. 311 p.
8. Keppie L. *The Making of the Roman Army*. Norman. University of Oklahoma Press; 1984. 255 p.
9. Parfenov V.N. *Emperor Caesar Augustus: Army. War. Politics*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2001. 278 p. (In Russ.).
10. Demougin S. *L'ordre équestre sous les Julio-claudiens*. Rome: École Française de Rome Publ.; 1988. 923 p.
11. Lendon J.E. *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical*. New Haven: Yale University Press; 2005, 468 p.
12. Lendon J.E. *Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World*. Oxford: Oxford University Press; 1997. 320 p.
13. De Blois L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre. *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2000:11-31.
14. Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des Römischen Kaiserreiches. *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag Publ.; 2000:33-59.
15. Smimova E.L. Flavii and the equestrian class. *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world*. St. Petersburg, 2016;16(1):101-116. (In Russ.).
16. Birley A.R. Senators as Generals. *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag Publ.; 2000:97-120.
17. Campbell J.B. *The Emperor and the Roman Army: 31 BC - AD 235*. Oxford: Clarendon Press; 1984. 468 p.
18. Campbell J.B. Who Were the Viri Militares? *The Journal of Roman Studies*. 1975;65:11-31.
19. Webster G. *The Imperial Roman Army of the First and Second Centuries AD*. London: A & C Black Publ.; 1998. 343 p.
20. Saller R.P. *Personal Patronage under the Early Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 222 p.
21. Janes S. Writing the Legions: The Development and Future of Roman Military Studies in Britain. *The Archaeological Journal*. 2002;159:1-58.
22. Eck W. Professionalität als Element der politisch-administrativen und militärischen Führung. Ein Vergleich zwischen der Hohen Kaiserzeit und dem 4. Jahrhundert n. Chr. *Der Wiederkehrende Leviathan: Staatlichkeit und Staatswerdung in Spätantike und Früher Neuzeit*. Heidelberg: Heidelberger Akademie der Wissenschaften Press; 2011:97-114.
23. Campbell J.B. Teach Yourself to be a General. *The Journal of Roman Studies*. 1987;77:13-29.
24. Stoll O. Offizier und Gentleman: Der römische Offizier als Kultfunktionär. *Klio*. 1998;80:134-162.
25. Parfenov V.N. Domitian and his “generals”. *History: the world of the past in modern illumination*. Collection of scientific articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor E.D. Frolov. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; 2008:327-336. (In Russ.).

26. Makhlayuk A.V. Scientia rei militaris (to the Question of the “Professionalism” of the Highest Military Leaders of the Roman Army). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. History*. 2002;(1):13-31. (In Russ.).

27. Telepen S.V. Viri militares Roman Empire I-II Centuries: Image and Career. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*. 2021;(1):97-105. (In Russ.).

Перечень принятых обозначений и сокращений

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae.

PIR – Prosopographia Imperii Romani / 1st ed.

PIR2 – Prosopographia Imperii Romani / 2nd ed.

SHA – Scriptores Historiae Augustae.

Информация об авторе

С.В. Телепень – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин.

Information about the author

S.V. Telepen – Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of History and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 323.1
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-60-67

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА КРЫМА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Дмитрий Игоревич Узнародов

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия, uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности демографических трансформаций наиболее многочисленных этнических меньшинств Крымского полуострова в XX – начале XXI в. (украинцы, крымские татары, белорусы, армяне). Выделяются ключевые исторические предпосылки, имевшие определяющее влияние на данные процессы. Посредством методов анализа статистических данных (сводка и группировка, корреляционный анализ) выделяются ключевые этапы, оказавшие влияние на динамику численности рассматриваемых этнических групп. Первый этап датируется 40-ми гг. XX в., когда вследствие определенных решений тогдашних властей страны существенно изменился этнический ландшафт Крымского полуострова (трагическая депортация крымских татар и армян в 1944 г.; массовое переселение на территорию Крыма украинского населения в результате Постановления Государственного комитета обороны от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма»), а второй этап начался в 1989 г. и продолжался примерно до середины 2000-х гг., характеризуюсь процессами репатриации крымско-татарского населения, результатом которых стало увеличение доли данного этноса в структуре населения более, чем в шесть раз. Также в этот период в структуре населения почти в три с половиной раза увеличилась и доля армянского этноса, а доля белорусского этноса, наоборот, сократилась в 1,4 раза.

Ключевые слова: Республика Крым, этнические меньшинства, демографические трансформации, этническая структура

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100349-6.

Для цитирования: Узнародов Д.И. Этнические меньшинства Крыма в XX – начале XXI века: специфика демографических трансформаций // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 60–67.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ETHNIC MINORITIES OF CRIMEA IN THE 20th – EARLY 21st CENTURY: SPECIFICS OF DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS

Dmitry I. Uznarodov

Federal Research Center the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia, uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of demographic transformations of the most numerous ethnic minorities of the Crimean peninsula in the 20th - early 21st century (Ukrainians, Crimean Tatars, Belarusians, Armenians); the key historical prerequisites, that had a decisive influence on these processes are highlighted. By means of statistical data analysis methods (summary and grouping of the obtained data, correlation analysis of data), the key stages that influenced the dynamics of the number of ethnic groups under consideration are identified. The first stage dates back to the 40s of the 20th century, when, due to certain decisions of the then authorities of the country, the ethnic landscape of the Crimean peninsula changed significantly (the tragic deportation of Crimean Tatars and Armenians in 1944; the mass resettlement of the Ukrainian population to the territory of

Crimea as a result of the Resolution of the State Defense Committee of August 12, 1944 “On the resettlement of collective farmers to the regions of Crimea”), and the second stage began in 1989 and lasted until about the mid-2000s, characterized by the processes of repatriation of the Crimean Tatar population, which resulted in an increase in the share of this ethnic group in the structure of the population more than six times. Also during this period, the share of the Armenian ethnic group in the population structure increased almost three and a half times, and the share of the Belarusian ethnic group, on the contrary, decreased by 1.4 times.

Keywords: Republic of Crimea, ethnic minorities, demographic transformations, ethnic structure

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the state task of the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, project No. 122020100349-6.

For citation: Uznarodov D.I. Ethnic Minorities of Crimea in the 20th – Early 21st Century: Specifics of Demographic Transformations. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):60-67. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Исторически Крымский полуостров являлся местом концентрации самых разных культур и национальностей. В настоящее время на территории Крыма проживает более 175 этнических групп. Самыми многочисленными являются русские, украинцы, крымские татары, татары, белорусы, армяне. Раскроем специфику демографических трансформаций наиболее крупных этнических меньшинств Крымского полуострова в XX – начале XXI в. и попробуем обозначить ключевые исторические предпосылки, оказавшие влияние на эти процессы.

Наиболее многочисленным этническим меньшинством Крыма являются украинцы – 15,68 % [1]. Увеличение доли украинского этноса на Крымском полуострове наблюдалось с 1926 по 1939 г. [2, 3] почти в два раза (с 77 405 до 154 123). Также масштабные изменения происходили в период с 1939 по 1959 г.: тогда численность украинского населения возросла почти на 10 %, с 13,68 до 22,28 % от всего учтенного населения полуострова [3, 4], что было обусловлено целенаправленной политикой руководства страны. Оно стремилось переселить на территорию полуострова как можно большее количество населения из других советских республик (РСФСР и УССР) в целях восстановления ослабленной войной экономики региона, а также в целях возмещения демографических потерь в военные годы. За военный период сокращение численности населения Крыма достигло почти трехкратных значений, и определяющими факторами, кроме потерь в ходе военных действий, стали массовые депортации ряда народов региона, в частности крымских татар, болгар, греков, армян, немцев [5, с. 93]. В кризисе находились также сельское хозяйство и промышленность. Именно масштабные переселения из различных республик Советского Союза должны были, по мнению руководства страны, решить задачу восстановления экономики Крыма.

Процессы переселения регламентировались Постановлением Государственного комитета обороны от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма». Численность переселенцев оценивалась в 51 000 человек как из различных областей Украинской ССР, так и областей РСФСР (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Воронежская, Брянская, Курская, Тамбовская, Орловская области) [6, с. 59]. Помимо колхозников переселялись также врачи, учителя, трактористы, комбайнеры и представители других профессий. Власти предоставляли переселенцам разного рода льготы, например, единовременное денежное пособие (2 500 руб. на семью), освобождение от госпоставок и налогов [6, с. 59].

Следующий этап переселения граждан на территорию Крыма датируется 1950 г., после принятия распоряжения Совета Министров СССР от 8 апреля 1950 г. Преимущество составляли жители РСФСР (более 1 500 хозяйств) и Украинской ССР (порядка 990 хозяйств) [7]. Наибольшее количество крестьян из Украинской ССР, согласно распоряжению, должны были переселить Винницкая область (около 300 семей), Киевская и Каменец-Подольская (почти по 200 семей). Согласно Постановлению Совета Министров УССР № 1406 от 13 июня 1951 г., в Крымскую область должны были быть переселены около 1000 семей колхозников из Киевской, Каменец-Подольской, Черниговской, Житомирской и Сумской областей. Зачастую переселения осуществлялись не отдельными семьями, а сразу целыми колхозами [7]. В течение 1951 г. из

Сумской и Винницкой областей на территорию Крымского полуострова было направлено почти 4 600 человек. В 1952 г. из Киевской, Каменец-Подольской, Сумской и Житомирской областей УССР – порядка 780 семей [7]. В общей сложности из Украинской ССР на Крымский полуостров в период с 1944 по 1953 г. было переведено 7 586 колхозных хозяйств [7, л. 97, 98, 99].

Именно выбранная советскими властями политика переселения граждан из Украинской ССР на Крымский полуостров во второй половине 40-х – начале 50-х гг. и способствовала формированию того процентного соотношения украинского населения в этнической структуре Крыма, которое мы могли наблюдать на протяжении всей второй половины XX и начале XXI в.: в период с 1959 по 2001 г. доля украинского населения в этнической структуре Крымского полуострова находилась в диапазоне от 22,28 до 25,75 %, а численность населения возросла почти в два раза (с 267 659 до 576 647) [4, 8–10]. Изменение доли украинского этноса в структуре населения Крымского полуострова произошло после событий «Крымской весны» 2014 г., когда, согласно проведенной в том же году переписи населения, доля жителей, идентифицирующих себя как украинцы, в республике сократилась почти на 9 % [1].

В 1989 г., согласно данным переписи населения [9], доля украинцев в этнической структуре Крыма (без учета г. Севастополя) составляла 26 %, в 2001 г. – 24,32 % [10], в 2014 – 15,42 % [1]. Исторически максимальная доля украинского этноса наблюдается в северных районах Крымского полуострова – Джанкойском, Красноперекопском, Первомайском, Раздольненском, а также городских округах Армянск и Красноперекопск. Еще одним районом с большой долей украинского населения исторически является Сакский район в центральной части республики. Районы с минимальной долей украинского этноса в структуре населения находятся исторически в южной (городские округа Керчь, Судак и Феодосия, а также Кировский район) и центральной (Белогорский район, городские округа Евпатория и Симферополь) частях полуострова.

В период с 1989 по 2001 г. максимальное сокращение численности украинского этноса происходило в Белогорском (на 6,7 %), Джанкойском (на 7,3 %), Красногвардейском (на 6 %), Сакском (на 6,9 %) и Симферопольском (на 7,2 %) районах [9, 10], увеличение наблюдалось только в городских округах Евпатория (на 0,6 %), Красноперекопск (на 4 %), Феодосия (на 1,5 %) и Ялта (на 1,8 %) [9, 10].

В период с 2001 по 2014 г. к муниципальным образованиям Крымского полуострова, в которых наблюдались максимальные масштабы сокращения численности украинского этноса, относятся Джанкойский (на 10,28 %), Красноперекопский (на 10,86 %), Раздольненский (на 9,8 %), Сакский (на 10 %), Черноморский (на 10,43 %) районы, а также городской округ Красноперекопск (10,38 %) [1, 10]. В отличие от 2001 г., в 2014 г. отсутствовали районы, в которых происходило увеличение численности украинского этноса.

Как показал проведенный анализ, если с 1989 по 2001 г. максимальное сокращение численности украинского этноса происходило преимущественно в районах центральной части Крымского полуострова [9, 10], то с 2001 по 2014 г. наибольшие масштабы снижения доли украинского населения наблюдались в муниципальных образованиях севера Крыма [1, 10]. Можно предположить, что этот процесс обусловлен событиями «Крымской весны» 2014 г., а именно, негативным отношением определенной части украинского населения к вхождению Крыма в состав Российской Федерации. В то же время нельзя исключать и то, что отток украинского этноса с территорий северных районов Крыма происходил еще до событий «Крымской весны» 2014 года, но утверждать это с уверенностью невозможно, поскольку ввиду отсутствия проведенных переписей населения на полуострове после 2001 и до 2014 г. мы не имеем официальных статистических данных, подтверждающих эту версию.

Вторым по численности этническим меньшинством Крыма являются крымские татары, доля которых в структуре населения составляет 10,57 % [1].

Как уже отмечалось ранее, на трансформацию этнической структуры Крыма в середине XX в. повлияли прежде всего решения тогдашнего руководства страны о массовых выселениях многих народов региона, в частности крымских татар, болгар, греков, армян, немцев [5, с. 93]. Депортация крымских татар 1944 г. способствовала полной трансформации ареала их исторического проживания. Необходимо подчеркнуть, что и до этих событий расселение крымских татар по районам Крыма было неравномерным. Например, в степных районах их доля в струк-

туре населения составляла 10 %, а в южных и прибрежных районах они являлись большинством [11]. Несмотря на то что крымские татары формально были восстановлены в правах в 1968 г., фактически ситуация складывалась так, что на практике действующие в тот момент запреты не позволяли им возвратиться на свою историческую родину вплоть до 1989 г.

Изначально репатриация имела стихийный и массовый характер. Очень часто возникала ситуация, когда репатрианты не могли вернуться в свои дома, поскольку на этих землях проживали уже другие люди, переселенные на территорию Крымского полуострова после завершения Великой Отечественной войны. Масштабное возвращение крымских татар автоматически создавало проблемы выделения нового жилья и их размещения на территории полуострова. Тем не менее власти страны нужных на тот момент решений не приняли, в результате чего на протяжении всего постсоветского периода земельный вопрос продолжал оставаться крайне актуальным для социальных процессов Крымского полуострова. В период с 1991 по 2007 г. на территории Крыма было незаконно занято порядка 40 000 га земли, где возникло около 300 крымско-татарских поселений с населением порядка 200 тыс. человек (в частности, к таким поселениям относятся «Фонтань», «Дубки», «Каменка» в Симферополе, а также «Исмаил-бей» в Евпатории) [12]. Со временем количество желающих получить землю постепенно возрастало. Многие из репатриантов «первой волны» в итоге не смогли получить жилья, а к середине первого десятилетия XXI в. успело вырасти уже новое поколение крымских татар, недовольных условиями своего проживания [13].

Следует отметить, что в настоящее время ареал проживания крымских татар находится в большей степени в степных и предгорных районах Крымского полуострова. Но в начале XX в. территориально он располагался в основном в прибрежных районах республики [14, с. 14]. Однако в 90-х гг. XX в. крымские татары вынужденно начали заселять районы в предгорной (центральной) части полуострова. В настоящее время районы с компактным проживанием крымско-татарского этноса находятся преимущественно в центральной части республики. К ним относятся Белогорский (31,32 %), Кировский (28,84 %), Красногвардейский (20,62 %), Симферопольский (22,81 %) и Советский районы (25,94 %) [15]. Также два района с наибольшей долей крымско-татарского населения находятся в южной части республики (городской округ Судак, Бахчисарайский район). В них доля крымско-татарского этноса составляет 21,48 и 23,63 % соответственно [15]. В общей сложности в период с 1989 по 2001 г. доля крымско-татарского этноса в структуре населения Крыма возросла более чем в шесть раз (с 1,58 в 1989 до 10,26 % в 2001 г., или с 38 365 до 245 291 чел.).

Необходимо обратить внимание также на тот факт, что часть населения Крыма в настоящее время идентифицирует себя не как «крымские татары», а как «татары». В данном случае довольно сложно определить точный процент татарского населения (здесь мы имеем в виду этноним «казанских татар»), поскольку в последние несколько десятилетий часть крымских татар во время переписи населения именуют себя именно татарами, без добавления слова «крымский». Дополнительную сложность в определении динамики численности татарского населения вносит то обстоятельство, что до 1959 г. в переписях населения этноним «крымские татары» отсутствовал, а к этнониму «татары» относили и «крымских» и «казанских» татар. В период с 1959 по 1979 г. численность населения в этнической структуре Крыма, идентифицирующего себя как «татары», увеличилась в семь раз, с 1354 до 9656 чел. (с 0,11 до 0,45 %) [4, 8]. В период с 1979 по 2001 г. [8–10] темпы роста численности татар в структуре населения были гораздо менее значительными (в 1,4 раза), а с 2001 по 2014 г. возросли более чем в 3 раза [10, 15]. В настоящее время доля татарского населения в Крыму составляет 2,05 % [15].

Исторически к национальным меньшинствам Крыма относятся также и белорусы. Первые белорусские поселения в Крыму датируются еще последними десятилетиями XVIII в. и территориально располагались в пределах Таврической губернии. Их основу составляли люди из вольного военного сословия, которые были приравнены в правах к малороссийскому казачеству [16].

Следующие волны белорусских переселенцев приходятся на середину XIX и первую половину XX в. Значительная часть белорусских переселенцев была из числа отставных военных, оставшихся на территории Крыма после окончания Крымской войны, а также из числа бывших

крепостных крестьян, переселившихся на территорию Крымского полуострова после 1861 г. [16]. К 1897 г. на территории Крыма проживало 2058 белорусов [17].

В XX в. было две волны переселения с территории белорусских земель: первая волна – в 20–30-е гг. XX в. включала переселенцев из Витебской, Минской и Гомельской губерний, а вторая – в 40–50-е гг., основу которой составляли переселенцы из Гомельской, Гродненской и Могилевской областей. К 1940 г. численность белорусского этноса в структуре населения Крыма увеличилась почти в три раза и достигла 6 726 чел. Следует отметить, что ядро белорусского населения современного Крыма было сформировано посредством именно второй волны переселения в XX в. (40–50-е гг.). За сорок лет численность белорусского этноса в Крыму возросла почти в 6,5 раза и в 1979 г. составила 43 214 чел. К 1989 г. на территории Крымского полуострова проживало уже 50 054 белоруса, что от общей численности населения Крыма составляло почти 2 % [9]. В постсоветский период численность белорусского населения Крыма сократилась в 1,4 раза до 35 157 чел. [10]. Ещё с начала XX в. населенными пунктами с наибольшей численностью белорусского этноса являются поселения Воинка и Ишунь Краснопереконского района, села Марьяновка Красногвардейского района и Широкое Симферопольского района, а также несколько поселений Ялтинского городского совета [10].

Значимое место в истории Крыма всегда занимал армянский этнос. Первые упоминания об армянских поселениях в Крыму датируются ещё VII – VIII вв., а к XI – XIII вв. армянские общины существовали в Херсонесе (сейчас – Севастополь), Кафе (Феодосия), Сугдее (Судак), Солхате (Старый Крым). После османского завоевания 1475 г. численность армян в Крыму существенно снизилась.

Начиная с XVI в. многие армяне начали возвращаться на свою историческую родину, однако рост численности армянского этноса в этот период был вызван переселениями из Западной Армении. Именно в XVI – XVII вв. была сформирована армянская община в Армянском Базаре (в настоящее время г. Армянск) и Бахчисарае. До 1778 г. армянский этнос являлся вторым по численности (после крымских татар) этносом Крыма (более 12 000 чел.). Во время противостояния с Османской империей российские власти предприняли меры по ослаблению экономической мощи противника посредством переселения с территории полуострова некоторых этносов, в частности армян и греков, которые вносили большой вклад в развитие таких промыслов, как земледелие, садоводство и торговля, приносящих значительный доход в бюджет крымского хана. Большинство представителей армянского этноса, проживавших в сельской местности (около 11 000 чел.), были переселены на территории Нижнего Дона и Приазовья [18, с. 77].

После вхождения Крыма в состав Российской империи в 1783 г. многие переселенные на Дон армяне начали возвращаться на свою историческую родину. К 1897 г. на территории Крыма проживало уже 8 317 армян [17], а к 1919 г. – порядка 17 000. Рост численности армянского этноса Крыма в начале XX в. был вызван прежде всего миграцией армянского населения из Османской империи, а также земель Западной Армении. К концу XIX в. существенно возрос уровень урбанизации, и большинство представителей армянского этноса в тот период проживало в городах, хотя нужно отметить, что и во времена Османской империи армянское население было достаточно урбанизированным. Крестьянское население проживало преимущественно на территории Феодосийского уезда.

В 40-е гг. на Крымском полуострове происходит очередная демографическая трансформация. В 1944 г. наряду с другими этническими группами армяне по решению властей страны были выселены с территории Крыма. Численность депортированных из числа армянского этноса достигала 11 000 чел. [19, с. 99].

Очередное изменение динамики численности армянского этноса происходит уже в постсоветский период и возрастает почти в пять раз: с 2 794 чел. в 1989 г. [9] до 10 088 чел. в 2001 г. (с 0,11 до 0,42 % в структуре населения) [10]. Большое влияние на рост численности армянского этноса в Крыму в этот период оказали различные этнополитические конфликты, происходящие в различных республиках бывшего Советского Союза: главным образом решающее значение здесь имели события в Нагорном Карабахе, которые повлекли огромный отток армянского этноса с других территорий Азербайджана. После 2001 г. значительных изменений в численности армянского этноса уже не происходило (11 030 чел. в 2014 г.) [1].

Итак, переходя к выводам, следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что для каждого из рассмотренных в статье этнических меньшинств Крыма характерны свои уникальные особенности демографических трансформаций и свойственные этим процессам отдельные значимые временные отрезки, тем не менее можно выделить несколько важных хронологических этапов, которые повлияли на демографические трансформации одновременно сразу нескольких этнических меньшинств Крымского полуострова. Во-первых, речь идет о 1944 г., когда решения тогдашнего руководства страны вызвали значительное изменение этнической структуры Крымского полуострова. Именно в этот период произошла трагическая депортация ряда этнических групп, в частности крымских татар и армян. В том же году, согласно Постановлению Государственного комитета обороны от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма», произошло массовое переселение на территорию Крыма украинского населения, что также существенно изменило этническую структуру региона. В 40-е гг. также начался процесс массового переселения на территорию Крыма жителей белорусских областей (преимущественно Гомельской, Гродненской и Могилёвской), который оказал определяющее влияние на формирование ядра белорусского населения современного Крыма. В свою очередь, первая волна переселения из Витебской, Минской и Гомельской губерний датируется еще 20–30-ми гг. XX в. Второй важный этап, существенно повлиявший на демографические трансформации различных этнических групп, начался в 1989 г. и продолжался примерно до середины 2000-х гг. Во-первых, процессы репатриации крымско-татарского населения в этот период привели за 12 лет к увеличению доли этноса в структуре населения полуострова более чем в 6 раз (с 1,58 % в 1989 г. до 10,26 % в 2001 г., или с 38 365 до 245 291 чел.). Также почти в 3,5 раза увеличилась и доля армянского этноса (с 0,11 в 1989 г. до 0,42 % в 2001 г., или с 2 794 до 10 088 чел.). Что касается белорусского этноса, то в постсоветский период его численность сократилась в 1,4 раза.

Список источников

1. Перепись населения в Крымском федеральном округе // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 25.02.2022).
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам России. Крымская АССР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (дата обращения: 22.02.2022).
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. Крымская АССР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (дата обращения: 22.02.2022).
4. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. Крымская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (дата обращения: 22.02.2022).
5. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.
6. Конониренко В.А. Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия : История. Международные отношения. 2017. Вып. 1. С. 59–63.
7. Российский государственный архив экономики. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678.
8. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. Крымская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения: 22.02.2022).
9. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Крымская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 22.02.2022).
10. Государственный комитет статистики Украины. Национальный состав населения, гражданство. Автономная республика Крым. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/ (дата обращения: 25.02.2022).

11. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2257 (дата обращения: 26.02.2022).
12. Обзор СМИ Автономной Республики Крым за 13–19 ноября // Информационное агентство REGNUM. 2006. 20 нояб. URL: <https://regnum.ru/news/polit/742224.html> (дата обращения: 26.02.2022).
13. Поляны протеста. Как крымские татары возвращали утраченные земли // Аргументы и факты. 2015. 27 янв. URL: <https://krum.aif.ru/society/persona/1433478> (дата обращения: 22.02.2022).
14. Швеиц А.Б. Риск политизации этничности в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2017. № 3. С. 5–21.
15. Национальный состав населения Республики Крым. URL: https://web.archive.org/web/20150925112720/http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
16. Савинова О.В. Белорусы Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 5. С. 440–442.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Таврическая губерния // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 (дата обращения: 22.02.2022).
18. Байбуртский А.М. Новые данные по истории средневековой армянской общины в Кишлавской котловине. Поселения Бор-Кая и Сала // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2008. Вып. I. С. 77–88.
19. Сеитова Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) // Пространство и время. 2013. № 2. С. 99–106.

References

1. Population census in the Crimean Federal District. *Federal State Statistics Service*. Available from: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1 [Accessed 25th February 2022]. (In Russ.).
2. The All-Union Population Census of 1926. The national composition of the population by regions of Russia. Crimean ASSR. *Demoskop Weekly*. Available from: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html [Accessed 22nd February 2022]. (In Russ.).
3. The All-Union Population Census of 1939. The national composition of the population by regions of Russia. Crimean ASSR. *Demoskop Weekly*. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 [Accessed 22th February 2022]. (In Russ.).
4. The All-Union Population Census of 1959. Urban and rural population of regions of republics of the USSR (except the RSFSR) by gender and nationality. Crimean region. *Demoskop Weekly*. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 [Accessed 22th February 2022]. (In Russ.).
5. Bugay N.F. *Deportation of peoples of Crimea*. Moscow: INSAN Publ.; 2002. 240 p. (In Russ.).
6. Kononirenko V.A. Resettlement of collective farmers from Russia and Ukraine to the post-deportation territories of Crimea in 1944–1953. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2017;(1):59–63. (In Russ.).
7. *Russian State Archive of Economics*. Fund 5675. In. 1. File 678. (In Russ.).
8. The All-Union Population Census of 1979. Urban and rural population of the regions of the republics of the USSR (except the RSFSR) by gender and nationality. Crimean region. *Demoskop Weekly*. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 [Accessed 22th February 2022]. (In Russ.).
9. The All-Union Population Census of 1989. Distribution of urban and rural population of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality. Crimean region. *Demoskop Weekly*. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 [Accessed 22nd February 2022]. (In Russ.).
10. *State Statistics Committee of Ukraine*. The national composition of the population, citizenship. Autonomous Republic of Crimea. Available from: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1 [Accessed 25th February 2022]. (In Russ.).
11. *The All-Union Population Census of 1939*. The national composition of the population of districts, cities and large villages of the RSFSR. Crimean ASSR. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2257 [Accessed 26th February 2022]. (In Russ.).
12. Media review of the Autonomous Republic of Crimea for November 13–19. Information Agency REGNUM. Available from: <https://regnum.ru/news/polit/742224.html> [Accessed 26th February 2022]. (In Russ.).

13. Glades of protest. How the Crimean Tatars returned the lost lands. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*. 2015, January 27. Available from: <https://krym.aif.ru/society/persona/1433478> [Accessed 22nd February 2022]. (In Russ.).
14. Shvets A.B. The risk of politicization of ethnicity in Crimea. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2017;(3):5-21. (In Russ.).
15. *The national composition of the population of the Republic of Crimea*. Available from: https://web.archive.org/web/20150925112720/http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf [Accessed 21st February 2022]. (In Russ.).
16. Savinova O.V. Belarusians of Crimea. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya = Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. 1998;(5):440-442. (In Russ.).
17. The first All-Union Population Census of Russian Empire of 1897. Distribution of the population by native language and counties of 50 provinces of European Russia. Tauride province. *Demoskop Weekly*. Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1420 [Accessed 22nd February 2022]. (In Russ.).
18. Bayburtsky A.M. New data on the history of the medieval Armenian community in the Kishlav basin. Settlements of Bor-Kay and Sal. *Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region*. 2008;(1):77-88. (In Russ.).
19. Seitova E.I. Labor migration to Crimea (1944-1976). *Prostranstvo i vremya = Space and Time*. 2013;(2):99-106. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.И. Узнародов – кандидат политических наук, научный сотрудник, лаборатория социологии.

Information about the author

D.I. Uzнародov – Candidate of Science (Politics), Researcher, Laboratory of Sociology.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 281.9+93/94
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-68-75

РАЗВИТИЕ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПАТРИАРШЕСТВА АЛЕКСИЯ II (РИДИГЕРА) (НА МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Наталья Владимировна Федорова^{1✉}, Андрей Александрович Мекушкин²,
Александра Михайловна Пронина³, Дмитрий Иванович Пыхтин⁴
^{1,2,3,4} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ fnavl@mail.ru✉

² andrey.mekushkin@icloud.com

³ ariadna_777@mail.ru

⁴ dip484@mail.ru

Аннотация. Анализируется начальный период современного этапа развития воскресной школы как одного из звеньев восстанавливаемой системы религиозного образования Русской православной церкви. На основе материалов законодательства, периодики, а также устных источников (воспоминаний участников событий) освещается ход этого процесса в Ростовской области в 1990-е и 2000-е гг. Приводятся данные о количестве воскресных школ в динамике. В период патриаршества Алексея II (Ридигера) (1990–2008 гг.) сложились требования к современной воскресной школе, на местах сформировались церковно-административные структуры для организации образовательной деятельности, с участием регионов (в том числе Ростовской области) начала формироваться методическая база для воскресных школ и подготовки катехизаторов.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Ростовская епархия, Ростовская область, церковный приход, воскресная школа, православное образование, религиозное образование

Для цитирования: Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Пронина А.М., Пыхтин Д.И. Развитие воскресных школ Русской православной церкви в годы патриаршества Алексея II (Ридигера) (на материалах Ростовской области) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 68–75.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DEVELOPMENT OF SUNDAY SCHOOLS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE PATRIARCHY OF ALEKSIY II (RIDIGER) (BASED ON THE MATERIALS OF THE ROSTOV REGION)

Natalia V. Fedorova^{1✉}, Andrey A. Mekushkin², Alexandra M. Pronina³,
Dmitry I. Pykhtin⁴

^{1,2,3,4} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ fnavl@mail.ru✉

² andrey.mekushkin@icloud.com

³ ariadna_777@mail.ru

⁴ dip484@mail.ru

Abstract. The article deals with the initial period of modern development of Sunday school as one of the elements of the religious education system, restored by the Russian Orthodox Church. Based on the materials of legislation, periodicals, as well as oral sources (memoirs of participants of the events), the course of this process in the Rostov region in the 1990s and 2000s is restored. Data on the number of Sunday schools in dynamics are given. It is concluded that during the period of the patriarchate of Aleksey II (Ridiger) (1990–2008), requirements

© Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Пронина А.М., Пыхтин Д.И., 2022

for a modern Sunday school and local church administrative structures for the organization of educational activities were formed. Methodological base for Sunday schools and the training of catechists also began to be formed with the participation of regions (including the Rostov region) during this period.

Keywords: Russian Orthodox Church, Rostov diocese, Rostov region, parish, Sunday school, Orthodox education, religious education

For citation: Fedorova N.V., Mekushkin A.A., Pronina A.M., Pykhtin D.I. Development of Sunday Schools of the Russian Orthodox Church During the Patriarchy of Aleksiy II (Ridiger) (Based on the Materials of the Rostov Region). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(2):68-75. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С 1990-х гг. иерархи Русской православной церкви ставят задачу по восстановлению системы непрерывного религиозного (православного) образования, важным звеном которой являются воскресные школы. В современном понимании они отличаются от воскресных школ дореволюционного периода. В ту эпоху церковно-приходские школы («безмездные училища при церквях», «безмездные для прихожанских детей училища») организовывались духовенством и были начальными учебными заведениями, где обучались дети (Закону Божию, грамоте и т.д.). Воскресные же (воскресные и праздничные) школы предполагали обучение взрослых, не имеющих возможности ежедневно посещать занятия (в связи с трудовой деятельностью), и отнюдь не только при храмах, поскольку организаторами и преподавателями воскресных школ часто были земские и иные общественные деятели – светские лица.

В советский период традиция начального образования под эгидой Церкви была уничтожена. Принципиальная позиция большевиков относительно участия духовенства в деле народного образования зафиксирована в декрете СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в котором говорилось о недопустимости преподавания религиозных вероучений «во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы» (п. 9) [1].

В вопросах, связанных с восстановлением собственной системы непрерывного религиозного образования, РПЦ опирается на дореволюционный опыт в области церковно-школьного дела, преподавания Закона Божия в церковных и светских учебных заведениях [2–4] и т.д. В рамках решения задачи по формированию системы религиозного образования Русская православная церковь стремится обеспечить непрерывность христианской образовательной традиции, систематизировать и стандартизировать православное образование в целях повышения его качества и престижа, преодолеть его изоляцию и добиться включения православных образовательных организаций в качестве полноправных субъектов в единое российское образовательное пространство [5]. Эти масштабные задачи до сих пор не решены в полной мере. Проблемы развития религиозного образования тесно переплелись с проблемами образования светского [6, с. 12] и требуют комплексных решений. Однако с конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда государственная политика в отношении социальной деятельности РПЦ начала меняться в сторону не просто допущения, но и одобрения такой деятельности, Русская православная церковь накопила значительный опыт образовательной деятельности. И этот опыт требует фиксации и осмысления, а его обобщение в свете вышеизложенного представляется актуальным.

Русская православная церковь исходит из того, что светскость современного российского государства и светскость образования не тождественны их нерелигиозности или антирелигиозности. Разнообразные возможности для деятельности духовенства Патриарх Московский и всея Руси Алексий II раскрыл в слове, сказанном в день интронизации 10 июня 1990 г.: «Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во Имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и взрослых, обеспечение духовного возрастания» [цит. по: 7, с. 80].

В Ростовской области одна из первых воскресных школ открылась в 1990 г. при храме Вознесения Господня (на Братском кладбище г. Ростова-на-Дону) под руководством настоятеля протоиерея Владимира Коряка [8]. В это же время по благословению протоиерея и при его ко-

ординации в ростовской школе № 76 был организован Центр духовного возрождения культуры, в программе которого были уроки нравственности, занятия драмкружка «Эхо», работа клуба «Собеседник» и кружок духовного пения. К одним из первых воскресных школ в области относятся также школы при Ростовском кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы и при храме Покрова Пресвятой Богородицы г. Шахты. Начинаясь скромно, некоторые школы постепенно превращались в духовные центры. Так, в период служения протоиерея Валентина Голиковского на территории Свято-Покровского прихода г. Шахты был построен Православный комплекс для учеников воскресной школы с лекционным и компьютерным классами, классом дошкольной группы, а также библиотекой (строительство завершено в 2004 г.) [9]. Имели место случаи, когда воскресная школа (группа) начиналась с одного ученика (например, в 1997 г. преподавание Закона Божия в Успенском приходе села Недвиговка; через два года число учеников достигло 20 [10]).

В 1994 г. Архиерейский Собор Русской православной церкви обозначил широчайшее религиозное образование ее главной задачей. Акцентировалась необходимость не просто количественного, но качественного роста воскресных школ, которые следовало открывать при каждом приходе. Это актуализировало решение сложных задач, связанных с формированием основ преподавания в воскресных школах, организацией учебного процесса, выработкой программ, подготовкой квалифицированных педагогов [11].

По воспоминаниям протоиерея Владимира Тер-Аракелянца, который является одним из тех, кто стоял у истоков возрождения воскресных школ в Донском регионе, начинался этот процесс на исключительном энтузиазме неравнодушных людей, при полном отсутствии методического обеспечения и, соответственно, стандартизации и единообразия. Он участвовал в разработке одного из первых в новейшей истории России методических пособий с программами для воскресных приходских школ, которое получило высокую оценку в Синодальном отделе религиозного образования и катехизации. Разработка вошла в сборник учебных программ, предназначенный для церковно-приходских воскресных школ, который стал свидетельством того, что система религиозного образования и катехизации не ограничивалась столичными городами и на региональном уровне также велась активная самостоятельная работа по ее развитию и методическому обеспечению [12].

Серьезная проблема заключалась в недостатке кадров для преподавания в воскресных школах. Донская духовная семинария была закрыта в 1920–1921 гг., а попытки ее возрождения в 1940-е гг. не увенчались успехом. И только в 1994 г. указом митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира (Котлярова) было открыто Ростовское епархиальное духовное училище, ректором которого назначен настоятель Михаило-Архангельского храма г. Новочеркаска священник Олег Добринский (он же с 1994 г. по 2012 г. являлся руководителем Отдела религиозного образования и катехизации Ростовской-на-Дону епархии, который был создан «сразу после Архиерейского Собора 1994 г.» [13, с. 5]).

Первоначально училище было организовано в виде регентско-певческих курсов, а спустя год приступило к подготовке катехизаторов и преподавателей воскресных школ по одногодичной программе. Оно подверглось реформированию после того, как 26 декабря 2001 г. Священный Синод Русской православной церкви удовлетворил прошение архиепископа Ростовского и Новочеркасского Пантелеимона (Долганова) об открытии в Ростове-на-Дону миссионерского духовного училища с двухлетним сроком обучения. Учебное заведение стало именоваться Ростовским духовным училищем (с миссионерской направленностью), а с 2007 г. после значительных преобразований – Ростовским миссионерским духовным училищем. Осуществляя подготовку священно- и церковнослужителей, катехизаторов, преподавателей для воскресных школ, это среднее духовное учебное заведение заложило основу для возрождения Донской духовной семинарии (6 октября 2010 г. по решению Священного Синода училище получило статус семинарии, а торжественное открытие возрожденной семинарии, ректором которой стал архиепископ Пантелеимон, состоялось 23 ноября 2010 г.) [14, с. 205, 399–402].

Также для подготовки преподавателей воскресных школ и катехизаторов с 1995 г. на базе Донского православного центра «София» действовали катехизаторские курсы (руководитель – священник Алексей Демидов, который в этот период наряду со священником Владимиром Тер-

Аракельянцем являлся членом Отдела религиозного образования и катехизации Ростовской епархии) [13, с. 5]. За первые четыре года работы центр подготовил для епархии свыше 70 «законоучителей» – ростовчан и иногородних (для последних с 1998 г. создавались отдельные группы). В 1999 г. сами представители православного центра давали такую оценку этой работе: «Малым кажется это число для епархии, имеющей более 200 приходов, однако за каждой фамилией в списке стоит большой и целеустремленный труд, духовное горение...» [15].

В 1999–2008 гг. в Ростовской епархии функционировал филиал Свято-Тихоновского богословского института (с 2004 г. – Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета): пастырский, педагогический и катехизаторский факультеты. Его открытие трактовалось как «эпохальное событие для жизни епархии» [11] с учетом того, что духовное образование на Донской земле только начало возрождаться. Первый набор составил 93 человека: 22 священнослужителя были зачислены на пастырско-богословский факультет, 37 студентов – на катехизаторский, 34 студента – на педагогический [13, с. 5].

К 2000 г. в Ростовской области было организовано еще несколько духовно-просветительских центров: Духовно-просветительский центр имени святителя Димитрия Ростовского при Ростовском кафедральном соборе, православный центр «Благовест», который проделал путь от «интеллектуального клуба до православной общины и создания своего прихода Святого Пантелеимона Целителя» [16], миссионерский центр «Истина» при Александрийском епархиальном подворье, центр блаженного Августина при Свято-Михайловском соборе г. Новочеркаска, просветительский центр при Свято-Никольском храме г. Таганрога [13, с. 5].

С 1998 г. «для централизации образовательной деятельности и координации ее» Отделом религиозного образования и катехизации Ростовской епархии была введена практика лицензирования воскресных школ [11]. Она показала, что на приходах «вместо школ действовали более или менее регулярные катехизаторские беседы с прихожанами» [13, с. 5]. В этом году лишь шесть школ прошли лицензирование. В 1999 г. о готовности к нему заявил только один приход (помимо уже лицензированных шести), что, как отмечал в своем докладе протоиерей Олег Добринский, было значительно меньше ожидаемого, поскольку «по отчетам благочиний и приходских настоятелей во многих приходах функционируют воскресные приходские школы» [11]. В 2000 г. на епархиальном уровне высказывалась уже достаточно жесткая позиция по вопросу организации воскресных школ при приходах: «В городских приходах наличие воскресной школы, поставленной на должный уровень (курсив наш. – Авт.), обязательно. И если таковой нет, то настоятель, видимо, не способен к управлению городским приходом» [11]. К этому времени относится и начало проведения семинаров для настоятелей приходов, преподавателей и руководителей воскресных школ в целях координации деятельности воскресных школ и унификации преподавания в них на основе программ, разработанных Отделом религиозного образования и катехизации Ростовской епархии [11]. Такие образовательные семинары стали регулярными.

К 2000-м гг. постепенно, благодаря в том числе такой деятельности на региональном уровне, сложились критерии, которым должна соответствовать православная воскресная школа. В отличие от назначения общеобразовательных учреждений воскресная школа допускает большое разнообразие форм занятий. Она предполагает наличие программ, систематичность и методическую проработанность преподаваемых курсов (чего не было на заре появления воскресных школ). Каждый преподаватель должен предоставлять свои учебные планы, программы и перечень пособий в Отдел религиозного образования и катехизации Ростовской епархии или руководствоваться имеющимися в отделе методическими материалами.

Но церковно-приходской воскресная школа считается только тогда, когда она связана с конкретным приходом и духовно окормляется священнослужителем. Ответственным за деятельность школы является настоятель храма. Руководителем школы может быть настоятель или по его благословию один из клириков прихода или образованный мирянин. Церковно-приходская воскресная школа должна действовать при каждом приходе. В исключительных случаях может быть создана межприходская воскресная школа.

В задачи «воскресных церковно-приходских школ» входит: формирование православных представлений о Боге, мире, человеке; изучение Евангелия и разъяснение апостольского благо-

вестия; выработка навыка регулярного чтения Священного Писания; разъяснение Символа веры православной церкви, догматов Церкви, Священного Писания Ветхого и Нового Завета в духе святоотеческой традиции; изучение церковной истории, в том числе истории Русской православной церкви; разъяснение содержания церковного богослужения, участие в литургической жизни храма; помощь в подготовке к таинствам исповеди и причастия; обучение церковной и домашней молитве; воспитание в духе евангельских заповедей, объяснение понятия греха, необходимости видеть грех, каяться и постоянно бороться с грехом; формирование православного отношения к неправославному окружению; разъяснение нравственных требований во всем многообразии их приложения к современной жизни; воспитание любви к членам семьи, ближним, навыка милосердной заботы о болящих и бедных; воспитание любви к родной земле, изучение ее истории; приобщение и формирование правильного отношения к сокровищам мировой культуры, к православному церковному искусству [17].

В 2003 г. архиепископ Донской и Новочеркасский Пантелеимон (Долганов) подчеркивал: «Приоритетным направлением служения Церкви в современном обществе остается духовно-просветительская работа и религиозно-образовательная деятельность» [18]. При этом упор делался прежде всего на совершенствование системы внутрицерковного образования, а также на расширение и качественное улучшение взаимодействия со светскими учебными заведениями. Такая расстановка акцентов объясняется тем, что, несмотря на изменения в образовательной системе и ее нормативном регулировании, новых возможностей для расширения преподавания православной культуры и аналогичных курсов в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в это время не появлялось.

Анализ открытых количественных данных о воскресных школах (группах) показал, что в соответствии с призывом Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о необходимости создания широкой сети воскресных школ для детей и взрослых (1990 г.) и решением Архиерейского Собора 1994 г., провозгласившего религиозное образование главной задачей Церкви и призвавшего открывать воскресные школы при каждом приходе, в течение 1990–2000-х гг. при храмах Ростовской области открывались воскресные школы (группы) [19, с. 215]. Но они были организованы не при всех приходах. Так, в 1992 г. школы имелись при 25,89 % храмов, в 1999 г. – при 33,63 % храмов, в 2002 г. – при 33,6 % (таблица).

**Количество храмов и воскресных школ в Ростовской области
(1990-е – начало 2000-х гг.) [20; 13, с. 4, 5; 21] / Number of churches and Sunday schools
in the Rostov region (1990s - early 2000s)**

Год	Храмы	Воскресные школы
1992	112	29
1999	223	75
2002	253	85

Итак, период патриаршества Алексия II (Ридигера) (1990–2008 гг.) был временем постановки задач, равно как и временем инициативы со стороны духовенства и мирян в сфере православного образования. Задача по открытию воскресных школ при каждом приходе осталась невыполненной. Это, однако, было ожидаемо в условиях, когда перед Церковью стояли сложнейшие задачи, без решения которых организация полноценного православного образования при приходах невозможна: воссоздание собственно сети православных храмов и приходов и восстановление системы духовных учебных заведений (и то и другое было разрушено в годы советской власти). В исследуемый период были созданы церковно-административные структуры для организации церковной образовательной деятельности на уровне епархий. Сложился требования к современной воскресной школе, основная цель деятельности которой – воцерковление учащихся, прежде всего – детей. Воскресная школа как один из элементов системы религиозного образования, выстраиваемой Русской православной церковью, вобрала в себя черты дореволюционных церковно-приходских и воскресных школ, но не идентична ни первым, ни вторым. В исследуемый период воскресные школы РПЦ сближаются с учреждениями дополни-

тельного образования детей, поскольку их программа предполагает обучение детей религии, духовно-нравственное и эстетическое воспитание в свободное от учебы в общеобразовательной школе время (обычно именно в воскресные дни).

В связи с прерывностью традиции организации церковно-приходских и воскресных школ при храмах в этот период начала формироваться вновь и методическая база для воскресных школ и подготовки мирян-катехизаторов. Эта работа результировала позже в ряд общецерковных документов, регламентирующих деятельность воскресных школ, которые были утверждены Священным Синодом в 2012 г.

Список источников

1. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 20 января 1918 г. (ст. 263) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 18. 26 янв. С. 272–273.
2. *Зубанова С.Г.* Православная церковь России в XIX веке: социальный и духовно-культурный аспекты. М.: Союз, 1995. 162 с.
3. *Зубанова С.Г.* Социальное служение Русской православной церкви в XIX веке. М.: МГСУ, 2001. 352 с.
4. *Федорова Н.В.* Организация воскресных чтений и школ в Донской и Новочеркасской епархии (1860–1870-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-1 (36). С. 183–187.
5. Доклад епископа Зарайского Меркурия, председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, на открытии XVIII Международных рождественских чтений (Государственный Кремлевский дворец, 25 января 2010 г.) // Вера и время. URL: <http://www.verav.ru/common/public.php?num=599> (дата обращения: 15.01.2022).
6. *Дудукалов Е.В., Лантандер А.Б.* Образование и наука: как продолжать модернизацию в условиях рецессии? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 1 (56). С. 7–13.
7. *Федотов А.А.* Русская православная церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново: ИвГУ, 2005. 136 с.
8. *Черникова С.И.* Чтобы найти себя и возродиться // Церковный вестник Ростовской епархии. 1992. № 8. С. 7.
9. *Яценко Ж.* Наша школа // Донской православный вестник. 2005. № 12. С. 3.
10. К третьему учебному году // Церковный вестник Ростовской епархии. 1999. № 7. С. 4.
11. Доклад протоиерея Олега Добрянского // Церковный вестник Ростовской епархии. 2000. № 1. С. 8.
12. Программы Закона Божия для преподавателей церковно-приходских воскресных школ Ростовской епархии / сост. Н. Режабек, ред. священ. А. Демидов, священ. В. Тер-Аракелянц // Сборник учебных программ по Закону Божию для церковно-приходских воскресных школ / сост. В.Л. Шленов, Л.Г. Петрушина. М.: Московский патриархат, Отдел религиозного образования и катехизации, 1999. С. 7–61. Несмотря на заглавие, в этом разделе сборника также опубликованы программы курсов «Священная история», «Основы христианской нравственности», «Основы христианского вероучения», а также конспекты занятий.
13. Доклад архиепископа Ростовского и Новочеркасского на епархиальном собрании. 23 декабря 1999 г. // Церковный вестник Ростовской епархии. 2000. № 1. С. 3–5.
14. *Шадрин А.В.* История Донской духовной семинарии / отв. ред. Л.В. Мининкова. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2019. 480 с.
15. Заметка о Донском православном центре «София» // Церковный вестник Ростовской епархии. 1999. № 6. С. 1.
16. Православный центр «Благовест» // Церковный вестник Ростовской епархии. 2002. № 3. С. 3.
17. Методический семинар в отделе образования: Из выступления священника Виктора Баденкова. О требованиях, предъявляемых Священноначалием Русской православной церкви к воскресным школам, и к тематизации преподаваемых в воскресных школах дисциплин // Церковный вестник Ростовской епархии. 2003. № 4. С. 7.

18. Годичное Епархиальное собрание духовенства Ростовской епархии // Церковный вестник Ростовской епархии. 2003. № 12. С. 5.

19. Дудукалов Е.В., Федорова Н.В. Деятельность русской православной церкви по восстановлению системы духовно-нравственного воспитания и взаимодействие с интеллектуальной и политико-административной элитами на региональном уровне (1990–2000-е гг.) // Стратегии развития общества и социальная работа : материалы докладов и сообщений в виде научных статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д.: Южный федеральный университет, 2020. С. 210–217.

20. Доклад архиепископа Ростовского и Новочеркасского Пантелеимона. 18 марта 1999 г. // Церковный вестник Ростовской епархии. 1999. № 2. С. 4.

21. Выступление архиепископа Донского и Новочеркасского Пантелеимона на совещании, посвященном созданию на Донской земле Епархиального духовного просветительского центра // Церковный вестник Ростовской епархии. 2002. № 10. С. 1.

References

1. Decree of the Council of People's Commissars "On the separation of Church from State and school from Church", January 20, 1918 (Article 263). *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva = Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' government*. 1918;(18):272-273. (In Russ.).

2. Zubanova S.G. *The Orthodox Church of Russia in the 19th century: social-spiritual and cultural aspects*. Moscow: Soyuz Publ.; 1995. 162 p. (In Russ.).

3. Zubanova S.G. *Social service of the Russian Orthodox Church in the 19th century*. Moscow, MGSU Press; 2001. 352 p. (In Russ.).

4. Fedorova N.V. Organization of Sunday readings and schools in the Don and Novochechassk Dioceses (1860-1870s). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Manuscript*. 2013;(10-1):183-187. (In Russ.).

5. Report of Bishop Mercury of Zaisk, Chairman of the Synodal Department of Religious Education and Catechesis of the Russian Orthodox Church, at the opening of the XVIII International Christmas Readings (State Kremlin Palace, January 25, 2010). *Faith and Time*. Available from: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=599> [Accessed 15th January 2022]. (In Russ.).

6. Dudukalov E.V., Laptander A.B. Education and science: how to continue modernization in a recession? *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and management*. 2015;(1):7-13. (In Russ.).

7. Fedotov A.A. *The Russian Orthodox Church in 1943 2000: Inner-church life, relations with the state and society (based on the materials of Central Russia)*. Ivanovo: IvGU Press; 2005. 136 p. (In Russ.).

8. Chernikova S.I. To find yourself and be reborn. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 1992;(8):7. (In Russ.).

9. Yatsenko Zh. Our school. *Donskoi pravoslavnyi vestnik = The Don Orthodox Bulletin*. 2005;(12):3. (In Russ.).

10. By the third academic year. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 1999;(7):4. (In Russ.).

11. Report of Archbishop Oleg Dobrinsky. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2000;(1): 8. (In Russ.).

12. Programs of the Law of God for teachers of parochial Sunday schools of the Rostov Diocese. Comp. N. Rejabek, ed. by S. A. Demidov, S. V. Ter-Arakelyants. *Collection of educational programs on the Law of God for parochial Sunday schools*. Comp. V.L. Shlenov, L.G. Petrushina. Moscow: Moscow Patriarchate Press; Department of Religious Education and Catechization; 1999:7-61. (In Russ.). Despite the title, this section of the collection also contains the programs of the courses "Sacred History", "Fundamentals of Christian Morality", "Fundamentals of Christian Doctrine", as well as summaries of classes.

13. Report of the Archbishop of Rostov and Novochechassk at the diocesan meeting. December 23, 1999. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2000;(1):3-5. (In Russ.).

14. Shadrina A.V. *The history of the Don Theological Seminary*. Ed. by L.V. Mininkova. Rostov-on-Don: SSC RAS Press; 2019. 480 p. (In Russ.).

15. Note about the Don Orthodox Center "Sofia". *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 1999;(6):1. (In Russ.).

16. Orthodox center "Blagovest". *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2002;(3):3. (In Russ.).
17. Methodical seminar in the Department of Education: From the speech of Priest Viktor Babenkov. On the requirements imposed by the Hierarchy of the Russian Orthodox Church to Sunday schools, and to the thematization of the disciplines taught in Sunday schools. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2003;(4):7. (In Russ.).
18. Annual Diocesan meeting of the clergy of the Rostov Diocese. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2003;(12):5. (In Russ.).
19. Dudukalov E.V., Fedorova N.V. The activity of the Russian Orthodox Church to restore the system of spiritual and moral education and interaction with intellectual and political-administrative elites at the regional level (1990-2000-ies). *Strategies for the development of society and social work*. Materials of reports and reports in the form of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2020:210-217. (In Russ.).
20. Report of Archbishop Panteleimon of Rostov and Novocherkassk. March 18, 1999. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 1999;(2):4. (In Russ.).
21. Speech by Archbishop Panteleimon of Don and Novocherkassk at a meeting dedicated to the creation of a Diocesan Spiritual Educational Center on the Don land. *Tserkovnyi vestnik Rostovskoi eparkhii = Church Bulletin of the Rostov Diocese*. 2002;(10):1. (In Russ.).

Информация об авторах

*Н.В. Федорова – кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков.
А.А. Мехушкин – кандидат философских наук, доцент кафедры православной культуры и теологии.
А.М. Пронина – магистрант кафедры православной культуры и теологии.
Д.И. Пыхтин – магистрант кафедры православной культуры и теологии.*

Information about the authors

*N.V. Fedorova – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Linguistics and Foreign Languages Department.
A.A. Mekushkin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Orthodox Culture and Theology Department.
A.M. Pronina – Master's Student of the Orthodox Culture and Theology Department.
D.I. Pykhtin – Master's Student of the Orthodox Culture and Theology Department.*

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-76-84

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Мария Александровна Царина^{1,2}

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялте, Ялта, Республика Крым, Россия

² Ялтинский историко-литературный музей, Ялта, Республика Крым, Россия
mari.tsarina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «мемориальная память» в исторической ретроспективе современной отечественной историографии. Анализируются главные подходы в определении следующих терминов: «мемориальная память», «место памяти», «историческая память», «социальная память», «коллективная память», «культурная память». Представлен обзор основных направлений отечественной историографии в русле новейших исследований, посвященных проблематике изучения такого явления, как «мемориальная память».

Цель работы – на основе изученных материалов дать наиболее полное и четко выраженное определение такого явления и понятия, как «мемориальная память».

Задачи: рассмотреть основные научные работы, посвященные данной проблематике, провести анализ совокупности исследований в области изучения отечественной мемориальной памяти. Раскрыть сущность понятия «мемориальная память» в российской историографии.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались следующие методы исследования: сравнение, анализ, синтез, обобщение, аналогия.

Результаты. Разработка проблемы способствует более глубокому изучению такого явления, как «мемориальная память». Данная работа раскрывает сущность и основные направления в изучении мемориальной памяти в российской историографии и даёт одно из определений этого явления в современной системе гуманитарного знания.

Вывод. Сам конструкт «мемориальная память» в действительности практически не встречается в академических трудах. Данное понятие ближе всего соответствует понятию «историческая память», которое наиболее точно отражает общие коллективные представления, где главным смыслообразующим конструктом является «память». Понятие памяти здесь играет ключевую роль.

Ключевые слова: мемориальная память, историческая память, место памяти, социальная память, культурная память, национальная память

Для цитирования: Царина М.А. Изучение исторической памяти в современной системе гуманитарного знания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 76–84.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE STUDY OF HISTORICAL MEMORY IN THE MODERN SYSTEM OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Maria A. Tsarina^{1,2}

¹ Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Yalta, Republic of Crimea, Russia

² Yalta Historic and Literature Museum, Yalta, Republic of Crimea, Russia
mari.tsarina@mail.ru

Abstract. Relevance. This article discusses topical issues regarding the definition of such a concept as “memory studies”. This phenomenon is considered in a historical retrospective of modern Russian historiography. The main approaches to the definition of the following terms are analyzed: “memory studies”, “place of memory”, “historical memory”, “social memory”, “collective memory”, “cultural memory”. This paper provides an overview of the main directions of Russian historiography in line with the latest research devoted to the study of such a phenomenon as “memory studies”.

The purpose on the basis of the materials studied, to determine the most complete and clearly expressed definition of such a phenomenon and concept as “memory studies”.

Objectives. to consider the main scientific works devoted to this issue, to analyze the totality of research in the field of studying Russian memory studies. To reveal the essence of the concept: “memory studies” in Russian historiography.

Methodology. In the process of working on the study, the following research methods were used: comparison, analysis, synthesis, generalization, analogy.

Results. The development of this problem contributes to a deeper study of such a phenomenon as “memory studies”. This work reveals the essence and main directions in the study of memory studies in Russian historiography and gives one of the definitions of this phenomenon in the modern system of humanitarian knowledge.

Conclusion. The construct “memory studies” itself is practically not found in academic works. This concept is closest to the concept: “historical memory” which most accurately reflects the general collective ideas, where the main meaning-forming construct is “memory”. The concept of memory plays a key role here.

Keywords: memory studies, historical memory, place of memory, social memory, cultural memory, national memory

For citation: Tsarina M.A. The Study of Historical Memory in the Modern System of Humanitarian Knowledge. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):76-84. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Проблема изучения такого явления, как «мемориальная память», стоит на стыке наук и имеет междисциплинарный характер. Термин был введен М. Хальбваксом в труде «Социальные рамки памяти». Он обозначал «мемориальную память» как одно из проявлений памяти (коллективной и индивидуальной), имеющей ряд специфических характеристик и свойств. В сущности этот термин – определенная тавтология, так как *memoire* и есть память, воспоминание, запоминание, фиксация. Таким образом, в основе этого термина лежит понятие «памяти». «Память» есть ядро и сущность этого явления, что тесно связывает его с мнемоникой (системой запоминания). Данное понятие включает в себя и ряд других дефиниций: историческую, культурную, социальную, национальную, коллективную, индивидуальную память и т.д. Из вышесказанного следует, что мемориальная память – это зафиксированный и четко окрашенный образ в коллективном сознании людей, имеющий ряд характерных, специфических свойств. Этот «образ» и картина мира могут иметь не только коллективное представление, но и индивидуальное, однако в его основе обязательно лежит некое общее единое направление, имеющее ярко выраженные черты. Так, например, интерпретация многих исторических событий может быть многогранной и каждая социальная группа, общность, этнос, народ могут иметь своё личное (индивидуальное) и коллективное преломлённое представление о тех или иных событиях прошлого.

Методология

В качестве источников выступили научные работы, посвященные данной проблематике, и прочие совокупности исследований в области изучения отечественной мемориальной памяти. Методологическим основанием данной работы явились принципы объективности, историзма, системности, которые помогли нам определить основные направления отечественной историографии в изучении такого явления, как «мемориальная память». Сравнительно-исторический и системный методы позволили установить наиболее подходящее определение термину «мемориальная память». В свою очередь, анализ, синтез, обобщение и аналогия ведущих научных

работ по изучаемой теме способствовали более глубокому пониманию сущности данной проблематики.

Результаты и их обсуждение

Изучением «памяти» занимались многие учёные и исследователи. Непосредственное влияние на становление и развитие мемориальной (исторической) памяти (historical memory studies) оказали французская социологическая школа и третье поколение школы «Анналов». Ведущими зарубежными учеными, изучающими «феномен памяти», являются М. Хальбвакс, Ф. Йейтс, А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, А. Мегилли, П. Хаттон, Жак Ле Гофф, Д. Лоуэнталь, Г. Люббе, Й. Рюзен, П. Рикёр, П. Бергер, Б. Гене и др.

В современной исторической науке всё чаще говорят о «мемориальном уклоне» в научной среде и таком явлении, как «memory studies». На сегодняшний день это одна из актуальных проблем методологии истории в контексте междисциплинарных связей. Некоторые исследователи видят «мемориальный уклон» в исторической науке [1, с. 135].

Изучением мемориальной памяти в России занимаются многие ученые. Эта область научных исследований носит междисциплинарный характер, что обуславливает привлечение специалистов из разных сфер деятельности. Это – историки, философы, психологи, культурологи, социологи, этнологи и другие специалисты гуманитарных дисциплин [2].

В целом отношение многих отечественных исследователей к термину «мемориальная память» крайне разнообразно и противоречиво, а само определение часто трактуется очень неясно и туманно. Так, например, понятия: «мемориальная память», «историческая память», «место памяти», являются взаимозаменяемыми и нередко используются для обозначения одного и того же.

Другие высказывают мнение, что термин «мемориальная память» имеет более многостороннюю и не совсем однозначную трактовку, но точного определения понятия пока нет. До сих пор ученые не пришли к единому мнению. Поэтому необходим ретроспективный анализ «мемориальной памяти» в отечественной историографии. Для этого нам следует рассмотреть и проанализировать ведущие исследования в данной области для обозначения их роли в российской историографии.

Мемориальная память в работах И.М. Савельевой рассматривается не просто как актуальная современная концепция, а как некий «образный конструкт», во многом не соответствующий нынешним критериям научности. В своей основе он имеет определяющее слово «память» и непосредственно дополняющие его смысловые слова (категории): коллективная, социальная, историческая, мемориальная, культурная, национальная, этническая память, место памяти и др. Применение этого образного конструкта требует более детальных уточнений и чётко зафиксированных критериев [3, с. 246–255].

О.Б. Леонтьева выводит главную тенденция в развитии современных гуманитарных дисциплин. По её мнению, сегодня в исторической методологии происходит переход от изучения истории обществ к изучению смыслов, и памяти в том числе. Таким образом, изучаются не просто исторические факты, а их интерпретация в коллективном сознании общества (социума) и иных этнических групп. Огромное значение в трактовке и интерпретации тех или иных событий прошлого приобретает коллективная (историческая) память. Она становится объектом пристального изучения современных исследователей.

Также О.Б. Леонтьева приводит положительные функции «исторической памяти»: информативная, идентификационная, познавательная и аксиологическая. Они дают обществу ощущение общего прошлого и формируют прочную коллективную идентичность [4].

Автор анализирует образы исторической реальности. Притягательность изучения «исторической памяти» обусловлена наличием в коллективном сознании определенных устойчивых «образов». Осмысление образов исторической реальности ведет к пониманию широкомасштабных социокультурных перемен, в том числе и тех, в которые включены мы сами [5].

Л.П. Репина же в своих исследованиях рассматривает проблему «памяти» в междисциплинарном аспекте. Анализирует различные трактовки феномена исторической памяти в области философии, культурологии, психологии и филологии. По ее мнению, неприемлемо отождествлять и ставить знак равенства между такими понятиями, как «история» и «память», но и не сто-

ит абсолютизировать их различия. Автор предлагает делать комплексный анализ при решении вопросов, касающихся «образов прошлого», и полученный результат соотносить с уже ранее выявленными результатами. Следует учитывать важную деталь для более полного понимания различий между двумя понятиями, о которых шла речь выше. Так, если история требует доказательств, то память больше всего оперирует эмоциями и чувствами [6]. Л. П. Репина рассматривает «историческую (мемориальную) память» через призму дихотомии индивидуального и коллективного. Именно историческая концептуализация памяти ориентирована на преодоление противопоставлений индивидуального и социального [7].

В работах Т. И. Снегирёвой «историческая память» несёт в себе аксиологические характеристики. Однако она не только выступает в роли защитника общественной памяти, но и имеет практическое значение. Так, на основе изучения памятников истории происходит новое осмысление и модернизирование многих объектов культуры. Историческая память призвана охранять историко-культурное наследие государства, она помогает народу, нации и иным этническим группам сохранить свои традиции и идентичность, демонстрирует уникальное и особенное место России в общем цивилизационном прогрессе. «Историческая память» является определенным наднациональным и объединяющим элементом в сознании людей в идеологическом аспекте, где те или иные события прошлого трактуются в едином ключе [8].

Т.И. Снегирева также рассматривает и региональные аспекты в исторической памяти России. В её работах обращение к исторической памяти как наиболее активной вертикали общественного сознания происходит довольно часто. Историческая память является одним из аспектов общественного сознания и, несомненно, на локально-исторических уровнях культурный регионализм выступает не только как форма сохранения духовной жизни народа, но и как философское осознание его возрождения и движения. Здесь стоит отметить, что ни в коей мере нельзя игнорировать историческую память народа, поскольку в памяти находится уникальный этнокультурный и этноконфессиональный опыт развития России, и не учитывать этот фактор опасно, так как это может привести к очередным трагедиям. Ко всему вышесказанному следует добавить, что историческая память во многом объединяющая ценностная вертикаль и представляет собой источник нравственных и моральных основ общества [9].

Н.А. Гулевская, А.Н. Гулевский и Д.В. Чайченко рассматривают историческую память как фактор формирования идентичности индивида. По их мнению, историческая память детерминирует содержание, механизмы, формы идентичности человека, в том числе культурно-правовую идентичность, играет важнейшую роль в процессе самоидентификации личности, благодаря чему индивид сохраняет свою культурно-правовую идентичность [10].

В работах П. Н. Светлова и В. А. Федотова историческая память тесно связана с народными традициями, которые становятся ее определенными формами. Традиции демонстрируют образ мысли того или иного народа или этнической группы, его мировоззрение, быт и смыслы, которыми он оперирует. У традиций, таким образом, есть особая функция – сохранение системы связей настоящего с прошлым и непосредственная передача социального опыта новому поколению [11].

Н. А. Синицина также относит традиции к формам исторической памяти. Она видит связь между идеологией и памятью. Так, в контекст исторической памяти входят некоторые идеологические аспекты, которые могут приводить к нежелательным манипуляциям историческим сознанием общества. Дабы избежать этого, следует наиболее точно применять термин исторической памяти в современном дискурсе [12].

Р. А. Батомункуева связывает с исторической памятью процессы социальной самоорганизации, где память играет не последнюю роль в формировании социальных страт. Автор призывает к объективизации исторической памяти и ликвидации элементов субъективных идеологий для более глубокого понимания роли памяти в организации общества. По мнению исследователя, объективность и не ангажированность исторической памяти – необходимые условия для основательного изучения прошлого всего общества [13].

В. А. Климов же историческую память позиционирует как фактор социализации индивида, где социализация – это усвоение личностью социальных норм и правил, а также культурных ценностей общества. В этом случае историческая память играет роль причины и движущей си-

лы процесса социализации. Таким образом, значение исторической памяти в жизни населения существенно возрастает [14].

Культурное наследие как фактор исторической памяти рассматривается в работе и Л.В. Кошман. Большое внимание уделено проблеме сохранения культурного наследия в историческом аспекте [15].

Сравнительный анализ содержания концептов «историческая память» и «культурная память» проводит Т.Э. Рагозина. Историческая память рассматривается как политически ангажированное (идеологическое) отражение социальной действительности, а культурная – выступает в роли объективного механизма воспроизводства социокультурного целого [16].

Е. А. Бегунова также проводит сравнительный анализ терминов «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике [17].

Следует отметить, что термины «историческая память» и «культурная память» во многих современных отечественных работах являются тождественными и практически заменяют друг друга. По мнению автора, это связано с тем, что российские исследователи сравнительно недавно занялись изучением проблем памяти в контексте гуманитарных дисциплин. В зарубежной историографии изучением памяти занимались, начиная с М. Хальбвакса, многие ученые и разнообразные научные сообщества, французская социологическая школа и школа анналов. Под их влиянием разрабатывался и сложился весь терминологический аппарат, и в дальнейшем были сформированы целые научные школы по изучению «коллективной памяти». В представлениях зарубежных исследователей «историческая память» и «культурная память» тесно взаимосвязаны. Стоит подчеркнуть, что культурная память в отличие от исторической является не просто общим коллективным воспоминанием общества, а скорее смыслообразующим конструктом отдельной нации, этноса. Культурная память обладает сложной мифологической, иррационально-эмоциональной и символической составляющей. Историческая память создается и формируется исследовательскими профессиональными сообществами и существует прежде всего в институциональных формах [17].

В исследовании В. Н. Шевелева историческая память играет роль ресурса российской модернизации. Автор рассматривает их взаимосвязь. Так, если историческая память способна выступать ресурсом мобилизации, то будет ли она выступать ресурсом или препятствием модернизации, зависит от государственной политики [18].

А.В. Кострина сопоставляет и сравнивает «историческую память» и «политику исторической памяти». Ею рассматриваются процессы трансформации исторической памяти, сопряженные с политической конъюнктурой. Историческая память формируется не только политикой государства, но и коллективными представлениями общества [19]. По мнению В.В. Фёдорова, «гарантия существования государства – это сохранение исторической памяти» [20].

В работе В. М. Грусмана рассматриваются институциональные аспекты формирования исторической памяти общества. Автор подвергает анализу структурные составляющие исторической памяти. По его мнению, историческая память включает в себя социокультурный опыт, который обеспечивает функционирование общества как целостной, автономной социальной системы. Историческая память позволяет социальным группам осознать собственное место в истории человечества и по достоинству оценить значимость своей культуры [21].

Стоит отметить и работу В. А. Соснина, где автор раскрывает влияние и роль средств массовой информации и системы образования в смыслообразующей функции исторической памяти в современной России. Историческая память помогает сформировать у молодежи целостное историческое сознание, которое, в свою очередь, является важнейшим условием самоидентификации личности и интеграции её в общественную жизнь [22].

Т.И. Скоробогатова находит точки соприкосновения между «исторической памятью» и фразеологией. По ее мнению, при определении фразеологических единиц как единиц исторической памяти «память» следует понимать как совокупность «образов» [23].

В контексте исторической памяти отдельные материалы посвящены изучению Второй мировой войны [24, 25].

И. Е. Козновой рассматривается историческая память и основные современные тенденции и направления в её изучении. Так, в понимании автора «историческая память» используется при

описании специфики массового сознания. Коллективная историческая память, в свою очередь, является результатом некоторого компромисса между обществом и властью [26].

По мнению А. Н. Нестеренко, историческая память – это один из модусов культурной памяти, чья функция состоит в создании идеального образа прошлого [27].

Проблемы трансформации исторической памяти в современной России проанализированы В. В. Лыковой. Автор концептуализирует различия между понятиями «историческая память» и «социальная память». Велика опасность темпорального растворения личности и потери идентичности при отсутствии понимания особенностей и механизма работы такого концептуального явления, как «историческая память». По мнению В. В. Лыковой, историческая память тесно связана с идеологизацией, рационализацией и политизацией исторических процессов. Таким образом, во многом именно коллективные представления определяют исторический выбор и в период изменений и трансформации общества [28].

Следует отметить материал П.Г. Рогозного, посвященный работе международного коллоквиума «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX в.)», состоявшегося 25–28 июня 2007 г. в г. Санкт-Петербурге. На секциях рассматривались актуальные вопросы, непосредственно связанные с понятием «коллективной памяти», обсуждались проблемы вокруг концепции исторической памяти. Отечественные и зарубежные исследователи активно анализировали и разбирали соотношение таких понятий, как «коллективная память», «социальная память», «историческая память», «культурная память». По мнению некоторых докладчиков, историческая память в одном случае может выступать в роли значимого ресурса политической мобилизации, а в другом – может служить основой легитимации политической идентичности. В докладах наблюдается неоспоримая связь коллективной (исторической) памяти с процессами формирования национальной, этнической и конфессиональной идентичностей [29].

Завершить историографический обзор концепции «исторической памяти» следует работой Т. Г. Шумкиной. В ней автор акцентирует внимание на отсутствии единого определения таких понятий, как «историческая память», «культурная память», «социальная память». При этом исследователи по-разному трактуют их соотношение между собой и с понятием «историческая память» [30].

Выводы

Проанализировав основные работы отечественных исследователей в области изучения проблемы мемориальной «памяти», мы пришли к выводу, что термин «мемориальная память» практически не встречается в научных (академических) исследованиях ведущих отечественных специалистов. Нет и единого мнения, касательно его точного определения.

В научной среде встречаются эквивалентные понятия: историческая память, коллективная память, социальная память, национальная память, этническая память, память человечества, память мира. Само понятие «мемориальная память» ближе всего соответствует определению «историческая память», которое наиболее точно отражает общие коллективные представления, где главным смыслообразующим конструктом является «память». Понятие памяти здесь играет ключевую роль.

В понимании одних учёных, мемориальная (историческая) память – определенный конструкт коллективной памяти, навязанный образ, не имеющий достаточных объективных оснований для его использования в научной среде. Однако, с другой стороны, отрицать такое явление, как «мемориальная (историческая) память», невозможно. Мемориальная (историческая) память выступает как продукт коллективного сознания и во многом помогает людям или определенной социальной группе сохранить свои общие представления (идентичность), которые, в свою очередь, отражаются на материальном уровне в виде культуры и традиций, а на ментальном – в виде устойчивых коллективных архетипов.

Таким образом, наиболее убедительно применять термин «коллективная память». В нашем понимании – это общие коллективные представления, имеющие чётко выраженное отношение и направленность в построении определенного «образного конструкта», который обеспечивает устойчивые представления, основанные на общих воспоминаниях людей и образах прошлого.

Список источников

1. *Леонтьева О. Б.* Многоликость исторической памяти (рецензия на сборник научных статей «Историческая память и диалог культур») // Вестн. Самарского муниципального ин-та управления. 2013. № 2 (25). С. 134–141.
2. *Ахметшина А. В.* Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : материалы XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2014. № 6 (38). С. 11–15.
3. *Савельева И. М.* Концепция «исторической памяти»: истоки и итоги // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). 2007. С. 246–255.
4. *Леонтьева О. Б.* Мемориальный поворот в исторической науке и вузовском преподавании // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2016. С. 309–315.
5. *Леонтьева О. Б.* Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 4–19.
6. *Ретина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
7. *Ретина Л. П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 191–201.
8. *Снегирева Т. И.* Сохраним памятники – сохраним историческую память // Россия и современный мир. 2000. № 1 (26). С. 48–54.
9. *Снегирева Т. И.* Историческая память России: региональный аспект // Россия и современный мир. 2002. № 3 (36). С. 138–145.
10. *Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., Чайченко Д. В.* Историческая память как фактор формирования идентичности // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 137–145.
11. *Светлов П. Н., Федотов В. А.* Традиции как форма исторической памяти // Вестн. Чувашского ун-та. 2007. № 1. С. 77–82.
12. *Синирина Н. А.* Историческая память как социальный регулятив // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2007. № 53. С. 191–196.
13. *Батомункуева Р. А.* Роль исторической памяти в процессах социальной самоорганизации // Россия и современный мир. 2004. № 1 (42). С. 134–140.
14. *Климов В. А.* Историческая память как фактор социализации (генеалогический аспект) // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2007. Т. 7, № 1. С. 8–13.
15. *Кошман Л. В.* Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестн. Московского ун-та. Серия 8 : История. 2011. № 5. С. 7–15.
16. *Рагозина Т. Э.* Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15). С. 12–21.
17. *Бегунова Е. А.* Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестн. Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2019. № 48. С. 50–55.
18. *Шевелев В. Н.* Историческая память как ресурс российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 47–52.
19. *Кострина А. В.* Историческая память и политика исторической памяти: к вопросу о соотношении понятий // 100-летие великой русской революции : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 113–115.
20. *Фёдоров В. В.* Гарантия существования государства – сохранение исторической памяти // Государственная служба. 2009. № 2 (58). С. 92–97.
21. *Грусман В. М.* Музей как институт формирования исторической памяти // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 92–99.
22. *Соснин В. А.* Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журн. 2009. Т. 30, № 4. С. 102–105.
23. *Скоробогатова Т. И.* Историческая память и фразеология: точки соприкосновения // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2008. № 2. С. 141–144.

24. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Вторая мировая война в исторической памяти России и запада // Уральский исторический вестн. 2009. № 3 (24). С. 27–35.
25. Шендрикова С. П. Николай Андреевич Барышев – руководитель подпольной группы «Сокол» в годы фашистской оккупации в Крыму // Білі шляхи» в історії України: до 65-річчя перемоги над фашизмом : матеріали Всеукраїнської наук. конф. студентів та молодих вчених (12 травня 2010 р.). Луганськ, 2010. С. 52–54.
26. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.
27. Нестеренко А. Н. Историческая память и современность // Вестн. Российской академии наук. 2012. Т. 82, № 3. С. 284–288.
28. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2007. № 1–2 (3–4). С. 176–182.
29. Rogoznyy P. G. Международный коллоквиум «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX в.)» // Отечественная история. 2008. № 2. С. 211–212.
30. Шумкина Т. Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (по материалам сборника научных трудов «История и историческая память») // Вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 282–293.

References

1. Leontieva O. B. The diversity of historical memory (review of the collection of scientific articles “Historical memory and dialogue of cultures”). *Vestn. Samarskogo munitsipal'nogo in-ta upravleniya = Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2013;(2):134-141. (In Russ.).
2. Akhmetshina A. V. The concept of “historical memory” and its significance in modern Russian society. *Actual problems of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. Collection of articles. Proceedings of XXXVIII int. scientific-practical conference. Novosibirsk: SibAK Publ.; 2014;(6):11-15. (In Russ.).
3. Savelyeva I. M. The concept of “historical memory”: sources and results. *Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late 19th - early 20th century)*. 2007:246-255. (In Russ.).
4. Leontieva O. B. Memorial turn in historical science and university teaching. *History teacher in the sociocultural space of Eurasia at the end of the 20th - beginning of the 21st century*. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. 2016:309-315. (In Russ.).
5. Leontieva O. B. Images of historical reality in modern Russian historiography. *Istoricheskaya ekspertiza = Historical Expertise*. 2015;(2):4-19. (In Russ.).
6. Repina L. P. Events and images of the past in historical and cultural memory. *Novoye proshloye / The New Past*. 2016;(1):82-99. (In Russ.).
7. Repina L. P. The phenomenon of memory in modern humanitarian knowledge. *Uchenye zapiski Kazan University. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2011;153(3):191-201. (In Russ.).
8. Snegireva T. I. Preserve monuments - preserve historical memory. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*. 2000;(1):48-54. (In Russ.).
9. Snegireva T. I. The historical memory of Russia: regional aspect. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*. 2002;(3):138-145. (In Russ.).
10. Gulevskaya N. A., Gulevsky A. N., Chaychenko D. V. Historical memory as a factor in the formation of identity. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2019;(2):137-145. (In Russ.).
11. Svetlov P. N., Fedotov V. A. Traditions as a form of historical memory. *Vestn. Chuvashskogo un-ta = Bulletin of the Chuvash University*. 2007;(1):77-82. (In Russ.).
12. Sinitsina N. A. Historical memory as a social regulatory. *Vestn. Stavropol'skogo gos. un-ta = Bulletin of the Stavropol State University*. 2007;(53):191-196. (In Russ.).
13. Batomunkueva R. A. The role of historical memory in the processes of social self-organization. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*. 2004;(1):134-140. (In Russ.).
14. Klimov V. A. Historical memory as a factor of socialization (genealogical aspect). *Izv. Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2007;7(1):8-13. (In Russ.).

15. Koshman L. V. Cultural heritage as a factor in historical memory. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 8: Istoriya = Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2011;(5):7-15. (In Russ.).
16. Ragozina T. E. Cultural memory versus historical memory. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Art. Culture*. 2017;(3):12-21. (In Russ.).
17. Begunova E. A. Some aspects of the comparative analysis of the concepts of "cultural memory" and "historical memory" in foreign and domestic humanitarian studies. *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2019;(48):50-55. (In Russ.).
18. Shevelev V. N. Historical memory as a resource of Russian modernization. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian Knowledge*. 2011;(7):47-52. (In Russ.).
19. Kostrina A. V. Historical memory and the politics of historical memory: on the question of the correlation of concepts. *100th anniversary of the great Russian revolution. Collection of proceedings from all-Russian scientific and practical conferences*. 2018:113-115. (In Russ.).
20. Fedorov V. V. *Guarantee of the existence of the state - preservation of historical memory. Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*. 2009;(2):92-97. (In Russ.).
21. Grusman V. M. Museum as an Institute for the Formation of Historical Memory. *Izv. Rossiiskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;8(35):92-99. (In Russ.).
22. Sosnin V. A. The role of the media and the educational system in the upbringing of historical memory in modern Russia. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2009;30(4):102-105. (In Russ.).
23. Skorobogatova T. I. Historical memory and phraseology: points of contact. *Vestn. Pyatigorskogo gos. lingvisticheskogo un-ta = Pyatigorsk State University Bulletin*. 2008;(2):141-144. (In Russ.).
24. Senyavsky A. S., Senyavskaya E. S. World War II in the historical memory of Russia and the West. *Ural'skii istoricheskii vestn. = Ural Historical Journal*. 2009;(3):27-35. (In Russ.).
25. Shendrikova S. P. Nikolay Andreevich Baryshev - head of the Sokol underground group during the years of fascist occupation in Crimea. *White in Ukraine: before the 65th breakthrough over fascism*. Proceedings of the All-Ukrainian Scientific Conference of Students and Young Students (May 12, 2010). Lugansk, 2010:52-54. (In Russ.).
26. Koznova I. E. Historical memory and the main trends of its study. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2003;(2):23-34. (In Russ.).
27. Nesterenko A. N. Historical memory and modernity. *Vestn. Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2012;82(3):284-288. (In Russ.).
28. Lykova V. V. Historical memory in modern Russia: problems of transformation. *Uchenye zapiski = Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University*. 2007;(1-2):176-182. (In Russ.).
29. Rogozny P. G. International colloquium "Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late 19th - early 20th century)". *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2008;(2):211-212. (In Russ.).
30. Shumkina T. G. The problem of historical memory in modern Russian historiography (based on materials from the collection of scientific works "History and historical memory"). *Voprosy vseobshchei istorii = Issues of World History*. 2014;(16):282-293. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Царина – магистр истории, младший научный сотрудник отдела истории, Ялтинский историко-литературный музей; аспирант кафедры истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия.

Information about the author

M. A. Tsarina – Master of History, Junior Researcher of the Department of History, Yalta Historic and Literature Museum; Post-Graduate Student of the Department of History and Philosophy, Humanities and Education Science Academy.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 22.06.2022.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCES

Научная статья
УДК 336.1+338
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-85-94

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ МИКРОДАНЫХ

Магомед Зияутдинович Музаев
Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика
М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия, maga_muzaev@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа динамики уровня пенсионного обеспечения в России. Исходные данные являются информацией Росстата и проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» за 2002, 2008, 2014 и 2020 гг. Исследована динамика размера пенсий, величины соотношения пенсии и прожиточного минимума пенсионера. Подробно рассмотрены социально-экономические характеристики работающих и неработающих пенсионеров и их семей. Определено, что выход на пенсию резко снижает уровень благосостояния пожилого человека. Наличие работы у пенсионера дает возможность домохозяйствам поддерживать относительно высокий уровень среднедушевого дохода. Большая часть работающих пенсионеров трудится на предприятиях государственной формы собственности, проживает в областных центрах и городах и имеет высокий уровень образования.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионное обеспечение, занятость пенсионеров, пенсии
Для цитирования: Музаев М.З. Динамика показателей пенсионного обеспечения: анализ российских микроданных // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 85–94.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DYNAMICS OF PENSION INDICATORS: ANALYSIS OF RUSSIAN MICRO DATA

Magomed Z. Muzayev
Grozny State Oil Technical University, Grozny, Chechen Republic, Russia,
maga_muzaev@mail.ru

Abstract. The article represents the statistical analysis of the pension provision indicators dynamics. The research is based on The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) data for 2002, 2008, 2014 and 2020. The dynamics of pensions, ratio of the pensions to the pensioner's subsistence minimum has been analyzed. The research revealed that the retirement drastically reduces the older person's well-being. The pensioner's employment enables households to maintain a relatively high level of average per capita income. Most of the employed pensioners work in state-owned enterprises, live in regional centers and cities, and have a high level of education.

Keywords: pension reform, pension provision, employment of pensioners, pensions
For citation: Muzayev M.Z. Dynamics of Pension Indicators: Analysis of Russian Micro Data. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):85-94. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение. За прошедшее десятилетие произошло достаточное количество изменений в экономической системе Российской Федерации, в том числе в пенсионном обеспечении и на рынке труда. При этом уровень пенсионного обеспечения пожилого населения неизменно остается одним из наиболее социально значимых индикаторов, тогда как проблемы его повышения являются неизменно сложными. В таких условиях актуально изучение динамики уровня пенсионного обеспечения именно на микроуровне, с точки зрения благосостояния отдельных пенсионеров.

Обзор литературы. Ключевые направления реформирования пенсионной системы России широко освещены в исследованиях В.Д. Ронк [1, 2], Е.А. Мамий и А.В. Новикова [3]. В публикациях Т.М. Малевой, О.В. Синявской [4, 5] представлен подробный анализ изменений в российском пенсионном законодательстве, выделены обусловившие эти изменения факторы.

Мотивы продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию достаточно подробно освещены в работах зарубежных [6–8] и отечественных авторов [9–13]. В исследовании Л.И. Ниворожкиной, Б. Густафссона и Х. Ван [14] впервые на микроуровне представлен развернутый сравнительный анализ детерминант продолжения работы после наступления пенсионного возраста в городах Китая и в городах России.

Информационная база исследования. Исходными данными исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2002, 2008, 2014 и 2020 гг. (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН) [15], содержащие информацию о широком спектре социально-экономических показателей, характеризующих пенсионеров и их домохозяйства. Информационные массивы были сформированы на основе данных RLMS-HSE, представляющих собой «репрезентативную выборку», в которых домохозяйства и индивиды, проживающие по выборочным адресам, репрезентируют население России.

Объектом исследования выступили индивиды, получающие пенсию на момент проведения опроса. Сформированные массивы содержат информацию социально-демографического характера, информацию о доходах, полученную в результате объединения соответствующих данных индивидов и домохозяйств. Объем сформированных наборов данных варьировал от 2714 человек в 2002 г. до 4263 чел. – в 2020 г. Доля пенсионеров в первоначальной выборке составляла около 30–35 %, что соответствует официальным оценкам Росстата [16]. К работающим были отнесены те пенсионеры, которые выбрали вариант «работает» как свое основное занятие в настоящее время.

Основные показатели пенсионного обеспечения. В течение всего наблюдаемого периода средний размер пенсии в номинальном выражении увеличивался, так же как и средний размер заработной платы работающих пенсионеров (табл. 1). Аналогичные темпы роста демонстрировали медианные значения данных характеристик.

Следует отметить, что размер пенсии превышал прожиточный минимум пенсионера, причем наибольшее превышение наблюдалось в 2014 и 2020 гг. (выше на 76–77 %). При этом в 2014 и 2020 гг. размер пенсии также стал превышать и прожиточный минимум трудоспособного населения (на 34–35 %). При сравнении пенсии и заработной платы работающих пенсионеров видно, что разрыв становился больше: если в 2002 г. пенсия была ниже на 65 %, то в 2014 и 2020 гг. – уже на 72–73 %. То есть выход на пенсию в случае прекращения пенсионером трудовой деятельности резко ухудшает привычный уровень жизни, позволяет заместить привычный уровень дохода работающего не более, чем на треть. Продолжение трудовой деятельности, таким образом, стало одним из основных, а где-то единственным, способом поддержания привычного уровня дохода после выхода на пенсию.

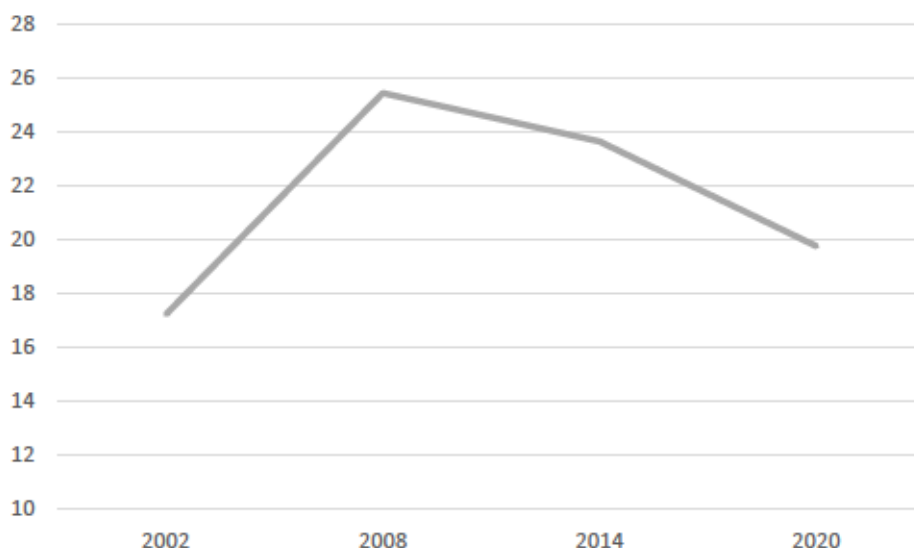
Таблица 1 / Table 1

Характеристики пенсионного обеспечения пенсионеров, 2002–2020 гг.
/ Pension provision characteristics, 2002-2020

Показатель	2002	2008	2014	2020
Средний размер пенсии, р.	1568,79	4895,95	12069,56	16466,89
Медианный размер пенсии, р.	1550,00	4600,00	11600,00	15500,00
Средняя зарплата работающего пенсионера, р.	7392,03	25848,8	50791,32	63680,97
Медианная зарплата работающего пенсионера, р.	5852,90	20537,50	40400,02	54980,00
Соотношение пенсии и зарплаты работающих пенсионеров, %	34,96	25,15	28,94	27,03
Соотношение пенсии и прожиточного минимума пенсионера, %	109,55	131,89	177,89	176,15
Соотношение пенсии и прожиточного минимума трудоспособного населения, %	75,97	96,26	135,84	134,17
Соотношение пенсии пенсионера и душевого дохода семьи, %	97,97	78,18	87,31	86,17

Источники: Расчеты по данным RLMS-HSE. Прожиточный минимум в целом по Российской Федерации (4-й квартал года), рублей / Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957>

Доля работающих пенсионеров, достигнув максимальных 25,5 % в 2008 г., уже в 2020 г. составляла около 18 % (рис. 1). Причины такого заметного снижения кроются прежде всего в проводимых изменениях пенсионного законодательства. Во-первых, на решение продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию существенное влияние оказала приостановка с 1 января 2016 г. индексации пенсий работающих пенсионеров. Пенсионеры были вынуждены выбирать между тем, продолжать официально работать, или же прекратить трудовую деятельность и получать индексированную пенсию. Кроме того, снижение числа работающих пенсионеров можно объяснить постепенным повышением возраста выхода на пенсию, начавшимся в 2019 г.

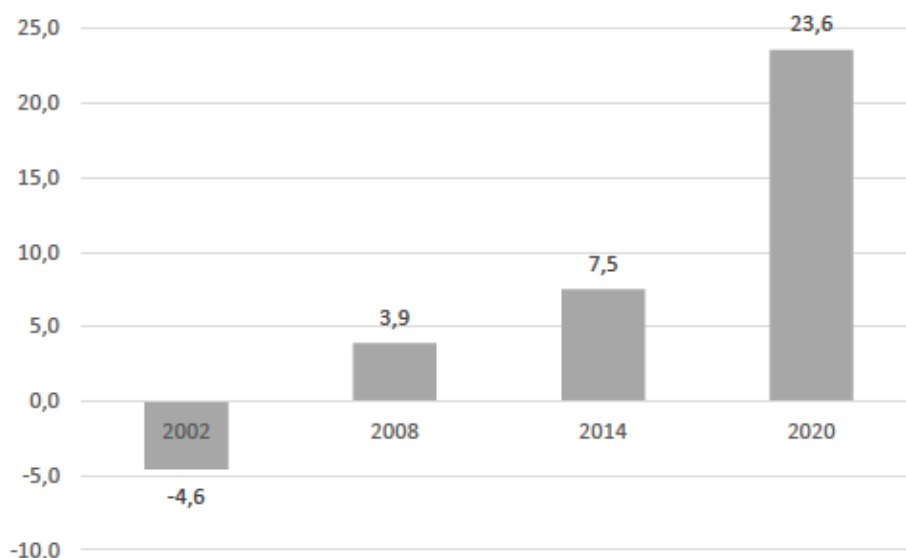

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE

Рис. 1. Доля работающих пенсионеров, % от общего числа пенсионеров
 / Fig. 1. Employed pensioners share, % of the total number of pensioners

Размер пенсии работающих и неработающих пенсионеров в номинальном выражении различался в течение всего анализируемого периода (рис. 2), однако наиболее заметный разрыв

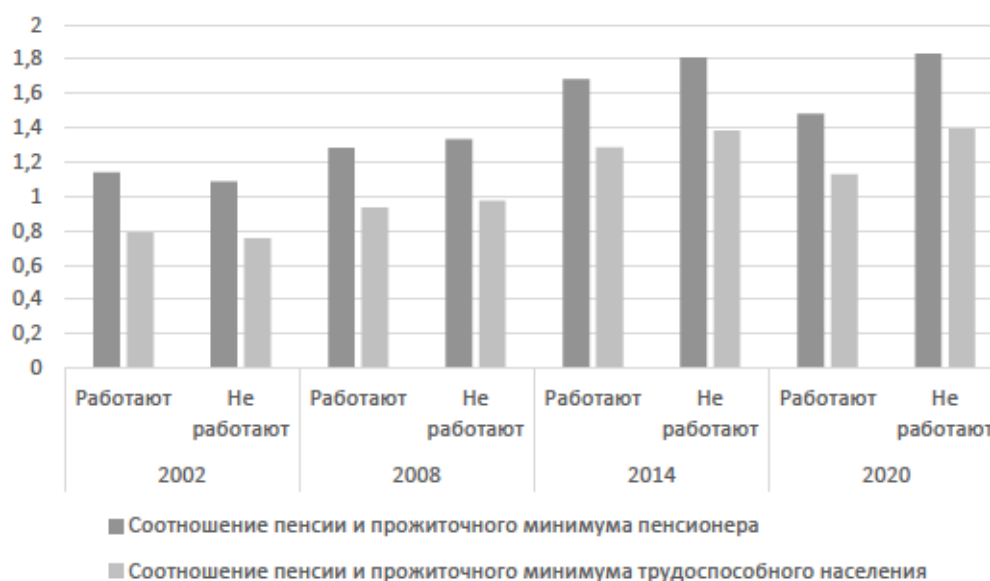
наблюдался в 2020 г. – пенсия неработающих выше на 24 % в среднем, тогда как в 2014 г. превышение составляло только 7,4 %, что может объясняться как отсутствием индексации пенсий работающих пенсионеров и необходимостью выбора между продолжением работать и возможностью получать индексированную пенсию, так и в целом более низким уровнем пенсий, что вынуждает пенсионеров оставаться на рынке труда.

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE

Рис. 2. Разница между средним размером пенсии неработающего и работающего пенсионера, %
 / Fig. 2. The difference between the average pension of non-employed and employed pensioners, %

Различия для работающих и неработающих пенсионеров в величине соотношения между размером пенсии и прожиточным минимумом оказались наиболее заметными в 2014 и 2020 гг. (рис. 3). Например, в 2020 г. средний размер пенсии у работающих пенсионеров превышал прожиточный минимум на 48 %, а у неработающих – на 83 %, в 2014 г. этот разрыв был меньше – у работающих на 68 % выше, у неработающих на 80 %.

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE и Росстата

Рис. 3. Соотношение пенсии и прожиточного минимума работающих и неработающих пенсионеров /
 Fig. 3. Ratio of the pensions to the pensioner's subsistence minimum of non-employed and employed pensioners

Характеристики работающих и неработающих пенсионеров. Среди работающих пенсионеров доля мужчин с 40 % в 2002 г. сократилась до 33 в 2020 г., а среди неработающих – с 32,6 % в 2002 г. до 30,7 в 2020 г. (табл. 2). Превышение доли женщин над мужчинами как среди работающих, так и неработающих пенсионеров объясняется прежде всего естественными демографическим процессами – превышением численности женщин старших возрастов над числом мужчин, а также постепенной передвижкой возраста выхода на пенсию, начиная с 2019 г. Если в 2002 г. 56 % работающих были пенсионеры, проживающие вдвоем с супругом, то начиная с 2008 г. доля таких пенсионеров резко снизилась и составила 25–26 %, почти 60 % работающих пенсионеров проживали одни. Среди неработающих пенсионеров незначительно выросла доля проживающих в сложных многопоколенческих семьях (с 21 % в 2002 г. до 26 в 2020 г.), почти половина неработающих пенсионеров были одиноки, что можно объяснить демографическими тенденциями.

Таблица 2 / Table 2

Характеристики работающих и неработающих пенсионеров, %
/ Characteristics of non-employed and employed pensioners, %

Переменная	2002		2008		2014		2020	
	Работают	Не работают	Работают	Не работают	Работают	Не работают	Работают	Не работают
Пол								
Мужской	40,17	32,64	34,26	30,59	33,06	30,48	32,86	30,73
Женский	59,83	67,36	65,74	69,41	66,94	69,52	67,14	69,27
Семейное положение								
Одинок	9,83	48,17	58,50	46,62	59,25	51,28	56,82	48,07
Супружеская пара	56,41	30,63	26,65	28,99	26,19	26,79	25,50	26,08
Другое	33,76	21,19	14,85	24,39	14,56	21,93	17,67	25,85
Возраст, лет								
<55	35,04	13,09	31,09	9,88	21,94	7,52	19,57	6,73
55–60	23,93	6,95	33,50	11,57	33,37	11,90	28,71	8,63
60–65	23,72	19,77	19,04	13,08	28,21	19,11	33,10	18,45
65–70	13,89	18,79	10,03	17,16	10,11	17,20	12,81	20,47
>70	3,42	41,41	6,35	48,31	6,37	44,27	5,81	45,73
Образование								
Ниже среднего	13,68	50,85	10,28	44,54	7,38	29,86	4,63	20,38
Среднее общее	23,50	19,86	27,28	19,93	28,41	26,57	27,28	29,77
Среднее специальное	27,14	17,28	29,06	20,97	31,24	25,03	31,55	28,45
Высшее	35,68	12,02	33,38	14,56	32,96	18,55	36,54	21,40
Тип поселения								
Областной центр	52,78	38,60	47,08	38,82	43,38	41,95	44,01	41,43
Город	27,56	25,11	30,71	25,52	30,13	25,47	26,45	24,97
Поселок городского типа	4,70	5,48	5,84	6,46	5,46	6,77	7,00	7,54
Село	14,96	30,81	16,37	29,20	21,03	25,81	22,54	26,05
Оценка здоровья								
Плохое и совсем плохое	12,42	41,74	13,96	46,34	10,10	37,32	8,48	30,64
Среднее, не хорошее, но и не плохое	74,73	51,34	72,21	47,52	70,62	55,88	70,49	59,41
Хорошее и очень хорошее	12,85	6,92	13,83	6,14	19,28	6,80	21,03	9,95
Квintиль пенсии								
I	14,57	21,93	20,76	21,43	24,25	18,79	33,41	17,03
II	14,57	20,56	18,66	20,14	22,60	19,46	27,34	18,02
III	24,50	18,96	19,71	18,81	20,85	19,40	22,48	21,02
IV	29,80	18,23	27,20	19,79	18,27	23,97	10,45	20,57
V	16,56	20,33	13,67	19,83	14,04	18,38	6,32	23,36
Квintиль душевых доходов								
I	7,02	23,52	5,42	25,03	8,58	24,55	6,40	23,49
II	6,80	22,48	7,40	24,35	7,24	22,95	8,87	22,58
III	9,21	21,66	16,64	21,17	14,17	21,90	13,55	21,59
IV	24,78	19,03	27,87	17,30	25,65	18,14	23,15	19,45
V	52,19	13,31	42,67	12,15	44,36	12,46	48,03	12,89
Число пенсионеров, чел.	468	2246	788	2308	989	3192	843	3420

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE.

Большая часть (35 %) работающих пенсионеров в 2002 г. – лица в возрасте до 55 лет, доли работающих пенсионеров в возрасте 55–60 лет и 60–65 лет были практически равны (около 24 %), лиц старше 65 лет среди работающих пенсионеров было заметно меньше – только 17 %. Однако с течением времени возрастная структура занятости претерпела изменения – доля работающих в возрасте до 55 лет постепенно снижалась, тогда как росла доля работающих в возрасте 55–65 лет. К 2014 г. наблюдалось смещение – работающих пенсионеров в возрасте до 55 лет стало 22 %, а в возрасте 55–60 лет – 33 %, в 2020 г. доля работающих в возрасте 55–60 лет немного сократилась (до 29 %), однако выросла доля работающих в возрасте 60–65 лет (33 против 28 % в 2014 г.). Такое смещение может объясняться изменениями в области пенсионного законодательства: отмена индексации пенсий работающим пенсионерам, повышение возраста выхода на пенсию. Как было отмечено ранее, резко выросла доля одиноких пенсионеров, полный выход с рынка труда которых существенно понижает их привычный уровень жизни, что также может влиять на выбор в пользу продолжения трудовой деятельности. Среди неработающих пенсионеров распределение по возрастным группам более стабильно. Так, более 40% неработающих пенсионеров были старше 70 лет, причем доля таких пенсионеров росла на протяжении анализируемого периода и к 2020 г. достигла максимального значения – почти 46 %. Наиболее заметно сократилась доля неработающих пенсионеров среди тех, кто был моложе 55 лет (с 13 в 2002 г. до 7 % в 2020 г.), что также может объясняться перечисленными выше факторами.

В течение анализируемого периода существенно изменилось распределение пенсионеров по уровню образования. Если в 2002 г. доля пенсионеров с образованием ниже среднего была достаточно высока: почти 51 % неработающих и 14 % работающих пенсионеров, то в 2020 г. она уже составляла 20 и 5 % соответственно. Доля работающих пенсионеров с высшим образованием практически не менялась и составляла около 36 %. Заметные изменения в структуре наблюдались среди неработающих – к 2020 г. доли имеющих образование, отличное от уровня ниже среднего, выросли в среднем на 10 процентных пунктов для каждой группы.

Среди работающих пенсионеров заметно выросла доля проживающих в сельских поселениях – с 15 в 2002 г. до 23 % в 2020 г., а также поселках городского типа – с 5 до 7 % соответственно. В целом к 2020 г. распределение работающих и неработающих пенсионеров по типу поселения оказалось схожим.

Трудовая активность пенсионеров была ожидаемо связана с их состоянием здоровья. Среди занятых пенсионеров существенное большинство оценивали свое здоровье как хорошее или среднее – в 2002 г. только 12,4 % оценивали свое здоровье как плохое, к 2020 г. доля таких пенсионеров сократилась до 8,5 %. Следует отметить, что 2002 и 2008 гг. хорошим свое здоровье считали 13–14 % работающих пенсионеров, а в 2014 и 2020 гг. этот показатель заметно вырос и составил соответственно 19 и 21 %. То есть среди работающих росла доля тех, чье здоровье позволяло им трудиться, одновременно с чем сокращалась доля тех, кто оценивал свое здоровье как плохое. При этом интересна и другая тенденция – доля неработающих пенсионеров с хорошим состоянием здоровья держалась на уровне 6–7 % в 2002, 2008 и 2017 гг., но заметно выросла в 2020 г., составив почти 10 %. Побуждающим фактором к прекращению трудовой деятельности среди таких пенсионеров могли стать изменения в законодательстве – повышение пенсионного возраста с 2019 г. и приостановка с 2016 г. индексации пенсий работающих пенсионеров.

Размер пенсии являлся существенным стимулом к продолжению трудовой деятельности. Если в 2002 г. почти 54 % работающих пенсионеров можно было отнести к группе со средним уровнем пенсии (III и IV квинтиль), то в последующие периоды стала заметной тенденция к сокращению числа пенсионеров в группах с относительно высокой пенсией и одновременно росту доли пенсионеров с наименьшим размером пенсии. К 2020 г. уже 33,4 % работающих пенсионеров были отнесены к группе с наименьшей пенсией (тогда как в 2002 г. таких было 14,6 %), около 61 % работающих пенсионеров получали пенсию, не превышающую средних значений (I и II квинтиль). Анализ душевых доходов домохозяйства пенсионеров показал, что почти половина всех работающих пенсионеров были отнесены к самой высокодоходной группе (V квинтиль) в течение всего периода наблюдения, тогда как только среди неработающих пенсионеров таких было только 12–13 %. Можно предположить, что наличие дополнительного дохода от трудовой деятельности позволяло пенсионерам и их семьям поддерживать более высокий уровень жизни, тогда как пре-

кращение трудовой деятельности означало резкое падение доходов как пенсионеров, так и членов их семей.

В табл. 3 представлены характеристики домохозяйств пенсионеров, описывающие их финансовую активность и имущество.

Таблица 3 / Table 3

Характеристики домохозяйства пенсионера, % / Characteristics of pensioner households, %

Переменная	2002			2008			2014			2020		
	Всего	Работают	Не работают	Всего	Работают	Не работают	Всего	Работают	Не работают	Всего	Работают	Не работают
Есть легковой автомобиль (отечеств. или иномарка)	23,69	36,97	20,93	27,71	40,61	23,31	36,67	51,06	32,21	39,03	53,62	35,44
Есть дача, садовый домик, другой дом или часть дома	26,90	44,66	23,20	26,65	35,66	22,23	26,17	32,66	24,15	24,75	28,11	23,92
Откладывали сбережения	14,37	21,58	12,87	16,31	19,54	15,21	21,31	23,86	20,52	18,72	22,66	17,75
Давали в долг	10,21	13,25	9,57	7,36	9,01	6,80	6,51	8,09	6,02	2,86	2,85	2,87
Есть кредит	11,50	13,25	11,13	15,73	26,27	12,13	18,39	28,61	15,23	13,28	25,62	10,23
Есть неоплаченные счета за жилье	14,15	16,45	13,67	5,98	6,35	5,85	4,16	4,45	4,07	3,19	3,20	3,19
Число пенсионеров, чел.	2714	468	2246	3096	788	2308	4181	989	3192	4263	843	3420

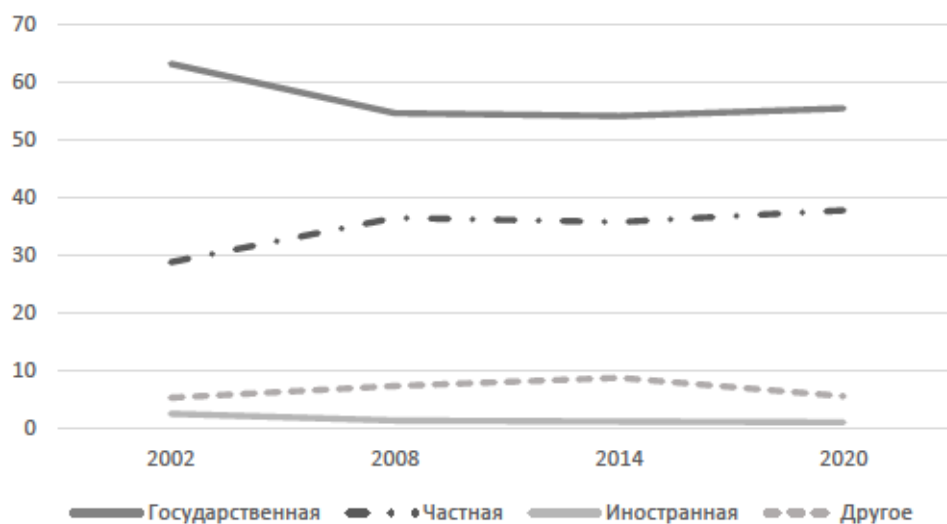
Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE.

Доля пенсионеров, в домохозяйствах которых был легковой автомобиль, росла на протяжении всего анализируемого периода, что можно объяснить бурным ростом рынка автокредитования, продаж новых иностранных автомобилей в начале 2000-х гг. (табл. 3). При этом среди работающих пенсионеров доля имеющих легковой автомобиль заметно превышала аналогичный показатель для неработающих пенсионеров – к 2020 г. автомобиль был у семей 54 % работающих и 35 % неработающих пенсионеров. На протяжении всего периода наблюдения в семьях около 27 % пенсионеров была дача или садовый домик, при этом среди занятых трудовой деятельностью пенсионеров эта доля заметно снизилась – с 45 в 2002 г. до 28 % в 2020 г.

С 2002 по 2014 г. доля пенсионеров, семьи которых откладывали сбережения, постепенно росла, достигнув максимального значения в 2014 г. – 21,3 %. Однако к 2020 г. доля таких пенсионеров снизилась и составила уже 19 %. Эти результаты можно объяснить в том числе воздействием нестабильной экономической обстановки, обусловленной кризисом 2014–2015 гг. в России. Среди работающих пенсионеров доля откладывавших сбережения ожидаемо оказалась выше. Доля пенсионеров, дававших третьим лицам деньги в долг, заметно снизилась – если в 2002 г. 10 % пенсионеров давали в долг (13 % работающих), то в 2020 г. таких пенсионеров уже было менее 3 %. Наиболее резкое падение наблюдалось в кризисном 2008 г. и 2020 г., характеризующемся рецессией в связи с пандемией COVID-19. Кроме того, доля пенсионеров, в семьях которых есть кредит, росла с 11 % в 2002 г. вплоть до 18 % в 2014 г., но уже в 2020 г. этот показатель снизился до 13,3 %. При этом среди работающих пенсионеров доля имеющих кредиты росла более заметно – с 2008 г. не опускалась ниже 25 %, достигнув максимума в 2014 г. Можно отметить, что доля пенсионеров, имеющих неоплаченные счета за жилье, резко сократилась в 2008 г., после чего продолжила снижение. Эта тенденция характерна как для работающих, так и неработающих пенсионеров, что может объясняться и наличием определенных льгот для пенсионеров, и тем, что пенсионеры относятся к категории наиболее прилежных плательщиков.

Профессиональные характеристики работающих пенсионеров. Среди работающих пенсионеров около 55 % были заняты на предприятиях и в организациях, находящихся в государ-

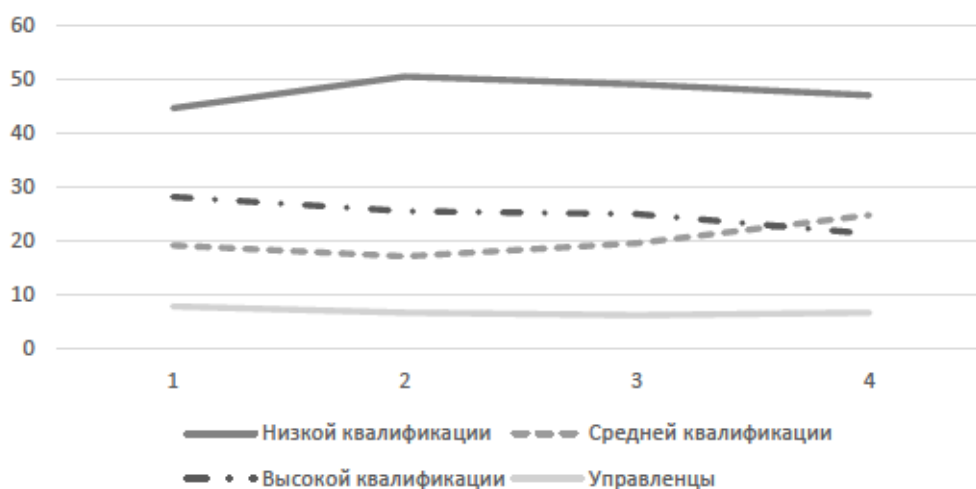
ственной собственности (рис. 4), в 2002 г. эта доля была максимальной и составляла 63 %. В 2002 г. около 29 % работали на предприятиях, находящихся в частной собственности, начиная с 2008 г. эта доля не опускалась ниже 36 %, достигнув максимума в 2020 г. (почти 38 %).

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE

Рис. 4. Распределение работающих пенсионеров по форме собственности предприятия, %
 / Fig. 4. Distribution of employed pensioners by the type of enterprise ownership, %

Следует отметить, что практически половина работающих пенсионеров относилась к работникам низкой квалификации – к 2008 г. ровно половина пенсионеров занималась низкоквалифицированным трудом, в 2020 г. доля таких пенсионеров сократилась до 47 % (рис. 5). Доля работников высокой квалификации сократилась с 28 в 2002 г. до 21 % в 2020 г., при этом выросла доля работников средней квалификации (с 19 до 25 % соответственно). Доля управленцев среди занятых пенсионеров была стабильна на протяжении анализируемого периода и составляла около 6–7 %.

Источник: рассчитано по данным RLMS-HSE

Рис. 5. Распределение работающих пенсионеров по уровню профессиональной квалификации (ISO2008), % / Fig. 5. Distribution of employed pensioners by the type of professional qualification level (ISO2008), %

Выводы. Выход на пенсию резко снижает уровень благосостояния пожилого человека, причем несмотря на рост размера пенсий в номинальном выражении, такое падение становилось все более значительным на протяжении всего исследуемого периода. Поэтому часть пенсионеров продолжает работать, чтобы поддерживать достойный уровень жизни. Хотя доля работающих пенсионеров постепенно снижается, именно наличие работы дает возможность домохозяйствам поддерживать относительно высокий уровень среднедушевого дохода. Большая часть работающих пенсионеров проживает в областных центрах и городах и имеет высокий уровень образования. Большая часть работающих пенсионеров трудится на предприятиях государственной формы собственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что существующая система пенсионного обеспечения не позволяет обеспечить достойный уровень жизни после выхода на пенсию, что вынуждает пенсионеров работать. Однако такая возможность есть не у всех, как по состоянию здоровья, так и по причине отсутствия спроса на рынке труда, особенно в сельской местности. Это создает ряд проблем, решение которых требует кардинального реформирования пенсионной системы.

Список источников

1. *Роик В.Д.* Архитектура пенсионных институтов России: состояние и перспективы // Журн. Новой экономической ассоциации. 2015. № 3. С. 184–188.
2. *Роик В.Д.* Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт. М.: Юрайт, 2020. 336 с.
3. *Мамий Е.А., Новиков А.В.* Актуальные проблемы реформирования пенсионной системы Российской Федерации // Финансы и кредит. 2014. № 19. С. 26–32.
4. *Малева Т.М., Сняевская О.В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы : аналит. доклад / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. 75 с.
5. *Малева Т.М., Сняевская О.В.* Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журн. Новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–137.
6. *Gerber T.P., Radl J.* Pushed, Pulled, or Blocked? The Elderly and the Labor Market in Post-Soviet Russia // Social Science Research. 2014. № 45. P. 152–169.
7. *Radl J., Gerber T.P.* Work Beyond Pension Age in Russia: Labour Market Dynamics and Job Stability in a Turbulent Economy // Paid Work Beyond Pension Age. S. Scherger (ed.). London: Palgrave Macmillan, 2015.
8. *Levin V.* Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productive. Report. World Bank Group. Washington D.C., 2015.
9. *Горлин Ю.М., Карцева М.А., Ляшок В.Ю.* Влияние повышения пенсионного возраста на уровень бедности населения РФ: микросимуляционный анализ // Прикладная эконометрика. 2019. № 54. С. 26–50.
10. *Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М.* Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. № 1. С. 148–178.
11. *Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Салмина А.А.* Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 80–104.
12. *Ляшок В.Ю., Роцин С.Ю.* Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журн. Новой экономической ассоциации. 2017. № 1 (33). С. 117–140.
13. *Черкашина Т.Ю.* Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. 2011. № 4 (442). С. 101–114.
14. *Gustafsson B., Nivorozhkina L., Wan H.* Working beyond the normal retirement age in urban China and urban Russia // IZA Journal of Development and Migration. 2021. Vol. 12 (1). P. 1–21.
15. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 16.05.2022).
16. Общая численность пенсионеров в РФ / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/sp_2.1.docx (дата обращения: 16.05.2022).

References

1. Roik V.D. Architecture of the pension institutes in Russia: status and perspectives. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2015;(3):184-188. (In Russ.).
2. Roik V.D. *Retirement age and modernization of pension systems: domestic and foreign experience*. Moscow: Yurait Publ.; 2020. 336 p. (In Russ.).
3. Mamiy E.A., Novikov A.V. Actual problems of reforming the pension system of the Russian Federation. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2014;(19):26-32. (In Russ.).
4. Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. *Pension reform in Russia: history, results, prospects*. Analytical report. Independent Institute of Social Policy. Moscow: Pomatur Publ.; 2005. 75 p. (In Russ.).
5. Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Pension age increase: pro et contra. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2010;(8):117-137. (In Russ.).
6. Gerber T.P., Radl J. Pushed, Pulled, or Blocked? The Elderly and the Labor Market in Post-Soviet Russia. *Social Science Research*. 2014;(45):152-169.
7. Radl J., Gerber T.P. Work Beyond Pension Age in Russia: Labour Market Dynamics and Job Stability in a Turbulent Economy. *Paid Work Beyond Pension Age*. Scherger, S. (eds). London: Palgrave Macmillan Publ.; 2015.
8. Levin V. *Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productive*. Report. World Bank Group. Washington D.C., 2015.
9. Gorlin Yu.M., Kartseva M.A., Lyashok V.Yu. The impact of the retirement age increase on the poverty level of the Russian population: microsimulation analysis. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*. 2019;(54):26-50. (In Russ.).
10. Gorlin Yu.M., Lyashok V.Yu., Maleva T.M. Pension age increase: positive effects and the possible risks. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2018;(1):148-178. (In Russ.).
11. Gorlin Yu.M., Lyashok V.Yu., Salmina A.A. Replacement rate as an instrument of analysis and forecast of pension system. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2020;(12):80-104. (In Russ.).
12. Lyashok V.Yu., Roshchin S.Yu. Young and older workers in the Russian labor market: are they competitors? *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2017;(1):117-140. (In Russ.).
13. Cherkashina T.Yu. Working in retirement: a necessity or an opportunity? *EKO = ECO*. 2011;(4):101-114. (In Russ.).
14. Gustafsson B., Nivorozhkina L., Wan H. Working beyond the normal retirement age in urban China and urban Russia. *IZA Journal of Development and Migration*. 2021;12(1):1-21.
15. *The Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. Available from: <http://www.hse.ru/rlms>, <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> [Accessed 16th May 2022]. (In Russ.).
16. The total number of pensioners in the Russian Federation. *Rosstat*. Available from: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.1.docx [Accessed 16th May 2022]. (In Russ.).

Информация об авторе

М.З. Музаев – кандидат экономических наук, старший преподаватель.

Information about the author

M.Z. Muzayev – Candidate of Science (Economics), Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Научная статья
УДК 339.9
doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-95-101

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Игорь Миронович Узнародов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону,
Россия, iguz2010@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются перспективы перехода на низкоуглеродную экономику в Европейском Союзе в контексте современного энергетического кризиса. Сегодня недорогое и надёжное энергоснабжение является обязательным условием экономического, социального и технического прогресса человечества. В ЕС этому направлению уделяют повышенное внимание, что подтверждается «Европейским зелёным соглашением» и другими важными документами. Центральное место в перспективных планах энергетической политики занимают ветряная и солнечная генерации, а также водородная энергетика. Несмотря на предпринимаемые усилия, в 2021 г. европейский континент стал ареной энергетического кризиса. Анализируются его причины, а также слабые и сильные стороны возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Выявляется наличие серьёзных технологических и экономических проблем, которые необходимо решить для успешного перехода к зелёной энергетике. Но проводить его следует постепенно, поскольку ВИЭ пока не могут заменить ни газовую, ни атомную генерацию. Поспешная замена этих источников энергии во имя сиюминутных политических целей чревата тяжёлыми последствиями и дискредитирует саму идею низкоуглеродной экономики.

Ключевые слова: Европейский Союз, возобновляемые источники энергии, низкоуглеродная экономика, энергетический кризис

Для цитирования: Узнародов И.М. Энергетический кризис в Европе и перспективы низкоуглеродной экономики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 95–101.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ENERGY CRISIS IN EUROPE AND THE PROSPECTS FOR A LOW-CARBON ECONOMY

Igor M. Uz narodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, iguz2010@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the prospects of transition to a low-carbon economy in the European Union in the context of the current energy crisis. Today, inexpensive and reliable energy supply is a prerequisite for the economic, social and technological progress of mankind. The EU pays special attention to this area, which is confirmed by the “European Green Deal” and other important documents. The central place in the long-term plans of energy policy is occupied by wind and solar generation, as well as hydrogen energy. Despite the efforts being made in this direction, in 2021 the European continent became the scene of an energy crisis. The article discusses its causes simultaneously with the analysis of the weaknesses and strengths of renewable energy sources. The author draws attention to the presence of serious technological and economic problems that need to be solved for a successful transition to green energy. The article concludes that the transition to clean energy sources should be carried out gradually, since renewable energy sources cannot yet replace either gas or nuclear generation. Hasty replacement of these energy sources in the name of short-term political goals is fraught with grave consequences and discredits the very idea of a low-carbon economy.

© Узнародов И.М., 2022

Keywords: European Union, renewable energy sources, low-carbon economy, energy crisis

For citation: Uznarodov I.M. The Energy Crisis in Europe and the Prospects for a Low-Carbon Economy. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):95-101. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла документ о целях устойчивого развития, в котором говорилось о необходимости создать всем людям условия для процветания и благополучия. Среди важнейших условий решения поставленной задачи назван всеобщий доступ к недорогому, надёжному и современному энергоснабжению. Без этого невозможен экономический, социальный и технический прогресс [1]. Но обеспечивать полное энергопотребление в XXI в. непросто. С каждым годом добыча природных ресурсов становится всё сложнее, а потребность в них растёт. Существует предположение, что к 2090 г. человечество будет тратить в четыре раза больше энергии, чем сегодня. Нами предпринята попытка изложить видение перспектив перехода стран европейского континента к низкоуглеродной экономике в современных условиях.

Недостаток энергоресурсов чреват самыми тяжёлыми последствиями, причём это относится ко всем странам и их объединениям, независимо от уровня развития. Особенно остро проблема стоит в Европейском Союзе, так как он вынужден импортировать примерно 60 % потребляемых энергоресурсов. Прогнозы учёных свидетельствуют, что если не найти решения, то к 2030 г. ситуация ухудшится и на импорт будет приходиться уже 70 % необходимых энергоносителей. Поэтому в странах-членах Евросоюза повышенное внимание уделяется не только надёжному снабжению энергоресурсами, но и развитию энергосберегающих технологий и альтернативных источников энергии [2, с. 279–280].

Серьёзность ситуации подтверждает и начавшаяся дискуссия о возможном прекращении закупок российских нефти и газа государствами ЕС из-за спецоперации на Украине. Так, глава немецкого химического концерна BASF М. Брудермюллер заявил, что отказ от российского топлива приведёт к самому серьёзному кризису в стране со времён окончания Второй мировой войны. Он с сожалением констатировал, что таким образом можно разрушить экономику Германии и всё то, что десятилетиями создавалось его трудолюбивыми соотечественниками [3].

С развитием интеграционных процессов на европейском континенте энергетике стало уделяться повышенное внимание, а энергетическая политика давно превратилась в важнейшее направление деятельности Евросоюза. В 2015 г. начался её современный этап, в рамках которого предполагалось создание Энергетического союза стран-членов для обеспечения устойчивого энергоснабжения, удовлетворения спроса на энергоносители как граждан, так и промышленных предприятий, а также переход к низкоуглеродной, безопасной и конкурентоспособной экономике. Большие надежды возлагались на создание единой системы закупок природного газа, которая позволила бы договариваться о выгодных ценах для всех участников ЕС. Помимо этого, намечалось повысить энергоэффективность, развивать возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и сократить выброс в атмосферу парниковых газов [4]. Заявленные планы полностью соответствовали резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о целях устойчивого развития.

В декабре 2019 г. энергетическая политика ЕС получила продолжение и развитие. По инициативе новых руководителей Союза был принят важный программный документ под названием «Европейское зелёное соглашение» (European Green Deal – EGD), содержащий перечень мер и мероприятий, призванных сделать территории стран-членов к 2050 г. углеродно-нейтральными, что означает сокращение промышленных выбросов CO₂ практически до нуля. EGD предусматривал семь основных направлений модернизации хозяйственной деятельности, которые должны были способствовать превращению последней в низкоуглеродную или, как стали говорить, «зелёную» экономику: поставка чистой, доступной и безопасной энергии; мобилизация промышленности для чистой и циркулярной экономики; энерго- и ресурсосберегающие строительство и реконструкция зданий; ускорение перехода к устойчи-

вой и интеллектуальной мобильности; разработка справедливой, здоровой и экологически чистой продовольственной системы; сохранение и восстановление экосистем и биоразнообразия; стремление к нулевому уровню выброса вредных веществ для создания чистой окружающей среды. Особая роль в этих планах отводилась реорганизации энергетики, переходу на ВИЭ – солнечную и ветряную генерации, а также водородную энергетику вместо традиционных и привычных углеводородов [5].

В 2020 г. появились документы, конкретизировавшие задачи по каждому из перечисленных направлений, а они, в свою очередь, были дополнены другими документами, которые относились к конкретным проектам. Работа организовывалась солидно и подкреплялась соответствующим финансированием из бюджета Европейского Союза.

Ничто не предвещало приближающихся проблем в энергетике. Казалось, всё предусмотрено и делается правильно. Однако в 2021 г. на европейском континенте начался энергетический кризис, который продолжается и сегодня. Он серьёзно ударил по планам перехода на ВИЭ, которые не смогли выручить. В результате резко возрос спрос на природный газ и уголь, а с ним выросли и цены на энергоносители.

Как тут не вспомнить многочисленные высказывания в средствах массовой информации о конце углеводородной эры в судьбе человечества и прогнозы о том, что уже к середине XXI в. всё на нашей планете будет работать от ветряков и солнечных панелей. Но, как оказалось в реальности, всё не так просто, и для успеха требуется решить немало проблем. Поэтому у многих предпринимателей возникают сомнения относительно скорого отказа от углеводородов. Весьма показательным в данном случае выглядит пример Б. Шульца, бывшего главы немецкой компании «50Hertz Transmission GmbH», занимавшейся транспортировкой электроэнергии. В качестве сторонника ВИЭ он заявил как-то, что при необходимости можно без особых усилий довести их долю в энергосистеме Германии до 80 %. Однако через некоторое время охладел к ветряной и солнечной генерации, и атомная энергетика в его глазах стала намного привлекательней. В конце концов Шульц занялся производством и поставками топлива для атомных электростанций в Европе [6].

Чтобы понять причины энергетического кризиса и оценить перспективы низкоуглеродной экономики, необходимо рассмотреть сильные и слабые стороны соответствующих источников энергии. Плюсом ветряной и солнечной энергетики считается производство энергии без отрицательного влияния на окружающую среду и здоровье населения, смягчение климатической обстановки и появление природоохранного мышления. Помимо этого, ВИЭ способствуют снижению затрат на импорт топлива и улучшению торгового энергетического баланса. Подробно об этом говорится в работе учёных Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [7, с. 3, 88–89]. Что касается водорода, то для его производства в качестве энергоносителя используются вода и ВИЭ, а выбросы углерода при выработке энергии намного ниже, чем у других видов водорода. Поэтому его и стали называть зелёным.

Следует отметить, что сегодня никто не отрицает экологичность и концептуальную привлекательность ветряной, солнечной и водородной генерации, однако имеются серьёзные нерешённые технологические проблемы в этой области, а также невысокая экономическая эффективность.

Для измерения эффективности энергоносителей пользуются так называемым «коэффициентом энергетического возврата» – Energy Return On Investment (EROI). Добытая энергия должна не только окупить все затраты на своё производство, но ещё иметь остаток, который, собственно, и идёт на развитие. Чем выше коэффициент, тем больше возможностей у общества достойно жить и развиваться. Группа американских учёных в своей работе, посвящённой зависимости качества жизни от используемых энергоресурсов, определила, что для поддержания жизнедеятельности человечества сегодня требуется использовать энергоресурсы с показателем EROI не менее 14 единиц [8]. В то же время исследователи из Швейцарии, проведя сравнительный анализ современных источников энергии на их эффективность, сообщили о следующих результатах: у атомных электростанций EROI самый высокий – 75, у гидроэлектростанций – 35, у угольных – 30, у газовых – 29, а вот EROI ветряных генераторов и солнечных батарей составляет соответственно 3,9 и 1,6 [9].

Возможно ВИЭ и выйдут когда-то на вполне удовлетворительные показатели, но пока даже по прошествии лет они принципиально не изменились. Недавно опубликованное исследование прямых и косвенных издержек и затрат на солнечную генерацию в Германии и Швейцарии показало, что за последние 20 лет солнечная энергетика даже не окупала затрат на производство солнечных панелей, став в итоге не источником энергии, а её поглотителем [6].

Вообще энергию солнца и ветра использовать в чистом виде нельзя – для этого нужны специальные устройства: ветрогенераторы и солнечные батареи, а также инфраструктура для передачи выработанной электроэнергии с трансформаторами и линиями электропередач. Но чтобы последняя себя окупала, необходимо строить специальные ветряные или солнечные фермы, т.е. придать делу промышленные масштабы и потратить значительные ресурсы. А вот EROI пока никак не соответствует высоким затратам.

Есть в данном случае и определённые сомнения, касающиеся экологии. Ветряки и солнечные батареи производят по «грязным» технологиям вопреки провозглашённым целям зелёной экономики. При этом они недолговечны (через 25–30 лет их нужно менять, поскольку значительно падает энергоотдача). Вышедшие же из строя детали пока не научились перерабатывать, и их приходится просто закапывать в землю, что отнюдь не улучшает экологию.

В данном контексте следует обратить внимание и на широко разрекламированные в средствах массовой информации планы всеобщего перехода на электромобили, которые представляются недостаточно проработанными. Для того требуется в два раза увеличить выработку электроэнергии, однако за счёт солнечной и ветряной генерации сделать это пока не представляется возможным. Понадобятся и значительные вложения в инфраструктуру, чтобы каждый автомобилист мог без проблем в любое время зарядить свой автомобиль. Предстоит также существенно увеличить длительность работы батарей, от чего зависит дальность поездок. В свете сказанного, привычные нам транспортные средства сегодня выглядят явно предпочтительнее. К тому же используемые в электромобилях аккумуляторы производятся на самых загрязняющих природную среду предприятиях. По этому поводу весьма недвусмысленно высказался представитель датского Saxo Bank. Главный экономист и директор по инвестициям С. Якобсен прямо назвал подобные решения проблемы изменения климата тупиковым путём. Он также призвал совершить в 2022 г. революцию, которая должна заключаться в том, чтобы начать строить наше энергетическое будущее на основе реализма, а не фантазий [10].

Однако вернёмся к энергетическому кризису, который рельефно представил ещё одно принципиальное для оценки ветряной и солнечной генерации обстоятельство – их зависимость от климатических условий и погоды. В пасмурную погоду количество электроэнергии, вырабатываемое солнечными панелями, уменьшается, а в безветренную погоду то же происходит с ветряными генераторами.

В начале января 2021 г. весь мир следил за сообщениями из Японии, где непривычно прохладная погода вызвала повышенный спрос на энергию. ВИЭ не помогли, в результате чего заметно выросли спрос и цены на газ. Из-за его нехватки увеличилось потребление угля, и специалисты заговорили о возвращении к атомной энергетике, репутация которой была подмочена аварией на АЭС Фукусима-1 в 2011 г. Так начался энергетический кризис, охвативший не только Восточную Азию, но и Европу.

Январь и февраль 2021 г. на европейском континенте выдались холодными и снежными. Тысячи солнечных панелей покрылись льдом и снегом, имели место и многочисленные обледенения ветряков. Не спасали даже специальные жидкости, которыми зимой обычно обрабатывают крылья самолётов. К этому в ряде регионов добавилось безветрие. В результате почти 30 тыс. ветротурбин перестали вырабатывать электроэнергию. Зимой удалось пережить благодаря запасам из подземных хранилищ газа (ПХГ), но они были сильно опустошены. Пришлось расконсервировать угольные электростанции и увеличить закупки угля, что стало сильным ударом по концепции зелёной энергетике.

Весной в Европе уже наблюдался рост цен на газ, поскольку требовалось восполнить его запасы в подземных хранилищах и подготовиться к следующему отопительному сезону. Летом стоимость тысячи кубометров газа на биржах достигла 600 долларов (это примерно в три раза выше обычной цены), а в начале октября перешагнула порог в 1000 долларов.

В сентябре 2021 г. резко ухудшилась ситуация в энергетическом секторе Китая, где были введены ограничения на потребление электроэнергии для промышленных предприятий и домохозяйств. Повышенный спрос на газ в странах Восточной Азии отразился и на европейских газовых биржах, где в конце 2021 г. за тысячу кубометров голубого топлива платили больше 2000 долларов.

Весьма показательным в данном случае выглядит сказанное еврокомиссаром по вопросам энергетики П. Джентилоне на совещании по переходу к безуглеродному производству энергии в конце декабря 2021 г. Он признал, что поспешное выведение из оборота угольных электростанций, остановка реакторов АЭС и излишний оптимизм в отношении использования возобновляемых источников энергии привели к спаду во всех отраслях промышленного производства ЕС. По его мнению, спад имел место из-за отсутствия необходимой энергии, и никакого перехода к «зелёной» экономике не будет, если это продолжится [11].

Действительно, высокие цены на газ поставили энергетическую отрасль Евросоюза в очень тяжёлое положение, о чём свидетельствуют банкротства нескольких энергетических компаний. Показательным примером стало прекращение деятельности достаточно крупной немецкой компании Neckerstrom AG, занимавшейся поставками экологически чистой электроэнергии на протяжении 8 лет. Главная причина – рост стоимости электроэнергии, которую стало невыгодно покупать промышленным предприятиям.

Аналитик газового рынка С. Капитонов отмечает, что высокие цены на газ также поставили под угрозу банкротства зависящие от природного газа предприятия в сталелитейной, газохимической отраслях и области производства удобрений. По его мнению, таких высоких цен на газ в Европе не наблюдалось никогда [12]. В связи с этим можно только удивляться затягиванию запуска в промышленную эксплуатацию газопровода «Северный поток-2».

В условиях энергетического кризиса весьма актуальной стала тема водородной энергетики и её перспективы. В «Европейском зелёном соглашении» она рассматривалась в качестве одного из ключевых направлений деятельности Евросоюза. 8 июля 2020 г. Европейская комиссия опубликовала «Водородную стратегию для климатически нейтральной Европы», согласно которой водород должен стать главным источником чистой энергии и одним из основных элементов достижения экологических целей Союза [13]. В перспективе предполагается реорганизовать энергетическую систему ЕС, опираясь на увеличение доли ВИЭ и мало загрязняющих среду обитания энергоносителей, таких как водород.

Однако в деле использования водорода в энергетике, как и в случае с ветряной и солнечной генерацией, имеются свои особенности и проблемы. На сегодняшний день технологии производства зелёного водорода пока очень дорогие. Получается, что для развития соответствующих проектов компаниям необходима прямая и косвенная поддержка государства. Чтобы получить чистый с экологической точки зрения водород нужно сначала потратить большое количество энергии, а потом уже из него произвести энергию для нужд граждан и производства. В результате энергоотдача от зелёного водорода пока невысока.

Эксперты полагают, что в ближайшей перспективе (10–15 лет) доля водорода в топливно-энергетическом балансе Евросоюза останется незначительной. К тому же идея получения зелёного водорода из других стран пока далека от воплощения, так как в отличие от обычного природного газа водород обладает повышенной летучестью и для него требуется специальное, намного более дорогое оборудование. Пока реально водород рассматривают в качестве альтернативного топлива только для судоходства. В других отраслях его использование возможно лишь фрагментарно [14].

Нынешний энергетический кризис в Европе подтверждает высокую зависимость промышленно развитых стран от углеводородных энергоресурсов, несмотря на попытки нарастить использование ВИЭ. Это соответствует и глобальной ситуации, поскольку сегодня на долю ископаемых видов топлива приходится более 80 % потребления первичной энергии в мире. И хотя предсказать развитие событий на энергетических рынках сложно, по мнению экспертов, в ближайшие 30 лет спрос на углеводороды будет сохраняться [15].

Таким образом, для перехода к низкоуглеродной экономике требуется решить ряд экономических и технологических проблем. Зелёный энергопереход следует проводить постепен-

но, поскольку ВИЭ пока не могут заменить ни газовую, ни атомную генерацию. Поспешная замена этих источников энергии во имя сиюминутных политических целей (что мы и наблюдаем сегодня в Европейском Союзе) чревата тяжёлыми последствиями.

Список источников

17. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 15 сентября 2015 г. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/res/70/1&lang=ru (дата обращения: 12.12.2021).
18. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Весь мир; Ин-т Европы РАН, 2014. 704 с.
19. Сайт федерального телеканала РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/957996> (дата обращения: 02.04.2022).
20. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank Energy Union Package. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy, COM (2015) 80 final of 25.02.2015. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.12.2021).
21. The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM (2019) 640 final. Brussels, 11.12.2019. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication-en.pdf> (дата обращения: 12.01.2022).
22. Информационный портал Newsland. URL: <https://newsland.com/community/4502/content/kak-evropadokazala-vsemu-miru-besperspektivnost-razvitiia-alternativnoi-energetiki/7475082> (дата обращения: 12.01.2022).
23. Справочник по возобновляемой энергетике Европейского Союза. Аналитические обзоры Института энергетике НИУ ВШЭ. Сентябрь 2016. URL: <https://energy.hse.ru/data/2017/10/041159483435/pdf> (дата обращения: 17.05.2021).
24. Lambert J.G., Hall C.A.S., Balogh S.B., Gupta A., Arnold M. Energy, EROI and Quality of Life // Energy Policy. 2014. Vol. 64. P. 153–167.
25. Weißbach D., Ruprecht G., Huke A., Czerski K., Gottlieb S., Hussein A. Energy Intensities, EROIs (Energy Returned on Invested), and Energy Payback Times of Electricity Generating Power Plants // Energy. 2013. № 52. P. 210–221.
26. Информационное агентство «Красная весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/news/3себе74е> (дата обращения: 25.03.2022).
27. Интернет-издание «Лента.ру». URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/29/eurokomissar/> (дата обращения: 10.01.2022).
28. Каттонов С. Уроки газового кризиса в Европе // Энергетическая политика. URL: <https://energypolicy.ru/uroki-gazovogo-krizisa-v-evrope/gaz/2021/12/22/> (дата обращения: 25.01.2022).
29. A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe. Communication from the Commission... COM (2020) 301 final. Brussels, 8.07.2020. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
30. Белов В.Б. Европейский альянс чистого водорода // Науч.-аналит. вестн. Ин-та Европы РАН. 2020. № 5. С. 52–59.
31. Федун Л., Сонин А. Перспективы развития мировой и российской энергетике: сценарии до 2050 года // Энергетическая политика. URL: <https://energypolicy.ru/perspektivy-razvitiya-mirovoj-i-rossijskoj-energetiki-scenarii-do-2050-goda/neft/202213/18/> (дата обращения: 20.01.2022).

References

17. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. *Resolution of the United Nations General Assembly of September 15, 2015*. Available from: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/res/70/1&lang=ru [Accessed 12th December 2021]. (In Russ.).
18. *Greater Europe. Ideas, Reality, Prospects*. Al.A. Gromyko, V.P. Fedorov (Eds.). Moscow: Ves mir Publ., Institute of Europe RAS Press; 2014. 704 p. (In Russ.).

19. *The Website of the Federal TV Channel REN TV*. Available from: <https://ren.tv/news/v-mire/957996> [Accessed 2nd April 2022]. (In Russ.).
20. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank Energy Union Package. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy*, COM (2015) 80 final of 25.02.2015. Available from: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF [Accessed 12th December 2021].
21. *The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. COM (2019) 640 final. Brussels, 11.12.2019. Available from: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication-en.pdf> [Accessed 12th January 2022].
22. *Newsland Information Portal*. Available from: <https://newsland.com/community/4502/content/kak-evropa-dokazala-vsemu-miru-besperspektivnost-razvitiia-alternativnoi-energetiki/7475082> [Accessed 12th January 2022]. (In Russ.).
23. *Handbook of Renewable Energy of the European Union*. Analytical reviews of the HSE Institute of Energy. September 2016. Available from: <https://energy.hse.ru/data/2017/10/041159483435/pdf> [Accessed 17th May 2021]. (In Russ.).
24. Lambert J.G., Hall C.A.S., Balogh S.B., Gupta A., Arnold M. Energy, EROI and Quality of Life. *Energy Policy*. 2014;64:153-167.
25. Weißbach D., Ruprecht G., Huke A., Czerski K., Gottlieb S., Hussein A. Energy Intensities, EROIs (Energy Returned on Invested), and Energy Payback Times of Electricity Generating Power Plants. *Energy*. 2013;52:210-221.
26. News Agency "Red Spring". Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/3ce6e74e> [Accessed 25th March 2022]. (In Russ.).
27. Online Publication "Lenta.ru". Available from: <https://lenta.ru/news/2021/12/29/eurokomissar/> [Accessed 10th January 2022]. (In Russ.).
28. Kapitonov S. Lessons of the Gas Crisis in Europe. *Energy Policy*. Available from: <https://energypolicy.ru/uroki-gazovogo-krizisa-v-evrope/gaz/2021/12/22/> [Accessed 25th January 2022]. (In Russ.).
29. *A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe. Communication from the Commission...* COM (2020) 301 final. Brussels, 8.07.2020. Available from: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf [Accessed 12th January 2022].
30. Belov V.B. European Alliance of Pure Hydrogen. *Nauch.-analit. vestn. In-ta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2020;(5):52-59. (In Russ.).
31. Fedun L., Sonin A. Prospects for the Development of Global and Russian Energy: Scenarios up to 2050. *Energy Policy*. Available from: <https://energypolicy.ru/perspektivy-razvitiya-mirovoj-i-rossijskoj-energetiki-scenarii-do-2050-goda/neft/202213/18/> [Accessed 20th January 2022]. (In Russ.).

Информация об авторе

И.М. Узнародов – почётный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений.

Information about the author

I.M. Uznarodov – Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of World Economics and International Relations.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Original article

UDC 338.24

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-102-111

PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIP AS A TOOL TO IMPROVE ENVIRONMENTAL PROTECTION AT THE LOCAL MANAGEMENT LEVEL OF CHINA: EXPERIENCE, PROBLEMS, AREAS FOR IMPROVEMENTS

Deng Yue

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 1041405206@qq.com,

ORCID ID: 0000-0001-5448-7991

Abstract. At present, China's environmental situation is very severe, and the discharge of pollutants has approached or exceeded the environmental capacity. Traditional environmental governance methods can no longer effectively solve the problem of environmental pollution. However, the use of the public private partnership (PPP) model in the field of ecological environment can effectively solve the disadvantages of the traditional governance model, such as large funding gaps, poor management and control capabilities, and high operating costs. The application of the PPP model in the field of ecological environment is conducive to comprehensively improving the quality and efficiency of the supply of public products and services of the ecological environment, revitalizing existing assets, and broadening environmental protection investment and financing channels. In the environmental field, the scope and scale of public-private cooperation have begun to expand. The application of the PPP model for environmental governance is an innovative management tool for local governments in China to perform environmental functions.

Keywords: PPP model, environmental governance, innovation, management tools

For citation: Deng Yue. Public Private Partnership as a Tool to Improve Environmental Protection at the Local Management Level of China: Experience, Problems, Areas for Improvements. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):102-111.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

УДК 338.24

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ УЛУЧШЕНИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КИТАЯ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Дэн Юе

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 1041405206@qq.com,

ORCID ID: 0000-0001-5448-7991

Аннотация. Текущая экологическая ситуация в Китае весьма сложная, при этом выбросы загрязняющих веществ приблизились к экологическим возможностям или превысили их. Традиционные методы управления природопользованием уже не могут эффективно решать проблему загрязнения окружающей среды. Однако применение модели государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды может эффективно устранить недостатки традиционной модели управления, такие как большие пробелы в финансировании, слабые возможности управления и контроля, высокие эксплуатационные расходы. Предлагаемая модель государственно-частного партнерства способствует всестороннему повышению качества и эффективности поставок общественных продуктов и услуг в рассматриваемой области, более продуктивному использованию имею-

© Deng Yue, 2022

шихся активов и расширению каналов инвестиций и финансирования. В настоящее время начали существенно расширяться масштабы государственно-частного сотрудничества и партнерства. Применение этой модели для управления окружающей средой является инновационным инструментом управления для местных органов власти в Китае в процессе выполнения экологических функций.

Ключевые слова: модель государственно-частного партнерства, управление окружающей средой, инновации, инструменты управления

Для цитирования: Deng Yue. Public Private Partnership as a Tool to Improve Environmental Protection at the Local Management Level of China: Experience, Problems, Areas for Improvements // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 102–111.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

1. The basic principle of PPP mode operation

1.1. The concept of PPP mode

In 2014, the “Guiding Opinions on the Development of Government and Social Capital Cooperation” issued by the National Development and Reform Commission (Development and reform investment [2014] No. 2724) clearly defined the PPP model for the first time, stating that “the government and social capital cooperation model refers to the government’s Enhance the supply capacity of public products and services, improve supply efficiency, and establish benefit-sharing, risk-sharing and long-term partnerships with social capital through franchising, purchasing services, and equity cooperation” [1].

The PPP model is essentially an optimized supply system of quasi-public goods that connects the public sector, private sector, professional organizations, and the public in the whole society. On the premise of respecting market choices, the PPP model promotes the cooperation between the government and social capital. It combines the decisive role of the market in the allocation of resources with the guiding role of the government in the economy. The PPP model can not only integrate social resources, revitalize social stock capital, stimulate the vitality of private investment, expand enterprise development space, and enhance economic growth momentum, but can also reduce government financial pressure, strengthen government public service functions, and achieve the best effect of satisfying public interests [2, p. 43].

1.2. Operation mode of PPP project

There are many ways to operate the PPP model. Different PPP operation methods are applicable to different types of projects, and the degree of participation of government departments and social capital is also different. The main types are shown in Table 1.

In China, the most used PPP model is that the government selects the social capital party through bidding, signs a concession agreement, and jointly establishes a corresponding project company in accordance with the agreement. Then, the project company carries out financing, construction, and operation, and is responsible for the execution of the project. The project company can choose the appropriate contractor, supplier, operator, bank or insurance company to sign the contract.

When the operating period of the concession agreement expires, the project assets and related rights are transferred to the government. The operation of this PPP mode is shown in Figure 1.

2.1. The concept and characteristics of PPP model in the field of ecological environment governance

2.1.1. The concept of PPP mode in the field of ecological environment

In the field of ecological environmental governance, the PPP model is aimed at improving the quality and efficiency of environmental administration. Through the introduction of social capital in the field to environmental governance and environmental co-service, government supervision and market mechanisms are combined to establish an innovative environmental protection cooperation system [3, p. 8-10].

Applying the PPP model to the field of environmental governance is an innovative management method for local governments in China to perform environmental functions. The government’s environmental protection departments and the private sector have established a contractual relationship to achieve cooperation in the field of environmental protection, attracting social capital to participate in the investment, construction, operation, and maintenance of environmental public products.

Table 1 / Таблица 1

PP operation mode [4, p. 24-30] / Режим работы ГЧП [4, с. 24–30]

Applicable item type	Title	Mode of operation	Concept	Contract period (Unit: Year)
New Project	BOT	Build-Operate-Transfer	The social capital party performs the financing, design, construction, and operation of the project, and when the project is completed, it will be handed over to the government in accordance with the contract	10-30
	BOOT	Build-Own-Operate-Transfer	Deformation of BOT operation mode, higher degree of privatization	20-30
Inventory items	BOO	Build-own-operate	Evolved from the BOT method. The main difference between the two is that under the BOO method, the social capital or the project company has the ownership of the project, but the binding clauses to ensure public welfare must be indicated in the contract. Generally, it does not involve the transfer of the project after the expiry date	Under normal circumstances, the contract period does not exceed 30 years
	TOT	Transfer-Operate-Transfer	The assets owned by the government are transferred to the social capital party in accordance with the contract, and the social capital party will maintain and operate the assets and return to the government party after a certain period of time	20-30
	ROT	Rebuild-Operate-Transfer	Based on the TOT model, the government has increased the operation mode of the project for the expansion and reconstruction	20-30
	O&M	Commissioned operation	The government retains the ownership of stock public assets, and only delegates the operation and maintenance responsibilities of public assets to social capital or project companies. The government pays the commissioned operating expenses to the social capital or the project company. The social capital or the project company is not responsible for the PPP operation of user services	≤8
	CM	Management contract	Transformation of entrusted operation. In this model, the social capital needs to be responsible for the operation and management of users	≤3

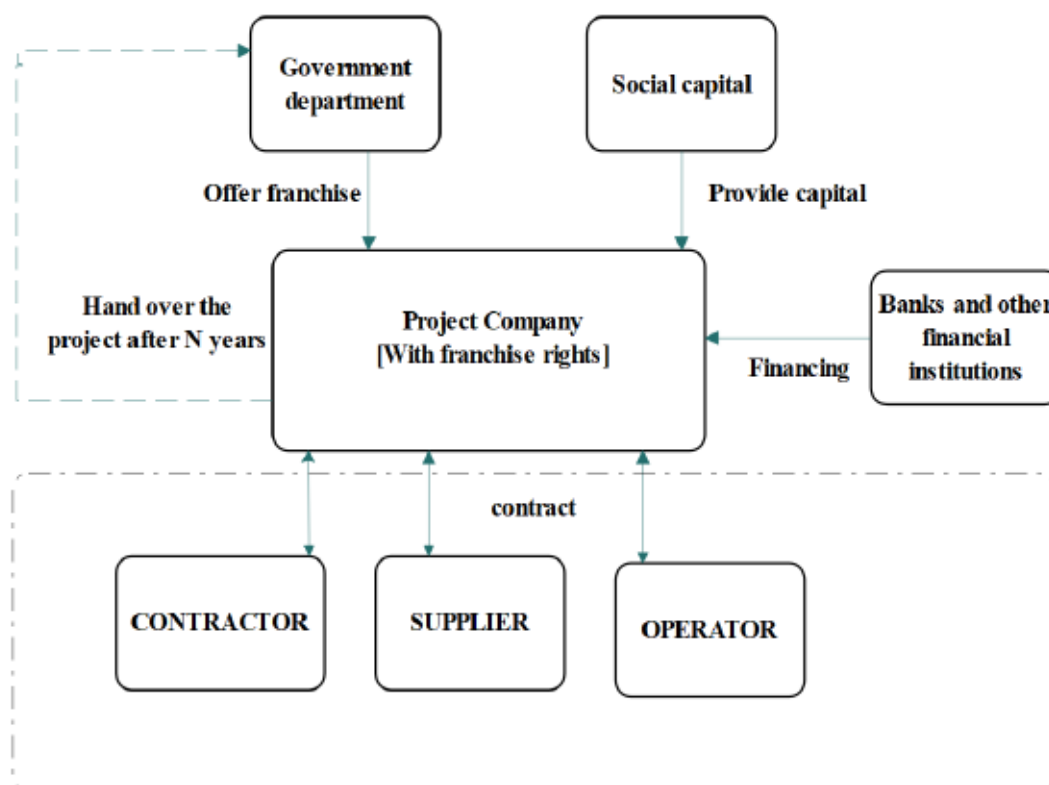

Fig. 1. PPP mode of operation [5, p. 75-76] / Рис. 1. Режим работы ГЧП [5, с. 75–76]

2.1.2. Features of PPP mode in the environmental field

In the field of environmental governance, the operation of the PPP model has three characteristics: strong public welfare, strong complexity, and strong technicality [6]. It is precisely because of the three characteristics mentioned above that most of the projects in the field of environmental governance are led by the government or take full responsibility for the whole process of project construction, and social capital rarely participates. Therefore, in the process of implementing the PPP model for projects in the field of environmental governance, it is necessary to combine the actual situation of the project and its own characteristics, and to target the expected results, and then choose an economically feasible implementation plan.

2.2. The main operation mode of the PPP model of China's ecological environment governance project

According to the "China Eco-Environmental PPP Development Report (2019)", it shows: the operation mode of the ecological environment PPP storage project is mainly BOT mode, (Build-Operate-Transfer). The number of projects operated by the BOT model accounted for 72.6 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 74.6 % of the total investment scale of the projects in the database. The number of projects operating under the TOT+BOT model accounted for 6.3 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 6.1 %. The number of projects operated by the TOT (Transfer-Operate-Transfer) model accounted for 4.0 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 2.0 %. The number of projects operated by the ROT (Renovate-Operate-Transfer) model accounted for 3.5 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 1.4 %. The number of projects operated by the BOO (Building-Operation-Transfer) model accounted for 1.4 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 0.9 %. The number of projects operating in the O&M (Operations & Maintenance) mode accounted for 0.7 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 0.2 %. The number of projects using other modes of operation accounted for

11.5 % of the total number of projects in the database, and the investment scale accounted for 14.8 % [7, p. 23-24]. As shown in Figure 2.

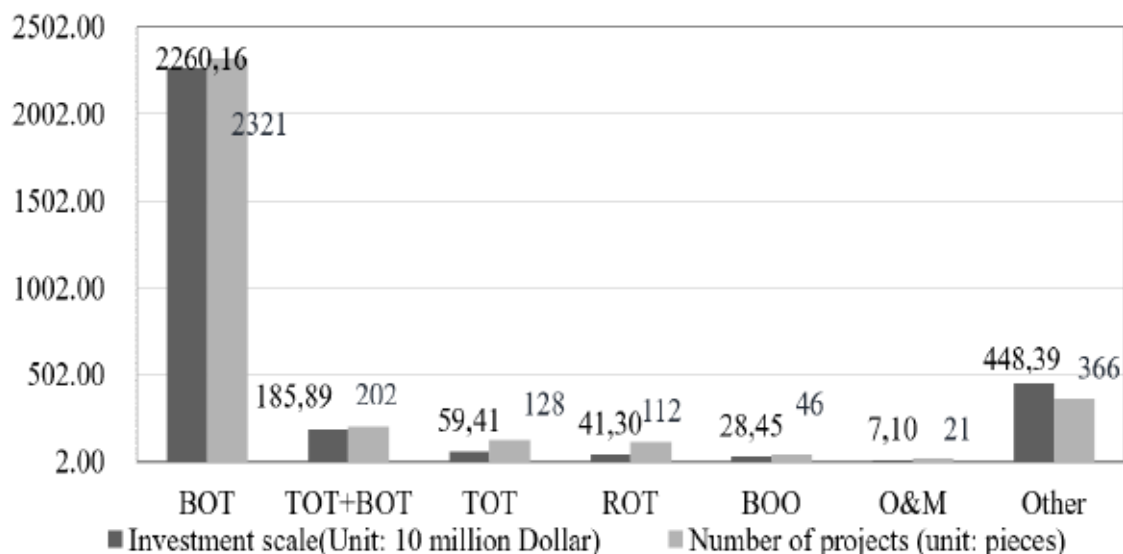

Fig. 2. The operation mode of China's ecological environment PPP projects [7, p. 24]
 / Рис. 2. Режим работы проектов ГЧП в области охраны окружающей среды в Китае [7, с. 24]

Eco-environmental governance PPP projects usually have the characteristics of large investment amount, long capital payback period, single return channel, high risk and uncertainty, etc. The most prominent feature of the BOT model is that the government authorizes the project company in the form of a concession agreement, and the project company designs, constructs, operates and maintains the entire project. During the concession period, the project company will repay the loan and obtain reasonable profits through the preferential policies given by the local government and the income from the operation of the project. The BOT model is mainly used in some infrastructure projects with large investment, long construction period and profitable operation. It is suitable for ecological environment governance projects, so this model is mostly used in ecological environment PPP projects.

2.3. The status of China's environmental protection industry adopting the PPP model

As of the end of 2019, a total of 1688 PPP projects in the country's ecological environment have been transacted, with a total investment of \$17,803 billion, and the most transacted projects initiated in 2015-2018. Due to the lack of economy and efficiency in the application of the PPP model in the environmental field, the PPP policy has also been tightened, showing a significant downward trend in 2018 and 2019. 2018 and 2019 showed a significant downward trend [7, p. 32]. As shown in Figure 3.

As of the end of 2019, the overall transaction rate of eco-environmental PPP projects was 52.82 %. Among them, the transaction rate of projects initiated in 2014-2016 exceeded 60%, and the transaction rate of 57.49 % was achieved when the number of initiated projects exceeded 1,000 in 2017. Since the implementation of the PPP standard policy, more attention has been paid to the quality of the ecological environment PPP projects, and the ecological environment PPP projects have gradually entered a standardized and steady development stage [7, p. 32]. As shown in Figure 4.

From the perspective of transactions in subdivisions, Comprehensive treatment projects have the largest investment scale, accounting for 56.64 % of the total investment in ecological environment PPP projects as of the end of 2019. Sewage treatment (including drainage) projects came in second, accounting for 25.42 %.

The total investment in waste treatment, waste-to-energy, wetland protection, and biomass energy projects are all relatively small, accounting for 6.67 %, 3.23 %, 2.17 %, and 0.09 % of the total investment in eco-environmental PPP projects, respectively [7, p. 35]. As shown in Figure 5.

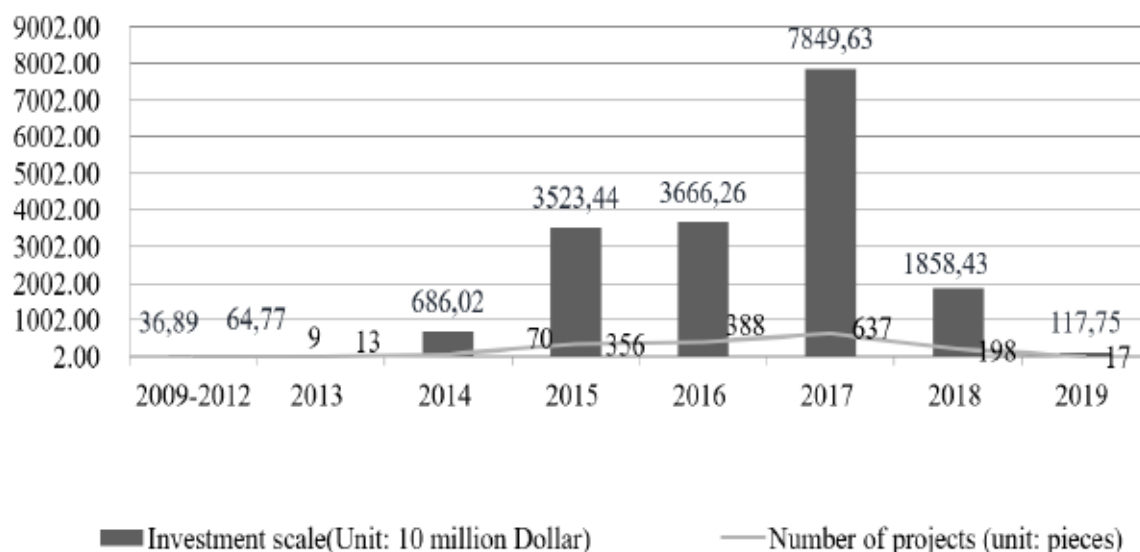

Fig. 3. The status of China's eco-environmental PPP transaction projects initiated in each year [7, p. 33] / Рис. 3. Статус проектов эколого-экологических сделок ГЧП в Китае, инициированных в каждом году [7, с. 33]

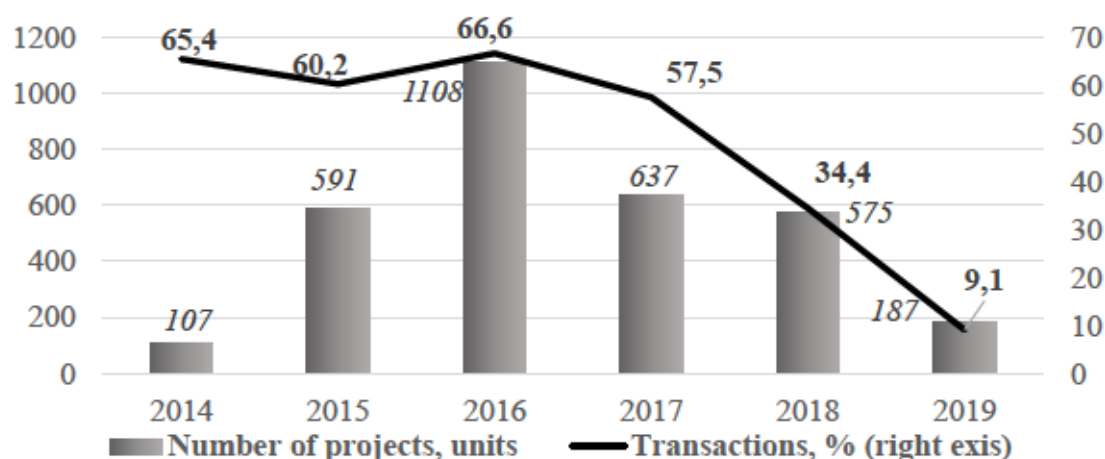

Fig. 4. 2014-2019 Transactions of China's ecological environment PPP projects [7, p. 33] / Рис. 4. Сделки по проектам ГЧП в области охраны окружающей среды в Китае в 2014–2019 гг. [7, с. 33]

3. The problems faced by Chinese local governments in applying the PPP model in environmental governance

In the environmental governance of China, the application of the PPP model is still in the stage of exploration and experimentation. There are still many problems with this new type of environmental governance. The main problems are as follows:

3.1. The systemization of laws and regulations related to the PPP model needs to be further improved

Complete laws and regulations are an important prerequisite for the effective operation of the PPP model. However, there are gaps and inconsistencies in the laws and regulations related to the PPP model in China.

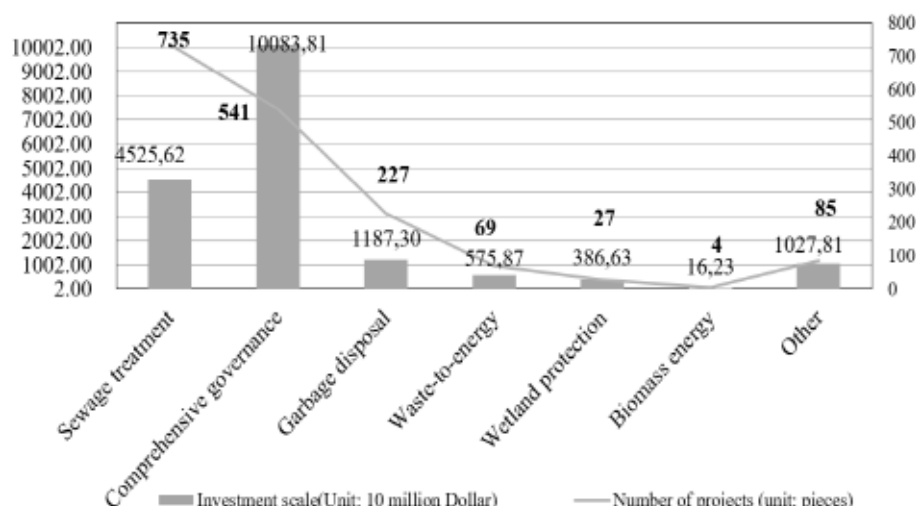

Fig. 5. Segmented areas, the number of transactions and investment scale of China's ecological environment governance PPP projects [7, p. 35] / Рис. 5. Сегментированные области, количество сделок и масштаб инвестиций проектов ГЧП по управлению экологической средой в Китае [7, с. 35]

At present, the “the Civil Code of the People's Republic of China” and the “Administrative Measures for Infrastructure and Public Utilities Franchising” stipulate the relevant content of the PPP model. The PPP project process is mainly based on the “Government Procurement Law” and the “Tendering and Bidding Law”. However, these laws are not comprehensive in terms of the relevant provisions of PPP. In the absence of legal norms and constraints, it is difficult to clarify the rights, responsibilities, and interests of relevant subjects of PPP projects and the scope of powers of relevant functional departments, which makes it more difficult to predict the risks of PPP projects, which in turn creates obstacles to the further promotion and development of the PPP model [8, p. 83].

3.2. The unsound social credit system hinders the sound development of environmental protection PPP projects

In the operation of environmental protection PPP projects, each participant faces the credit risk of other participants. As the main body of participation, the local government have the following risks:

First, government not paying on time. At this stage, under the background of greater financial pressure in various regions, there are problems in the payment of expenditures such as operating subsidies for PPP projects of local government departments. For example, during the cooperation period, the government has seen shrinking or even non-fulfillment of cash. However, to ensure the long-term operation of the project, the social capital side adopts a compromise attitude to the government to fulfill the risks. In addition, compared with the government, the social capital party is relatively in a weak position in the cooperation of PPP projects. When the local government exceeds the time agreed in the cooperation agreement and defaults on the environmental service fee compensation, the social capital party can often only advance in advance [9, p. 221-222].

At the same time, the government is also facing the credit risk of social capital. In the process of project bidding, it is very easy to produce vicious competition of low-price bidding. After winning the bid at a low price, some companies are pursuing profits, which may result in low project quality, or delay or even stop work to raise prices afterwards.

3.3. The contradiction between the public welfare of environmental governance PPP projects and the preference of social capital investment

The introduction of the PPP model in the environmental field is conducive to solving the problems of large financing volume and lack of mortgage guarantees for the construction of environmental protection infrastructure. However, due to the strong public welfare nature of environmental governance PPP projects, it is difficult to bring stable cash flow to the investment subject, or can only generate low returns [10, p. 102].

In addition, some large-scale environmental protection projects often have a long return on investment, and it is difficult to obtain benefits in a short period of time, such as ecological construction projects. Social capital is profit-seeking, and they prefer to invest in investment fields with high yields and short return periods. Therefore, environmental protection PPP projects with strong public welfare are not attractive to social capital. Even if there is a large amount of social capital, it is difficult to make up for the gap in environmental investment demand. The contradiction between the long duration of environmental protection PPP projects and the pursuit of short-term profits by social capital has also highlighted the problem of maturity mismatch in project financing. On the one hand, the project requires long-term stable capital investment; on the other hand, investors are more inclined to participate in the short-term due to the future uncertainty and liquidity of the project [11, p. 101].

4. Discussion

Suggestions made by the author for optimizing the application technology and socio-economic mechanism of PPPs in China's local government environmental governance projects

4.1. Create a legal environment for the sound development of the PPP model of environmental governance

In the process of legislative advancement, coordination and cooperation between different departments should be strengthened to ensure the integrity and unity of basic laws, regulations, and policies. For example, the China Development and Reform Commission issued the «Notice on Strengthening the Management of PPP Project Investment and Construction in accordance with laws and regulations». The six aspects of punishment for violations and dishonesty have made clear requirements and standardized the investment management procedures of PPP projects.

On this basis, combined with the problems in the practice of PPP in the environmental protection field, it is necessary to further improve the price mechanism, market access and exit mechanism, credit restraint mechanism and other supporting laws and regulations. For example, the “Provisions of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Trial of Administrative Agreement Cases” and “Government Accounting Standards No. 10-Government and Social Capital Cooperation Project Contracts” further clarify the nature of PPP agreements and expenditure responsibilities. With the implementation of the policy, China's PPP development will be more standardized, and it will also create a good policy and market environment for the development of ecological environment PPP.

4.2. Improve the social credit restraint mechanism to ensure the sound development of environmental protection PPP projects

It is very necessary to enhance the contract awareness of the government and relevant departments in PPP environmental protection projects. During the design phase of the project contract, government participants must thoroughly demonstrate and analyze the project to prevent unreasonable commitments. The content of the environmental protection PPP cooperation agreement is as standard and detailed as possible, and the rights and obligations of both parties should be clarified in the agreement, and the design responsibility and risk boundary should be clarified [12, p. 41].

For the social capital side, it is necessary to regulate their own behavior, especially in the process of project construction and operation, to clearly express their own demands, and they cannot blindly compromise in the face of government participants.

At the same time, the public needs to play their supervisory role and use a third-party credit evaluation system for evaluation, so that the government and social capital can be constrained in terms of credit, so that PPP environmental protection projects can proceed smoothly.

At present, the development of China's PPP environmental protection industry fund is still in its infancy, and it is mainly used for ecological construction and regional or watershed protection. In the future, the government should continue to improve the relevant supporting mechanisms for the operation of the PPP environmental protection industry fund, including investment return mechanisms, capital entry and exit mechanisms, and so on. The government promotes the development of green finance by guiding the green investment behavior of financial institutions and social investors [13].

4.3. Strengthen the supervision and management of environmental PPP projects to ensure the development of environmental benefits

PPP projects in the field of environmental protection require strong regulatory measures to ensure environmental benefits. In the contract design stage, the relevant regulatory requirements must be clarified to ensure the private capital's investment in the operation of the PPP project.

First, adopt the approach of environmental protection projects. Before the social capital implements resource development projects, it is necessary to build and ensure the normal operation of environmental PPP projects. Second, environmental PPP projects should focus on building a performance-based payment mechanism and pay based on pollution control effects or environmental benefits to ensure the environmental effects of project implementation. Third, regularly carry out performance evaluation of PPP projects to form a mechanism for the application of evaluation results. According to the evaluation results, the price or subsidy will be adjusted according to the contract. Performance evaluation should not only be on the social capital side, but also include government performance into the performance evaluation system to strengthen the government's performance of responsibilities. Fourth, establish an independent, transparent, accountable, and professional supervision system for government and social capital cooperation projects, implement information disclosure, encourage public participation, and form a multi-party supervision mechanism.

5. Conclusion

In the environmental governance of Chinese local governments, the use of the PPP model is still in the stage of exploration and experimentation. There are still many problems in this new environmental governance method.

First, the systematization of laws and regulations related to the PPP model needs to be further improved. Second, the imperfect social credit system hinders the healthy development of environmental protection PPP projects. Third, there is a contradiction between the public welfare of environmental governance PPP projects and the investment preference of social capital.

To optimize the application technology and social and economic mechanism of PPPs in China's local government environmental governance projects, the author puts forward the following suggestions: First, create a legal environment for the healthy development of the PPP model of environmental governance. Second, improve the social credit restraint mechanism to ensure the healthy development of environmental protection PPP projects. Third, strengthen the supervision and management of environmental PPP projects to ensure the full play of environmental benefits.

References

1. National Development and Reform Commission, People's Republic of China. Available from: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/gdzctz/tzfg/201412/t20141204_1197597.html [Accessed 15th May].
2. Li Kaimeng. PPP model innovation and sustainable development path selection. *Bidding Procurement Management*. 2018;(18):43.
3. Mo Luqun, Wang Miaomiao. Analysis of the operation mode of environmental governance PPP project. *Project Management Technology*. 2016;(16):8-10.
4. Zhao Fujun, Wang Hai. *China PPP Theory and Practice Research*. China Financial and Economic Publishing House; 2015:24-30.
5. Cao Bingyu, You Ruoying. The operation mechanism and main risks of my country's PPP model. *Journal of Hunan University of Economics*. 2016;(16):75-76.
6. Zhang Bibo. The PPP model of environmental governance: theoretical basis, realistic dilemma and standardized path. *Public Management Research*. 2019;(19):95-96.
7. Zhao Yunhao, Yang Jianmin. *China Ecological Environment PPP Development Report*. China Environment Press, 2020.
8. Wang Jun. Research on the Legal Issues of the Government in the Operation of PPP Projects. *Journal of Anhui Administration Institute*. (17):83.
9. Yue Jia. The application of PPP model in environmental governance. *Environmental Management*. 2019;(19):221-222.
10. Zheng Xiao Fang. Discussion on the Application of PPP Mode in Environmental Governance. *Finance and Taxation Aspects*. 2017;(17):102.

11. Wang Yu. The Development Status and Problems of PPP Projects in China. *Journal of Shanghai University*. (17):101.
12. Wang Runquan. On the Concept of Sustainable Development of my country's PPP Model. *Agricultural Development and Finance*. 2020;(20):41.
13. Hou Ling. Research on the Supervision Mechanism of the Government's Purchase of Environmental Public Services. *Environmental Protection Science*. 2017;(17):50-52.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. National Development and Reform Commission, People's Republic of China. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/gdzctz/tzfg/201412/t20141204_1197597.html (дата обращения: 15.05.2022).
2. Li Kaimeng. PPP model innovation and sustainable development path selection // *Bidding Procurement Management*. 2018. № 18 (6). P. 43.
3. Mo Luqun, Wang Miaomiao. Analysis of the operation mode of environmental governance PPP project // *Project Management Technology*. 2016. № 16(09). P. 8–10.
4. Zhao Fujun, Wang Hai. China PPP Theory and Practice Research. China Financial and Economic Publishing House, 2015. P. 24–30.
5. Cao Bingyu, You Ruoying. The operation mechanism and main risks of my country's PPP model // *Journal of Hunan University of Economics*. 2016. № 16 (02). P. 75–76.
6. Zhang Bibo. The PPP model of environmental governance: theoretical basis, realistic dilemma and standardized path // *Public Management Research*. 2019. № 19 (03). P. 95–96.
7. Zhao Yunhao, Yang Jianmin. China Ecological Environment PPP Development Report. China Environment Press, 2020.
8. Wang Jun. Research on the Legal Issues of the Government in the Operation of PPP Projects // *Journal of Anhui Administration Institute*. № 17 (01). P. 83.
9. Yue Jia. The application of PPP model in environmental governance // *Environmental Management*. 2019. № 19 (07). P. 221–222.
10. Zheng Xiao Fang. Discussion on the Application of PPP Mode in Environmental Governance // *Finance and Taxation Aspects*. 2017. № 17 (03). P. 102.
11. Wang Yu. The Development Status and Problems of PPP Projects in China // *Journal of Shanghai University*. № 17 (09). P. 101.
12. Wang Runquan. On the Concept of Sustainable Development of my country's PPP Model // *Agricultural Development and Finance*. 2020. № 20 (11). P. 41.
13. Hou Ling. Research on the Supervision Mechanism of the Government's Purchase of Environmental Public Services // *Environmental Protection Science*. 2017. № 17 (02). P. 50–52.

Information about the author

Deng Yue – Master of Law, Postgraduate, Faculty of Management.

Информация об авторе

Дэн Юе – магистр, аспирант, факультет менеджмента.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Original article

UDC 338.23

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-112-119

THE STRATEGY OF ENVIRONMENTAL PROTECTION OF CHINESE REGIONS IN THE CONTEXT OF ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Ni Libin¹, Elena I. Lazareva²✉

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ 871688596@qq.com, ORCID ID: 0000-0002-8329-589X

² elazareva@sfnu.ru✉, ORCID: 0000-0001-5829-5372

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing importance in the global environmental deterioration conditions of the ecological efficiency of modern regional economy subjects' management decisions, the priorities of which are increasingly shifting in the direction of people and their quality of life. Strategic policy in the field of environmental protection plays an important role in achieving the goals of sustainable development of Chinese regions. The aim of the study is to analyze the current situation and to propose priority directions for the formation of environmental protection strategy, ensuring the increase of sustainability of regional systems of the People's Republic of China. A comparative analysis of the level of air pollution in the cities of Chinese regions, as well as of strategic measures to reduce it was conducted. The results of the analysis are confirmed by relevant statistical data. A number of key problems in the formation of strategic policy in the field of environmental protection have been identified. The principles of formation of the strategy to overcome the identified problems in the context of new global challenges are proposed. The necessity of forming ESG – oriented environmental protection strategies of Chinese regions are substantiated.

Keywords: environmental protection strategy, sustainable development, regional management, environmental management, regions of China

For citation: Libin N., Lazareva E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):112-119.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

УДК 338.23

СТРАТЕГИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ РЕГИОНОВ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ни Либинь¹, Елена Иосифовна Лазарева²✉

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ 871688596@qq.com, ORCID: 0000-0002-8329-589X

² elazareva@sfnu.ru✉, ORCID: 0000-0001-5829-5372

Аннотация. Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью в условиях глобального ухудшения экологической ситуации эколого-экономической эффективности управленческих решений субъектов современной региональной экономики, приоритеты которой все в большей мере смещаются в направлении человека и обеспечения его качества жизни. Стратегическая политика в сфере охраны окружающей среды играет важную роль в достижении целей устойчивого развития китайских регионов. Цель исследования – проанализировать современную ситуацию и предложить

приоритетные направления формирования стратегии охраны окружающей среды, обеспечивающей повышение устойчивости развития региональных систем Китайской Народной Республики. Проведен сравнительный анализ уровня загрязнения атмосферы в городах китайских регионов, а также стратегических мер по его снижению. Результаты анализа подтверждены актуальными статистическими данными. Выявлен ряд ключевых проблем формирования стратегической политики в сфере охраны окружающей среды. Предложены принципы формирования стратегии преодоления выявленных проблем в условиях новых глобальных вызовов. Обоснована необходимость формирования ESG – ориентированных стратегий охраны окружающей среды китайских регионов.

Ключевые слова: стратегия охраны окружающей среды, устойчивое развитие, региональный менеджмент, экологический менеджмент, регионы Китая

Для цитирования: Libin N., Lazareva E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 112–119.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Introduction

As an important direction of economic transition, sustainable development has been the basic national strategy in China since 1994. Up to now, the investigations on the aspects of social, ecological and economic development were independent, which makes it difficult to explore a mode that can cooperate with the three aspects. Many scholars in China were making efforts to investigate the sphere of technology and law. Few people paid attention to the relationship between the smog problem and the sustainable development.

The balance of social, ecological and economic sustainable development is the central idea of the sustainable development concept [1-3]. In the process of the economic development in China, the ecological degradation and environmental protection came in alternation. From 2013, the smog which hanged the skyline has been a headache to the Chinese government. Figure 1 reflects the air quality of the big cities of China in 2018. The smog threatened the health of people and hindered the local economy to some extent. Influenced by the smog problem, many factories and construction sites were suspended immediately by the local government.

An environmentally sustainable economy – an eco-economy – requires that the principles of ecology establish the framework for the formulation of economic policy and that economists and ecologists work together to fashion the new economy [4]. It is noteworthy that China's president Xi Jinping coined the phrase "Clear waters and lush mountains are invaluable assets" to show the importance of sustainable development.

The Chinese government issued the "Action Plan for Air Pollution Prevention and Control" to control the fog in order to balance the relationship between smog control and economic development. The policies include: adjustment of economic structure, vehicles restrictions, support of environmental industry, the control of dust emission, the closure of pollutant factories, the suspension of construction sites, reform of energy policy, etc.

After five years' effort, the China Center for International Economic Exchanges and Social Sciences Academic Press issued *Blue Book on Sustainable Development: Evaluation Report on the Sustainable Development of China* in 2019. According to the blue book, China's sustainable development has steadily improved, which means that the policies adopted by the government have taken effect.

The COVID-19 pandemic and the new economic situation have made adjustments to the strategic plans for implementing a sustainable development strategy for Chinese regions.

The purpose of this article is to determine whether the continuation of the chosen environmental protection strategy in conditions of instability is effective, based on the analysis of problems of formation of strategic policy in this area and the justification of the principles of formation of the strategy to overcome the identified problems in the context of new global challenges.

Materials and Methods

The main objective in this study is China's environmental protection strategy. China's environmental development policies can be traced back to 1973. The relevant strategies and policies have moved

from environmental protection to the construction of an eco-civilization. China's development history of environmental protection strategies makes itself representative.

This article analyzes the relationship between environmental protection strategies and sustainable development goals by using the methods of literature research and quantitative analysis.

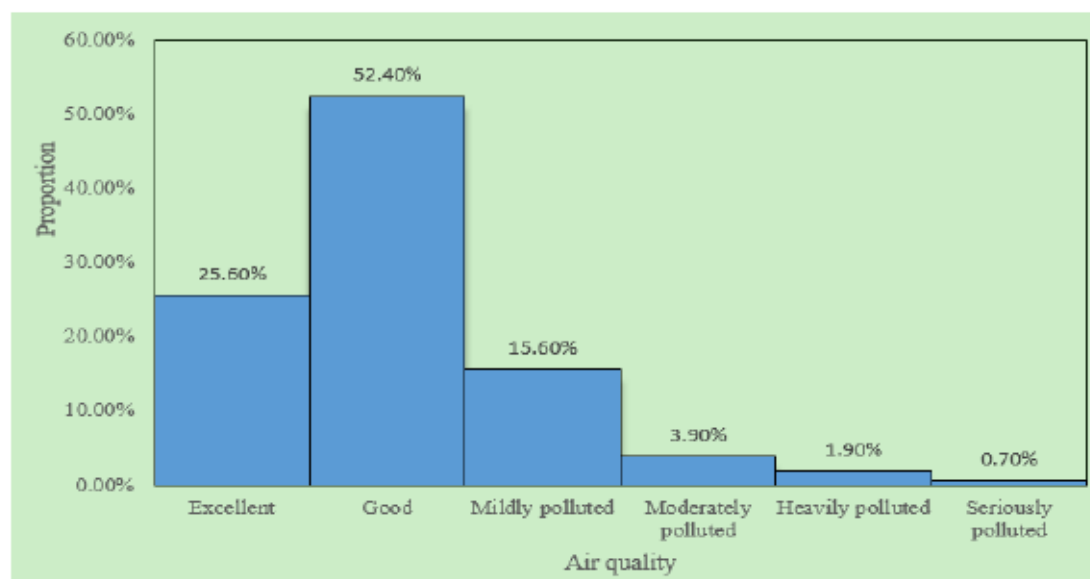

Fig. 1. Air quality levels in 338 cities of China, 2018 [5]
/ Рис. 1. Качество воздуха в 338 городах КНР, 2018 г. [5]

Materials and Methods

The main objective in this study is China's environmental protection strategy. China's environmental development policies can be traced back to 1973. The relevant strategies and policies have moved from environmental protection to the construction of an eco-civilization. China's development history of environmental protection strategies makes itself representative.

This article analyzes the relationship between environmental protection strategies and sustainable development goals by using the methods of literature research and quantitative analysis.

Results and Discussion

Smog is a brand-new concept in China. Smog is a type of intense air pollution. The word "smog" was coined in the early 20th century, and is a contraction of smoke and fog to refer to smoky fog. This kind of visible air pollution is composed of nitrogen oxides, sulphur oxides, ozone, smoke and other particulates. It consists of PM 2.5 particles and PM 10 particles. These particles will cause cardiovascular, respiratory diseases and lung cancer.

The World Health Organization recommended a PM 2.5 standard of no more than 10 micrograms per cubic meter. However, some northern cities in China averaged 700 micrograms and could spike up to 1000 micrograms per cubic meter. Smog covered one seventh of China's land. In this situation, the pursuit of economic development without curbing ecological degradation would lead to the tragedy of London smog crisis in China.

Many economic scholars held that the essence of smog belongs to the sphere of economics due to the next two reasons. Firstly, economic development results in the smog pollution, which is illustrated in Figure 2. Secondly, the smog pollution has a negative influence on the economic development. Therefore, the cause of the smog problem has to be analyzed from the sphere of economics.

Before 2013, the economic development was featured by its extensive mode. Relying excessively on resources, the extensive development mode was not based on the social-ecological-economic sustainable development structure. In essence, as an inherited problem of the planned economy, it is char-

acterized by anti-ecology. This has created a distorted economy that is out of sync with the earth's ecosystem – an economy that is destroying its natural support systems [6, 7].

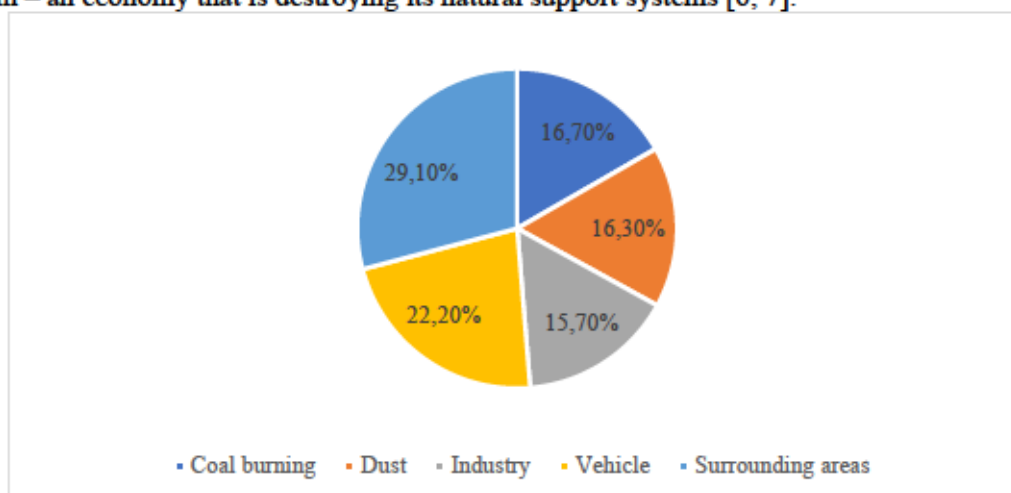

Fig. 2. Sources of smog in 338 cities of China, 2018 [5]
 / Рис. 2. Источники смога в 338 городах КНР, 2018 г. [5]

Early in 1995, the Chinese government put forward the proposal that the extensive economic development mode had to be transformed to intensive economic development mode. Twenty years later, China still did not get rid of the extensive economic development mode marked by high pollutant and low efficiency. Just as Lester Brown said, the market economy would be destined to collapse if it did not obey to the ecological principal. With the development of the economy, many environmental problems appeared, such as the sandstorm, acid rain, smog, etc. If the Chinese government ignores the environmental pollution, then the market economy does not last long.

China's energy structure used to be featured by the single structure of energy and low energy utilization. The lopsided energy structure was not only the main cause of China's smog problem, but also the impeding force of the control of smog.

On one hand, China's backward processing technology and low utilization of coal made the situation even worse. On the other hand, China did not have abundant petroleum and gas, and the technology of extracting oil and gas needed to be improved. This is why the coal was widely used as the main energy in China.

Figure 3 shows that China was rich in coal mine which had an absolute advantage in China's energy structure for a long time, accounting for more than 66%. Compared to other energy such as gas and petroleum, the emission quantity of carbon dioxide caused by burning the coal was higher. Relevant research showed that 90% of sulfur dioxide and 67% of nitrogen oxides in China are from coal-burning emission. And sulfur dioxide and nitrogen oxides are the important components of smog.

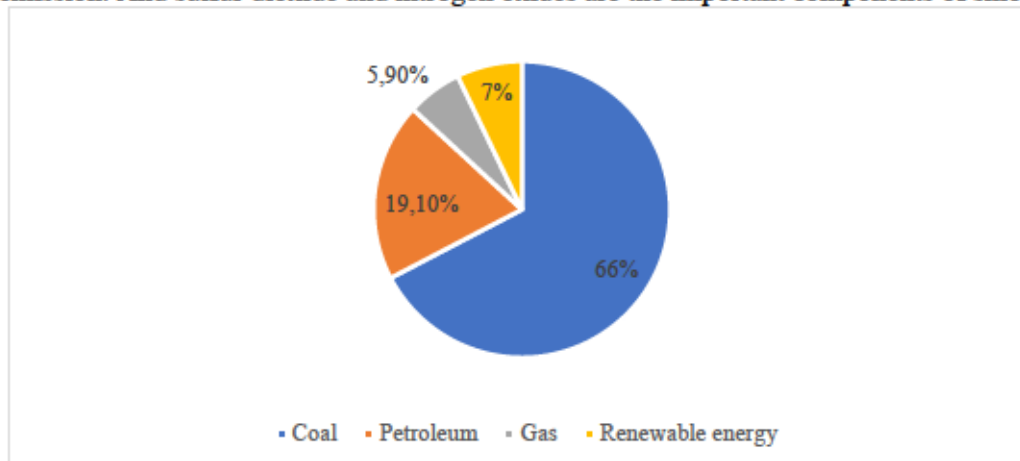

Fig. 3. The structure of the PRC's energy supply, 2018 [8]
 / Рис. 3. Структура энергообеспечения КНР, 2018 г. [8]

In 2013, the number of private cars in China was 137,000,000, with an increase of 11,000,000 cars per year. With the improvement of people's living standard, their demand for cars was increasing. According to a survey made by the government in 2016, the source of PM 2.5 in the cities was mainly the exhausted gas of the vehicle. More cars meant that there would be more traffic jams, which could make the situation even worse. The smog in the center of the city was more serious than that of the suburbs, which was called the urban heated island effect. The urban heated island effect added the smog.

Consequently, many people who lived in the crowded and polluted northern cities chose to move to the southern China. Then the local real estate economy in southern China was stimulated. However, the emergence of massive construction site increased the density of PM 10, which threatened the local environment. Afterwards, many southern cities in China implemented the policy that non-local people were not allowed to buy an apartment there.

Influenced by the smog that kept shrouding a high rise, the transition from traditional economy to eco-economy was high on China's agenda. Building a new economy involves phasing out old industries, restructuring existing ones, and creating new ones is necessary to change the traditional economy [9]. In nature, China has been always developing eco-economy in the recent years because eco-economy is the inevitable choice of sustainable development. But the relevant law and regulation had not been enforced completely because some local governments were unwilling to give up the economic benefit they had got from the traditional economic mode. Not until the thick layer of smog hit the cities and endangers both the health of human being and economy, did the government determine to solve the problem of environmental pollution in order to achieve sustainable development. If the economy is a subset of the earth's ecosystem, as this book contends, the only formulation of economic policy that will succeed is one that respects the principles of ecology [10, 11].

In 2013, the State Council published the "Action Plan for Air Pollution Prevention and Control". Directed by this policy, the government abolished the traditional coal burning industry, shut down the heavy pollutant enterprises and carried out the upgrading project of pollution control facilities in key industries such as steel, cement, etc.

The emergence of smog kept increasing the positive entropy which is an important concept to the second law of thermodynamics. In a closed system, the use of matter-energy causes a one-way flow from low entropy resources to high entropy resources; from order to disorder. As an energy resource, for example, is used, the amount of work that energy can do is diminished [12, 13]. Positive entropy represents the factors that aggravate the smog in environment, such as the chemical plant, power plant, construction site, etc. Negative entropy represents the human being's force to normalize the state of disorder. According to the second law of thermodynamics, the smog could be seen as the state of disorder. The purpose of smog control was to transform the state of disorder into the state of order. In other words, the policies made by the government should decrease the positive entropy and increase the negative entropy.

In 2005, with the approval of the State Council, the National Development and Reform Commission of the People's Republic of China issued the *Guiding Catalogue of Industrial Restructuring (2005 Edition)*. In the year of 2011 and 2019, the 2011 edition and 2019 edition were published respectively. The 2019 edition has 1477 items, including 821 encouraging items, 215 restricted items and 441 eliminated items. The key points of revision are as follows: promoting high quality development of manufacturing industry, promoting the formation of a strong domestic market, eliminating ineffective supply, enhancing the scientific and standardized level.

In this background, the government strengthened scientific and technological research and development so as to change the present situation of the industrial structure. Meanwhile, the government accelerated the elimination of outdated production capacity in fields such as electricity, coal, calcium carbide, iron and steel, non-ferrous metals, construction materials and light industry [14].

The adjustment of industrial structure is a process that develops from the low stage to the high stage. In the initial phase of economic upswing, the adjustment of industrial structure and sustainable development have not formed the basic contradiction. With the high-speed development of economy, the contradiction shows itself. The optimal industrial structure based on the continuous adjustment of industrial structure is an important vehicle to achieve sustainable development.

From the perspective of industrial structure, China was still in the primary stage of industrialization. The secondary industry had made outstanding contribution to the national economy, but the ener-

gy consumption of the secondary industry also accounted for about 71% of the total energy consumption. The industrial structure has to be adjusted in order to achieve sustainable development.

As China steps into a “new era” of development, the next chapter is beginning for the country’s supply-side structural reform with a stronger focus on supply quality and economic rebalancing. In 2018, according to the Global Innovation Index, China ranked 17th among the top 20 most innovative countries. In addition to the traditional industries, the new industries created by the smog control were environmentally friendly. For the sake of emission reduction, the government encouraged the public transportation and implemented the same odd-even number plate rule, in which condition the shared bike and shared car appeared. The sharing economy is an economic model defined as a peer-to-peer activity of acquiring, providing, or sharing access to goods and services that is often facilitated by a community-based on-line platform. Nowadays, people can find shared parking lot, shared umbrella and shared portable battery.

The government also encouraged the enterprises to improve their ability to innovate and create. Thus, the high-tech industries presented themselves in China and formed the backbone of environmental industry. It is apparent that the high-tech industries can be a win-win opportunity for both the economy and the ecology.

According to the “China Air Quality Improvement Report” released by the Ministry of Ecology and the Environment, the average density of PM 2.5 dropped by 42 percent across 74 cities compared with that in 2013. Though China’s success in smog control is praiseworthy, many problems have arisen in the process.

In 2013, the Chinese government introduced a 5 year (2013-2017) plan for Clean Air Action. The plan targeted PM 2.5 as the most urgent threat to public health, and it principally focused emission controls on primary particles and sulfur dioxide from coal combustion. As a result, PM 2.5 concentrations across urban areas of China decreased by 30-40% during 2013-2017. At the same time, however, surface ozone concentrations increased. Annual mortality attributable to surface ozone pollution in China is at present over 50,000 deaths [8].

Some scholars hold that the decrease of PM 2.5 density will aggravate the pollution of surface ozone. The purpose of smog control is to achieve sustainable development, but the result is opposite of what is expected. Surface ozone is an air pollutant that will harm people’s health and the production of crop. The problem of how to realize the “win-win” of PM 2.5 and ozone pollution control is a new challenge for air pollution control in China.

China’s policies have made a success in controlling the smog, but there are also many problems that appear in the process of smog control. Chinese government has to solve these problems in order to be more effective in smog control.

More and more cities implement the same odd-even number plate rule to restrict the vehicle and control the smog, which relieves the traffic pressure and makes contribution to the smog control [15]. However, except for some big cities such as Beijing and Shanghai where public transportation is well-developed, many cities still need to expand the public transportation network due to the ill-developed subway system.

The government implemented the vehicle restriction and encouraged people to commute by public transportation. As a result, many people choose to go to work by bus and more buses are stuck in the traffic jam at the peak hours. Though this policy helps to combat the smog, it also brings inconvenience to the commuter. If the government continues to implement this policy, then the public transportation network has to be completed. The complete and well-developed public transportation network will help to reduce the PM 2.5 density.

The closure of many pollutant factories and enterprises have led to the problem of unemployment. Taking the example of Hebei province in 2016, more than 200,000 people lost their job directly and 400,000 people lost their job indirectly because of the elimination of steel industry which is the backbone of Hebei province [16]. The unemployment will cause poverty, the rise of crime rate and social instability. If the government does not deal with the problem properly, the development of economy is impossible.

Conclusion

In today’s world, the sustainability of multi-level economic trends is largely determined not only by financial results, but also by social, the ability to influence the solution of societal problems. This trend is reflected in the formation of ESG – oriented strategies of economic and business management.

Given the nature of the new economic conditions, investment in environmental protection must be considered a central element of long-term plans for the development of the economy in the "new reality."

The process of introducing ESG (Environmental, Social, Governance) principles into development strategies, which determine the sustainability of multi-level decisions, is becoming increasingly important for the Chinese and global communities.

In 1994, China set down sustainable development as one of its national strategies. Up to 2013, China's sustainable development has lasted for several decades. However, in 2012, about 24,747,500 people in China were impoverished. China has no other solutions but to develop the economy. With large amount of pollutants discharging every day, the appearance of smog is inevitable.

China's toughest-ever measures to combat air pollution finally paid off. The rise of sulphur oxides discharges has been basically held in check. Smoke and dust discharges have been brought under effective control. Indicators of urban air quality routinely take a turn for the better. At the same time, though influenced by the unemployment caused by the closure of the factories and enterprises, the figure of impoverished people still dropped to 5,510,000 in 2018 after four years' effort. By the end of 2020, Chinese government will eradicate extreme poverty. Furthermore, China's economy is changing from "high-speed growth" to "high-quality development". China's sustainable development takes a step forward to defeat the smog.

Further modernization of Chinese environmental protection strategy should be carried out taking into account ESG factors, which will improve the environmental friendliness of the real sector and lay the investment potential of sustainable development projects being implemented.

References

1. Lazareva E.I., Khosroeva N.I. Innovative management of human development trends in Russian regions through the prism of global sustainable development goals. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova = Bulletin of the North Ossetian State University Named after K. L. Khetagurov*. 2020;(3):167-177. (In Russ.).
2. Lazareva E.I., Dong Y. Socio-ecological-economic evaluation of sustainability in managing regional development based on econometric modeling. *Drukerovskii vestnik = Drucker 's Bulletin*. 2020;(5):176-188.
3. Sun Q.P. The role of quality economic development in promoting environmental protection and ecological civilisation. *Contemporary Economic Management*. 2019;(41):9-14.
4. Joshua J. *China's Economic Growth: Towards Sustainable Economic Development and Social Justice*. Springer Nature; 2017.
5. *China's Ecological Environment Bulletin 2018*. Ministry of Ecological Environment. Available from: http://www.mee.gov.cn/ywdt/tpxw/201905/t20190529_704841.shtml [Accessed 10th April 2022].
6. Zhang K.M. Review of challenges and policies of environmental protection and sustainable development in China. *Journal of Environmental Management*. 2018;(88):249-261.
7. Jie Z.H. Historical changes in ecological protection in China in the 40 years of reform and opening up. *China Environmental Management*. 2019;(11):4-16.
8. *National Statistics Bureau (2020)*. National data. Available from: <https://data.stats.gov.cn> [Accessed 10th April 2022].
9. You J., Zhang B.S., Zeng M.L. Study on the Countermeasures of Green Finance to Support the Construction of Ecological Civilization. *Chinese Market*. 2021;(30):34-35.
10. Wu S.Z. Processes, characteristics and prospects of environmental strategy and policy development in China. *China Environment News*. 2019. Available from: <https://theory.gmw.cn> [Accessed 19th April 2022].
11. Zhang X.Y., Liu J.J. Retrospect and prospect of China's industrial structure policy over the past 40 years of reform and opening-up. *Reform*. 2018;(12):42-54.
12. Hanley N. *Environmental Economics in theory and practice*. London: Macmillan Press LTD; 1997:11-21.
13. Lazareva E., Gorbaneva O., Murzin A., Roshchina E. Socio-Ecological Potential Increment in the System of Innovation Economy Sustainable Management. *Proceedings – 2020 2nd International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA 2020)*. 2020:195-200.
14. Li Z.Q., Zhou Q.Y. Does upgrading the industrial structure help to promote carbon reduction? *Ecological Economy*. 2021;(8):34-40.

15. Li K. [et al.]. A two-pollutant strategy for improving ozone and particulate air quality in China. *Nature Geoscience*. 2019;(12):906-910.
16. Yang Y.J. [et al.]. A study on the measures to promote the job transfer of employees under the background of smog control. *Economic Forum*. 2015;(3):135-137.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарева Е.И., Хосроева Н.И. Инновационный менеджмент трендов развития человеческого потенциала российских регионов через призму глобальных целей устойчивого развития // Вестн. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2020. № 3. С. 167–177.
2. Lazareva E.I., Dong Y. Socio-ecological-economic evaluation of sustainability in managing regional development based on econometric modeling // Друкерровский вестник. 2020. № 5 (37). С. 176–188.
3. Sun Q.P. The role of quality economic development in promoting environmental protection and ecological civilisation // Contemporary Economic Management. 2019. № 41 (11). P. 9–14.
4. Joshua J. China's Economic Growth: Towards Sustainable Economic Development and Social Justice. Springer Nature, 2017.
5. China's Ecological Environment Bulletin 2018. Ministry of Ecological Environment. URL: http://www.mee.gov.cn/ywdt/tpxw/t201905/t20190529_704841.shtml (дата обращения: 10.04.2022).
6. Zhang K.M. Review of challenges and policies of environmental protection and sustainable development in China // Journal of Environmental Management. 2018. № 88. P. 249–261.
7. Jie Z.H. Historical changes in ecological protection in China in the 40 years of reform and opening up // China Environmental Management. 2019. № 11 (04). P. 4–16.
8. National data 2020. National Statistics Bureau. URL: <https://data.stats.gov.cn> (дата обращения: 10.04.2022).
9. You J., Zhang B.S., Zeng M.L. Study on the Countermeasures of Green Finance to Support the Construction of Ecological Civilization // Chinese Market. 2021. № 30 (28). P. 34–35.
10. Wu S.Z. Processes, characteristics and prospects of environmental strategy and policy development in China // China Environment News. 2019. URL: <https://theory.gmw.cn> (дата обращения: 19.04.2022).
11. Zhang X.Y., Liu J.J. Retrospect and prospect of China's industrial structure policy over the past 40 years of reform and opening-up // Reform. 2018. № 12 (09). P. 42–54.
12. Hanley N. Environmental Economics in theory and practice. London: Macmillan Press LTD, 1997. P. 11–21.
13. Lazareva E., Gorbaneva O., Murzin A., Roshchina E. Socio-Ecological Potential Increment in the System of Innovation Economy Sustainable Management // Proceedings – 2020 2nd International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency – SUMMA 2020. 2020. P. 195–200.
14. Li Z.Q., Zhou Q.Y. Does upgrading the industrial structure help to promote carbon reduction? // Ecological Economy. 2021. № 8 (37). P. 34–40.
15. Li K. [et al.]. A two-pollutant strategy for improving ozone and particulate air quality in China // Nature Geoscience. 2019. № 12. P. 906–910.
16. Yang Y.J. [et al.]. A study on the measures to promote the job transfer of employees under the background of smog control // Economic Forum. 2015. № 3. P. 135–137.

Information about the authors

Ni Libin – Postgraduate, Department of Innovation and International Management.
E.I. Lazareva – Doctor of Science (Economics), Professor, Head of the Department of Innovation and International Management.

Информация об авторах

Ни Либинь – аспирант, кафедра инновационного и международного менеджмента.
Е.И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой инновационного и международного менеджмента.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 23.05.2022; approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Original article

UDC 338.23

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-120-128

DIGITAL TRANSFORMATION AS THE SOURCE OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN CHINA

Elena I. Lazareva¹, Zhang Xiaowen²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ elazareva@sfnu.ru, ORCID: 0000-0001-5829-5372

² skyof45_gg@qq.com, ORCID: 0000-0002-5135-9764

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing global trends of transition from industrial to digital economy. The digital economy considers digital knowledge and information as a key factor of production, and the effective use of information and communication technologies as an important driver of fundamental changes in economic activity. Strategic policy in the field of digital transformation plays a key role in the transition to quality innovation-oriented development of China's economy. The aim of the research is to analyze current trends in the integration of digital technology into the real economy and to propose strategic measures to promote the development of the digital economy of the People's Republic of China. An analysis of relevant scientific sources was conducted. On the basis of this analysis three stages of digitalization of the Chinese economy were identified, the current trends of its digital transformation were investigated. A number of key problems in the formation of strategic policy in the field of digital transformation were identified. The principles of formation of the strategy to overcome the identified problems in the new economic environment have been proposed.

Keywords: digital transformation, digital economy, information and communication technology, strategic policies, the innovation-oriented development of China's economy

For citation: Lazareva E.I., Xiaowen Z. Digital Transformation as the Source of Economic Development in China. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):120-128.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

УДК 338.23

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ

Елена Иосифовна Лазарева¹, Чжан Сяовэнь²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ elazareva@sfnu.ru, ORCID: 0000-0001-5829-5372

² skyof45_gg@qq.com, ORCID: 0000-0002-5135-9764

Аннотация. Актуальность исследования определяется нарастающими в мире тенденциями перехода от индустриальной экономики к цифровой. Цифровая экономика рассматривает цифровые знания и информацию как ключевой фактор производства, а эффективное использование информационно-коммуникационных технологий как важную движущую силу фундаментальных изменений в экономической деятельности. Стратегическая политика в сфере цифровой трансформации играет ключевую роль в переходе к качественному инновационно-ориентированному развитию экономики Китая. Цель исследования – проанализировать современные тенденции интеграции цифровых технологий в реальную экономику и предложить стратегические меры содействия развитию цифровой экономики Китайской Народной Республики. Проведен анализ актуальных научных источников, на

основе которого выделены три этапа цифровизации китайской экономики, исследованы современные тенденции ее цифровой трансформации. Выявлен ряд ключевых проблем формирования стратегической политики в сфере цифровой трансформации. Предложены принципы формирования стратегии преодоления выявленных проблем в новых экономических условиях.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, стратегическая политика, инновационно-ориентированное развитие экономики Китая

Для цитирования: Lazareva E.I., Xiaowen Z. Digital Transformation as the Source of Economic Development in China // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 120–128.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Introduction

The effectiveness of economic actors' managerial decisions is especially important in the context of global instability, increased competition and innovation-digital transformations. Communication technologies used in the decision-making process influence this effectiveness greatly. The development of digital networks and clusters in which efficiency increases as the number of users grows, in combination with the institutional environment, has the most important manifestations in creating new models of managerial decision-making by rapidly developing economic subjects, which improve the organization of interaction of participants [1, 2].

In the 21st century, China's digital economy, based on Internet information technology, has achieved rapid growth, making it an important driving force of the economic system. According to the calculation of the task group of the China information society, since 2008, the scale of China's digital economy has grown from \$690 billion to \$3.8 trillion, with an average growth rate of more than 10% in the past five years, and its contribution to GDP keeps rising [3]. In 2016, the contribution of the digital economy to China's GDP is as high as 30%. In 2017, China's total digital economy reached 27.2 trillion yuan, accounting for 32.9% of GDP [4] (Figure). The development of digital economy is an inevitable path to promote economic transformation and upgrading, and also an important part of the implementation of the network power strategy.

The growth of the digital economy in the PRC, 2016–2018 [5]
/ Рост цифровой экономики в КНР, 2016–2018 гг. [5]

The development of cloud computing, big data, Internet of things, mobile Internet, artificial intelligence and other new generation information technologies is accelerating the deepening of global industrial division and economic restructuring, and reshaping the global economic competition pattern. China should seize the opportunity of a new round of differentiation and reorganization of global in-

formation technology and industry, make every effort to build core technology industry ecology, further promote the breakthrough of cutting-edge technology, realize the coordinated development of industrial chain, value chain and innovation chain, and promote the development of China's digital economy to a new level.

The COVID-19 pandemic and the new economic situation have made adjustments to the strategic plans for implementing the digital economy strategy for China.

The purpose of this article is to determine whether the continuation of the chosen digital economy strategy in conditions of instability is effective, based on the analysis of problems of formation of strategic policy in this area and the justification of the principles of formation of the strategy to overcome the identified problems in the context of new global challenges.

Materials and Methods

The main objective in this study is China's digital economy strategy. China's digital economy policies can be traced back to 1980's. The relevant strategies and policies have moved from information development to the digital transformation driven by big data artificial intelligence. China's development history of digital economy strategies makes itself representative.

This article analyzes the trends and new opportunities for development of China's digital economy by using the methods of literature analysis.

The digital transformation process of China's economy can be roughly divided into three stages: the first stage is the information development stage driven by computer and information communication technology. Since the 1980s and 1990s, the technology of computer and large-scale integrated circuit has been introduced into China. The electronic and information industry has been determined as a national strategy. Integrated circuit, computer, communication and software have become an important development field, promoting the wide application of electronic information technology. Ma Xiaobai et al. put forward the development strategy of digital services based on the operation status of the three major operators in China and the overall development environment of mobile Internet, big platform development strategy and big data development strategy are the three best strategic choices for operators to maintain sustainable development in the future [6]. However, the macro environment of national development and the operation status of the three major operators have changed greatly, as the rapid development of communication technology, and the three strategies proposed by them are not enough to adapt to the development of current technology and economic environment. Du Yajie et al. proposed that in the face of the current situation of saturated user market and stagnant development of voice message business, operators need to strengthen channel construction, form a modern marketing service channel strategic system with electronic channels as the main channel, physical channels as the auxiliary, owned channels and social channels combined, and O2O joint operation, so as to maximize channel benefits [7]. All of these clearly reflect the indestructibility of digital transformation in the initial stage in the battle against the survival of traditional market.

The second stage is the Internet driven digital transformation stage. After 2000, the Internet has been popularized and applied in the fields of business, government affairs and personal life. After 2008, with the rise and development of mobile Internet, mobile Internet once again promotes a new round of digital transformation and upgrading in many fields. Wu Suyan pointed out that the emergence of the concept of virtual strategy and its successful practice in various fields pose a strong challenge to the traditional economic theory, business philosophy and technological development methods [8]. Li Shaobo said "as the product of deep integration of industrial system and Internet system, industrial Internet is the key support for the transformation of manufacturing industry and other real economic fields to digitalization, networking and intelligence, and it is to promote the supply side structural reform of China to speed up the effective transfer of new and old driving forces is an important basis for achieving a country's high-quality economic development and improving people's livelihood" [9]. In 2017, for the first time, China put "digital economy" into the government's work report, which clearly stated that "in 2017, we should take greater steps to speed up the network and reduce the fees". In 2017, all domestic long-distance and roaming fees for mobile phones will be cancelled, the Internet access fees for small and medium-sized enterprises will be greatly reduced, the international long-distance telephone fees will be reduced, the in-depth development of "Internet +" will be promoted,

and the growth of digital economy will be accelerated to benefit enterprises and the masses [10]. Obviously, it has become the key strategy of national development to fully support the development of emerging industries and promote the transformation of traditional industrial production, management and marketing mode with new technology, new formats and new models.

The third stage is the digital transformation stage driven by big data artificial intelligence. In [11] Chen Yubo, director of the Internet development and governance research center of Tsinghua University of Economics and Management, points out that since March 2017, China has entered the stage of digital economic transformation driven by artificial intelligence (AI). In recent years, for reason the widespread application of the Internet, the data shows explosive growth, big data, cloud computing, Internet of things and other new generation of information technology have made great breakthroughs and progress, a large number of artificial intelligence application scenarios have been developed and mined, laying a good foundation for the development and application of artificial intelligence, and the digital transformation of China's economy is entering a new stage. In [12] Zhang Lili, an economic figure of the year in China's information industry in 2016, wrote: "in the new era represented by big data and the Internet, plus mobile and software definition, and plus ecology and artificial intelligence, with the transformation of economic growth pattern and the accumulation of information-based data, we should take big data application as the core, and on the way of enterprise Internet and intelligent management, it is the only way for manufacturing, operation and maintenance management in the future to use Internet artificial intelligence and other technologies for management". Similarly, Google's chief executive, Sandar Pichay said: "In the long run, our computing world is evolving from 'mobile first' to 'artificial intelligence first'. Deloitte says the age of cognitive technology is coming. According to McKinsey Global Research Institute, artificial intelligence is promoting social transformation, which is "10 times faster, 300 times larger and almost 3000 times more influential" than the industrial revolution [13].

Similar to the development of electronic information technology and the Internet in the previous two stages, a significant feature of big data AI driven digital transformation is the gradual penetration of digital process from the demand side to the supply side. China's Internet giants, led by Tencent, Alibaba, Baidu and Jingdong, have accumulated massive user behavior data from hundreds of dimensions such as consumption, social networking, travel, communication and payment, and developed core products to promote the application of Internet, big data and artificial intelligence in consumer goods, life services and other aspects. At present, the digital transformation of the demand side has a good foundation of expanding replication in the industry, and is gradually realizing the integration of cross industry and cross region development. Compared with the demand side, the digital transformation of the supply side is still in its infancy, especially the digital transformation of traditional industries such as industry, manufacturing, medical treatment, etc., which still has great potential and value.

Results and Discussion

Information technology has become the core force to promote the global industrial change, and constantly gather innovative resources and elements, interact and integrate with new business forms and new business models, and rapidly promote the transformation, upgrading and transformation of agriculture, industry and service industries. A new industrial economic development model is coming. The industrial information security development research center and social sciences literature press jointly published "The blue book of industry and information technology: the world information development report (2016-2017)" [14] and "The Research Report on the current situation and trend of China's digital talents (2017)" [15] which point out that the development trend of informatization in the future mainly includes the construction of information infrastructure, the integration of informatization and industry, the promotion of government service innovation and smart city construction by informatization, cyberspace security and governance, etc. It can be roughly analyzed from the following aspects.

First, global information technology innovation is accelerating day by day. The new generation of information technology represented by cloud computing, the Internet of things, big data, artificial intelligence and blockchain is booming, and innovation in advanced computing, high-speed Internet, intelligent perception and other technology fields is on the rise, while brain like computing, deep learning, machine vision, virtual/augmented reality and even unmanned driving, intelligent manufacturing, intelligent medical and other technology and application innovation are emerging in an endless

stream; facing the future. The establishment of new technology system is speeding up, and the focus of competition has changed from single product to technology product system and ecosystem. With the development of network, integration and systematization, the technology and product form in the information field in the global scope are constantly innovating and developing, and the evolution of technology and industry in the new stage is increasingly clear, and new platforms and models are constantly emerging.

Second, the global information technology industry pattern has entered a period of deep adjustment. The scale, frequency and scope of M & A integration of global information technology industry have reached new highs. Semiconductor industry giants have invested heavily to vertically integrate the scarce resources and key elements in the industrial ecological chain, and strive to build their own competitive advantages in industry and technology; Google, Apple, Facebook and other companies continue to acquire a large number of AI, intelligent hardware, application development, platform services and other companies, and traditional equipment and software giants integrate cloud computing, big data and Internet of things resources, seizing the development opportunities of new generation information technology such as artificial intelligence.

The third is the turning point of Internet popularization. At present, the global Internet popularization process is gradually slowing down, and this trend is expected to continue to be strengthened in the next few years. In [16] it is pointed out that information infrastructure has become a key carrier of economic and social development. With the continuous strengthening of comprehensive integration and seamless connection between the Internet of things, communication network and the Internet, people, people and things, things and things will achieve a more thorough perception, more extensive connectivity, more in-depth intelligence, and broad prospects for the transformation of infrastructure to intelligence. With the development of wearable devices, smart home, Internet of vehicles, smart city and other products and services, the number of devices connected to the network is increasing year by year. The change of access subject will have a profound impact on the technological innovation, application form and service ability of the network.

Fourth, the Internet is deeply integrated into urban informatization. Internet has gradually become a basic living space for people's social interaction, self-presentation, access to information, purchase of products and services. Internet of things plays a role in urban monitoring, intelligent transportation, environmental protection, resource management, public security, industrial monitoring, social services, smart home and other fields, and promotes the change of people's production, life and consumption patterns. Informatization promotes the intelligent management of the city. Intelligent resource management will make the management of basic resources such as water, electricity and coal more dynamic and intelligent. It is also mentioned in accelerating the popularization and deepening the application of intelligent integration - the new trend of global information development that "in the next few years, cities in major countries and regions in the world will further strengthen the information construction, intensively integrate and integrate all urban infrastructure by intelligent means, and create a more convenient and comfortable environment for citizens' clothing, food, housing, travel, travel and purchase" [16]. In [14] it is also pointed out that virtual reality technology will play a very important role in urban construction, for example, providing smart business solutions for urban pipeline construction, and seamlessly connecting with smart education.

After decades of development, China has made great progress in the basic software and hardware technologies and industries on which to develop the digital economy, and has initially formed a relatively complete industrial chain. In the next 10 years, thanks to the dividend effect of China's policy planning, the industrial structure upgrading effect driven by the new generation of information technology, the data resource endowment effect, and the international diffusion effect of China's model, China's digital economy will also usher in rapid development.

One is the upgrading effect of industrial structure driven by the new generation of information technology. At present, information technology has become the platform and hub for the integrated development of China's primary, secondary and tertiary industries. In the field of industrial production, information technology promotes the development of production in the direction of CO assimilation and intellectualization, and the comprehensive upgrading of design, process, equipment, management and service. Flexible manufacturing, network manufacturing, green manufacturing and intelligent

manufacturing continue to develop. Accurate prediction, lean production, fine management and precise marketing based on big data technology are fully developed, and production efficiency, product quality and economy are fully developed. In the field of service consumption, platform economy, sharing economy and experience economy are developing rapidly. Modern logistics, online financial services, data resource support and other supporting e-commerce elements continue to improve, and business model innovation based on new means of communication such as self-Media, online live broadcast, social network, micro video and so on continues to emerge. The development of digital economy ushers in a rare historical opportunity.

Second – data resource endowment effect. Data resources are the main driving force for the development of digital economy, and also the key factor to improve the intelligence level and operation efficiency of information society. They are regarded as strategic assets that determine the future competitiveness. China has a large market advantage with a large number of Internet users, excellent operation ability of network enterprises, rapid development of local Internet enterprises, high level of digitalization in the fields of network media, e-government, online banking, medical information, etc. These resources endowments give China unique advantages in data acquisition, data accumulation and data development.

Third – the international diffusion effect of the Chinese model. China's world economy one belt, one road, is still in the deep adjustment period after the financial crisis. China has relatively complete information industry chain and higher production capacity. With the deepening of information construction along the “one belt and one road”, China's Internet credit enterprises will face a rare growth opportunity.

Although facing the lifetime opportunity to develop the digital economy, we still need to see that there are still many problems in China, such as the information industry ecology has not yet formed, the core technology breakthrough is seriously restricted, and the lack of high-end talents, among which the further development and breakthrough of the core technology has been forced to eyebrow. We should start from the following aspects to further promote the development of China's digital economy.

First, strengthen the ecological construction of basic software and hardware industry. The basic software and hardware industry is the foundation of the healthy development of the digital economy. To develop basic hardware and software technology and industry, we need to focus on strengthening the construction of ecosystem, developing platform level products to build “micro-ecology”, promoting application demonstration in key areas to build “meso-ecology”, and guiding the development of basic hardware and software industry to build “macro-ecology”.

To develop “micro-ecology”, we need to build a relatively independent vertical ecology based on platform level products, through the connection between the underlying software and hardware and the upper application, such as big data platform, big computing platform, deep learning platform, etc.; in the construction of “meso-ecology”, we need to further actively expand the alternative application of the basic software and hardware equipment of important industry information systems. In some relatively closed environments, a “meso-ecology” of basic software and hardware technology and industrial development will be formed; in terms of industrial development, further efforts should be made to promote the development of leading enterprises and small, medium and micro enterprises in the information field, which is not only the requirement of building a “macro-ecology”, but also the internal driving force for the healthy development of the digital economy.

Second, it is suggested to continuously promote the research and development of cutting-edge technology in the information field. At present, a variety of computing paradigms in the field of information are gradually converging, and the development of information technology continues to expand, extend and evolve iteratively from the two dimensions of technology and service. After the development of single core, isomorphic multi-core and other different periods, the core chip is moving towards heterogeneous multi-core and brain like perception; the development of operating system is entering the third stage represented by cloud computing operating system, and accelerating to network, platform, integration and service-oriented; the database technology and system has also experienced the stages of relational database and distributed database, and is moving forward Cloud database and new database development. At present, major foreign Internet giants are speeding up the layout of new generation information technology and cutting-edge technology, trying to create a new ecosystem from the bottom to the application based on new chips, new operating systems, new databases, new networks, etc. in the near future, so as to rapidly open up new application fields and form new barriers to competition. In order to develop the

digital economy, China needs to make further efforts to develop core technology and equipment, promote as a whole, and do a good job in prospective technology research and development.

Third, further promote the coordination and cooperation of industrial chain, value chain, innovation chain and other links. The development of digital economy runs through the industrial chain, value chain, innovation chain and other links, involving scientific research institutes, enterprises, financial institutions, markets, governments and other multiple participating forces. In order to further promote the rapid development of the digital economy, all sectors need to find their own positions and strengthen coordination and cooperation. Give full play to the role of regional complementary elements, deepening division of labor and mutual aid of industrial chain and value chain; all links need to follow the market law, establish appropriate business model, actively participate in global innovation, exchange and cooperation, seize the opportunity of industrial development in the post mobile Internet era, solve the weak links and highlight the weaknesses in the development of China's digital economy; further cultivate We will strengthen the ranks of new entrepreneurs, carry forward the spirit of innovation, and promote the standardization, internationalization and industrialization of China's independent innovation achievements in information technology. We will further improve the construction of key information infrastructure, improve the network governance system, and maintain the leading edge. We will adhere to the problem-based approach, innovate the system and mechanism, and maximize the release of "digital dividends" so that the masses of the people can enjoy a digital presence There is a substantial sense of gain in the process of economic development.

Conclusion

The development of information technology can promote economic and social development. It speeds up the process of economic and social informatization, that gives full play to the important role of informatization in promoting the adjustment of industrial structure, improving the utilization efficiency of production factors, accelerating the R & D and application of high and new technology, innovating management methods and concepts, improving the quality of workers, etc., cultivates new economic energy, and promotes new economic development.

The development of information technology can promote the adjustment of industrial structure. The information technology industry is a series of technology clusters including information technology research and development, production, storage, application and so on. It should be increased investment, strengthen the construction of information infrastructure, promoted the deep integration of the Internet and the real economy, speed up the digitalization and intellectualization of traditional industries, expanded and strengthen the digital economy, optimized the industrial structure, and expanded new space for economic development.

The development of information technology is conducive to the innovation of management methods and concepts. The development of information technology has opened up working ideas, which can promote the innovation of working methods and the promotion of working efficiency. Relying on big data, cloud services and other technical means, the office is more intelligent and convenient, daily management and emergency command are more effective and convenient, and the level of governance and service can be greatly improved.

The development of information technology can better meet people's growing needs for a better life. The development of information technology can display the latest achievements in the development of China's e-government and digital economy, exchange experiences and views on the construction of Digital China, and further build consensus. It will certainly stimulate the enthusiasm, initiative and creativity of all sectors of the society in Building Digital China, promote information technology to better benefit the society and the people, and promote social progress and meet the growing beauty of the people Life needs play an increasingly important role.

References

1. Lazareva E.I. Models of strategic management of anthropoecological capital increment trajectories in the context of innovation and digital transformation of the economy. *Drukerovskii vestnik = Drucker's Bulletin*. 2019;(3):5-12. (In Russ.).

2. Lazareva E.I., Karaycheva O.V., Karaychev G.V., Frolova I.V. The Innovative Blockchain Technology Introduction into the Sharing Economy Subjects' Decision-making. *Impact of Disruptive Technologies on the Sharing Economy*. IGI Global. 2021:129-150.
3. *Digital economy: towards a new phase from quantitative to qualitative change*. ChinaInfo100 Research Group. Publishing House of Electronics Industry, 2018. Available from: <https://www.mckinsey.com/mckinsey/China> [Accessed 23th April 2022].
4. Xu Y. Analysis on the Strategic Advantages of China's Information Economy Development. *IT Manager World*. 2015;(20):15-21.
5. *China's Digital Economy 2019*. China Academy of Information and Communications Technology (CAICT). Available from: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190417344468720243.pdf> [Accessed 19th April 2022].
6. Xiaobai M., Xuesi S., Chao J. Research on Development Strategy of China's Communication Operators under the Impact of Mobile Internet. *Management Modernization*. 2015;(35):11-18.
7. Yajie D., Gongzhi L. How to Expand Profit Growth in Digital Age. *Communications Enterprise Management*. 2017;(7):32-38.
8. Suyan W. A New Technology and Economic Form – Virtual Strategy in Information Age. *Economic Issues*. 2001;(8):9-15.
9. Shaobo L. Industrial Internet: Key Support for Digital Transformation of Manufacturing Industry. *Industry Observation*. 2018;(1):18-24.
10. Ruosen Y., Xiangyang Q. Strategic Analysis on the Digital Transformation of Chinese Telecom Operators in the Era of Digital Economy. *Chinese Soft Science*. 2018;(4):16-21.
11. Yubo C. *Digital Transformation of China's Economy Driven by Artificial Intelligence – Research Report on Social Cognition and Application Needs of China's Artificial Intelligence*. Chinese Publishing House; 2018. Available from: <http://en.moe.gov.cn> [Accessed 23th April 2022].
12. Lili Z. Big data, artificial intelligence to promote industrial transformation and upgrading revolutionary significance. *Retail Today*. 2016;(2):21-26.
13. Guilong C. New Trends in World Informatization. *Application: Frontier of Innovation*. 2017;(4):29-36.
14. Libo Y. *Blue Book on Industry and Informatization: Annual Report on World Informatization (2016-2017)*. Industrial Information Security Development Research Centre; 2017. Available from: <https://theory.gmw.cn> [Accessed 19th April 2022].
15. Yubo C., Yefeng M. *Research Report on the Present Situation and Trend of Digital Talents in China*. Tsinghua University of Economics and Management; 2017. Available from: <https://www.sem.tsinghua.edu.cn> [Accessed 19th April 2022].
16. Jin L., Lijun W. Accelerating the popularization and deepening the application of intelligent integration – the new trend of global information development. *Versea View*. 2020;(12):27-33.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарева Е.И. Модели стратегического менеджмента траекторий приращения антропоэкологического капитала в контексте инновационно-цифровой трансформации экономики // Дружеровский вестник. 2019. № 3 (30). С. 5–12.
2. Lazareva E.I., Karaycheva O.V., Karaychev G.V., Frolova I.V. The Innovative Blockchain Technology Introduction into the Sharing Economy Subjects' Decision-making // *Impact of Disruptive Technologies on the Sharing Economy*. IGI Global. 2021. P. 129–150.
3. *Digital economy: towards a new phase from quantitative to qualitative change*. ChinaInfo100 Research Group. Publishing House of Electronics Industry. 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/mckinsey/China> (дата обращения: 23.04.2022).
4. Xu Y. Analysis on the Strategic Advantages of China's Information Economy Development // *IT Manager World*. 2015. № 20. P. 15–21.
5. *China's Digital Economy 2019*. China Academy of Information and Communications Technology (CAICT). URL: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/P020190417344468720243.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

6. Xiaobai M., Xuesi S., Chao J. Research on Development Strategy of China's Communication Operators under the Impact of Mobile Internet // Management Modernization. 2015. № 35 (5). P. 11–18.
7. Yajie D., Gongzhi L. How to Expand Profit Growth in Digital Age // Communications Enterprise Management. 2017. № 7. P. 32–38.
8. Suyan W. A New Technology and Economic Form – Virtual Strategy in Information Age // Economic Issues. 2001. № 8. P. 9–15.
9. Shaobo L. Industrial Internet: Key Support for Digital Transformation of Manufacturing Industry // Industry Observation. 2018. № 1. P. 18–24.
10. Ruosen Y., Xiangyang Q. Strategic Analysis on the Digital Transformation of Chinese Telecom Operators in the Era of Digital Economy // Chinese Soft Science. 2018. № 4. P. 16–21.
11. Yubo C. Digital Transformation of China's Economy Driven by Artificial Intelligence – Research Report on Social Cognition and Application Needs of China's Artificial Intelligence. Chinese Publishing House, 2018. URL: <http://en.moe.gov.cn> (дата обращения: 23.04.2022).
12. Lili Z. Big data, artificial intelligence to promote industrial transformation and upgrading revolutionary significance // Retail Today. 2016. № 2. P. 21–26.
13. Guilong C. New Trends in World Informatization // Application: Frontier of Innovation. 2017. № 4. P. 29–36.
14. Libo Y. Blue Book on Industry and Informatization: Annual Report on World Informatization (2016-2017). Industrial Information Security Development Research Centre, 2017. URL: <https://theory.gmw.cn> (дата обращения: 19.04.2022).
15. Yubo C., Yefeng M. Research Report on the Present Situation and Trend of Digital Talents in China. Tsinghua University of Economics and Management, 2017. URL: <https://www.sem.tsinghua.edu.cn> (дата обращения: 19.04.2022).
16. Jin L., Lijun W. Accelerating the popularization and deepening the application of intelligent integration – the new trend of global information development // Versea View. 2020. № 12. P. 27–33.

Information about the authors

E.I. Lazareva – Doctor of Science (Economics), Professor, Head of the Department of Innovation and International Management.

Zhang Xiaowen – Postgraduate, Department of Innovation and International Management.

Информация об авторах

Е.И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой инновационного и международного менеджмента.

Чжан Сяовэнь – аспирант, кафедра инновационного и международного менеджмента.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

Original article

UDC 338.24

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-129-136

CHINESE-RUSSIAN ENERGY GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF CARBON NEUTRALITY: CURRENT SITUATION, PROBLEMS AND PROMOTION PATHS

Wang Xiaohan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 275557347@qq.com,

ORCID ID: 0000-0002-1187-258X

Abstract. 2021 is a critical year for the transformation of China's energy industry. The path of clean and low-carbon energy has been determined, and the transformation of the energy industry is accelerated. China and Russia are both major energy countries and seek common interests in addressing climate change and energy cooperation. The relevance of this article is to analyze the current situation of energy cooperation between the two countries in terms of cooperation areas and other aspects by analyzing the research result from domestic and foreign researchers, and to identify the advantages and problems of energy cooperation by using SWOT analysis. The author proposes to explore and develop sustainable energy projects in Sino-Russian cooperation with the goal of "double carbon", which is the countermeasure and promotion path of future long-term sustainable energy cooperation between China and Russia.

Keywords: energy transformation, carbon neutrality, energy governance, Sino-Russian, project cooperation, sustainable development

For citation: Wang Xiaohan. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(2):129-136.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

УДК 338.24

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭНЕРГЕТИКОЙ В КОНТЕКСТЕ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: СИТУАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОДВИЖЕНИЯ

Ван Сяохань

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 275557347@qq.com,

ORCID ID: 0000-0002-1187-258X

Аннотация. 2021 год – критический год для трансформации энергетической отрасли Китая. Путь к чистой и низкоуглеродной энергетике определен, ускорена трансформация энергетической отрасли. Китай и Россия являются крупными энергетическими странами и стремятся найти общие интересы в решении проблемы изменения климата и энергетического сотрудничества. Актуальность данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать текущую ситуацию энергетического сотрудничества двух стран по направлениям взаимодействия в рассматриваемой области и другим аспектам путем анализа результатов работы отечественных и зарубежных исследователей, а также выявить преимущества и проблемы этого процесса с помощью SWOT-анализа. Предлагается исследовать и развивать проекты устойчивой энергетики в китайско-российском сотрудничестве с целью получения «двойного углерода», что является контрмерой и путем продвижения будущего долгосрочного сотрудничества в области развития устойчивой энергетики между Китаем и Россией.

Ключевые слова: энергетическая трансформация, углеродная нейтральность, энергетическое управление, китайско-российское сотрудничество, проектное сотрудничество, устойчивое развитие
Для цитирования: Wang Xiaohan. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 129–136.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Introduction

Climate change is one of the major global challenges facing mankind. After the “Paris Agreement” adopted at the Paris Climate Change Conference in December 2015. For the first time, it has made clear the overall goal of achieving carbon emission reduction in a global scale, which has received positive response from countries around the world. Researchers think that reducing carbon emissions are of great significance and is an important manifestation of developing a low-carbon economy. Improving carbon productivity is the core of developing a low-carbon economy and a response to climate change in the framework of a green economy [1, p. 1527-1559]. China is currently the world's largest carbon emitter and the second largest historical carbon emitter after the United States. Therefore, China has set the strategic goals of carbon peak and carbon neutrality as the core strategy to contribute to the world's zero carbon emission process.

In recent years, Sino-Russian energy cooperation has been developing at a high speed, especially in the fields of oil, gas and development of the Arctic region, where a large number of interstate cooperation projects have emerged. However, international oil, natural gas price and other energy price will fluctuate in the context of carbon neutrality in the new era. Fluctuations in energy prices may lead to some degree of economic restructuring in Russia. The continuous exploration of ways and means to transform energy cooperation has become the main focus of researchers from both countries. Research shows that technological advances are an effective means of reducing carbon emissions [2, p. 48-62]. However, the radical vision of controlling greenhouse gas emissions of the complete expense of economic growth are not in line with the current situation in Russia and China. Instead, a long-term development strategy with a low level of greenhouse gas emissions focused on improving the quality of life, modernization and increasing the competitiveness of the national economy should be developed. Gradually increasing natural gas, nuclear energy and cogeneration is the optimal path for the current and future Sino-Russian low-carbon cooperation [3, p. 15-25]. This trend also leads to the future cooperation between Russia and China towards the integration of the whole industrial chain of renewable energy cooperation.

Status and efforts of low-carbon cooperation between Russia and China

In the context of carbon neutrality and the COVID-19 epidemic, global primary energy consumption decreased by 4.5 % and carbon emissions decreased by 6.3 % in 2020. China is one of the few countries with an upward trend in all types of energy consumption of 2020 [4, p. 5]. As the second largest economy in the world, China needs to build a modern energy system that is clean, low-carbon, safe and efficient. The development of trade and economic relations between Russia and China is not only an important part of China's market diversification strategy, but also an important guarantee of China's sustainable economic development and energy market security [5, p. 1-6].

Currently there are 2 countries have already achieved carbon neutrality, 13 countries have written this target in law, 3 countries have proposed legislation, and 45 countries have issued policy documents. In addition, there are 79 countries and regions discussing carbon neutrality targets (Fig. 1). The Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB, suggests at 2020 Innovation Economy Forum that AIIB will not invest in any coal-related projects. At present, the competition for technological heights of many fields such as hydrogen energy, new energy vehicles and smart grids has become white-hot worldwide. Countries that can provide reliable, clean and reasonably priced electricity will have an advantage in the international industry chain competition. Achieving the goal of carbon neutrality is a far-reaching “project of the century” for all countries.

China's implementation of carbon peaking and carbon neutrality targets is a path to actively participate in global climate governance and build a community of human destiny. Table 1 summarizes the actions and efforts made by China in the carbon neutrality.

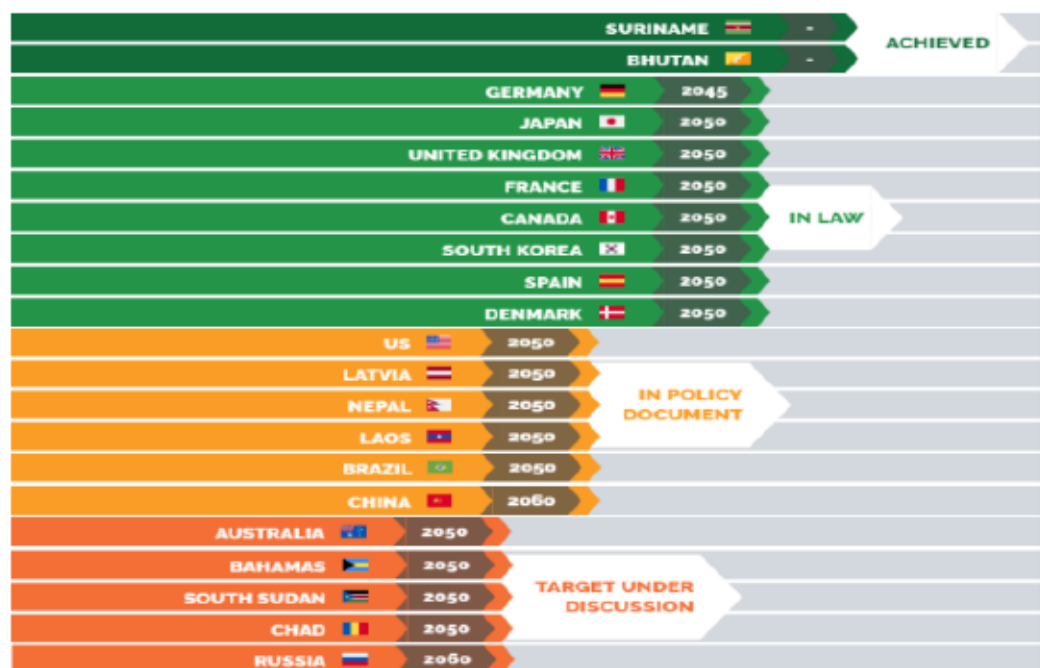

Fig. 1. Net zero emissions race 2021 scorecard. Compiled by the author based on [6] / Рис. 1. Система показателей гонки за чистыми нулевыми выбросами 2021 г. Составлено автором на основе [6]

Table 1 / Таблица 1

President Xi Jinping's speeches and policy documents on carbon neutrality strategy. Compiled by the author based on [7] / Выступления председателя Си Цзиньпина и программные документы по стратегии углеродной нейтральности. Составлено автором на основе [7]

Time	Names of important speeches and documents	Main content
September 22, 2020	Speech at the 75th session of the United Nations General Assembly	China should accelerate the formation of a green development and lifestyle, strive to peak CO ₂ emissions by 2030, and work to achieve carbon neutrality by 2060
November 22, 2020	G20 Leaders' Riyadh Summit side event on the theme of "Safeguarding the Earth"	China needs to step up efforts to address climate change and implement its carbon neutral commitments. Deepening the clean energy transition
December 21, 2020	White Paper on China's Energy Development in a New Era	Comprehensively promote the change of energy consumption; build a diversified and clean energy supply system; play the role of the first driving force of science and technology innovation; comprehensively deepen the reform of the energy system
January 25, 2021	Special address at the World Economic Forum's "Davos Agenda" dialogue	China will continue to implement a mutually beneficial and win-win opening strategy; continue to promote sustainable development; continue to promote scientific and technological innovation
March 5, 2021	2021 government work report of the State Council	Optimize the industrial structure and energy structure. Promote the clean and efficient use of coal, vigorously develop new energy, actively and orderly develop nuclear power under the premise of ensuring safety
April 22, 2021	Leaders climate summit	China's commitment to move from peak carbon to carbon neutrality in a much shorter period of time than that used by developed countries will require hard work on China's part. China supports places, key industries and key enterprises that are in a position to take the lead in reaching the carbon peak
October 27, 2021	White paper on China's policies and actions to address climate change	Continuously improve efforts to address climate change; firmly follow the green and low-carbon development path; increase efforts to control greenhouse gas emissions

China's annual carbon emissions grew rapidly after 2003, with about 10,251 million tons (mt) of carbon dioxide emissions in 2020 (Fig. 2). Coal remains the main source of CO₂ emissions of China. The electricity powers industry accounts for about 45% of direct CO₂ emissions (Fig. 3). China's peak carbon value of 2030 is predicted to be between about 10,000mt to 10,800 mt (Table 2).

Looking around the world, the U.S. and the EU have set the target time for carbon neutrality at 2050. The U.S. and EU had already achieved carbon peaking at 2005 and 1979, respectively [8]. This means that the U.S. has 45 years to achieve the carbon neutrality target and the EU has 71 years. However, China has only 30 years to achieve the target.

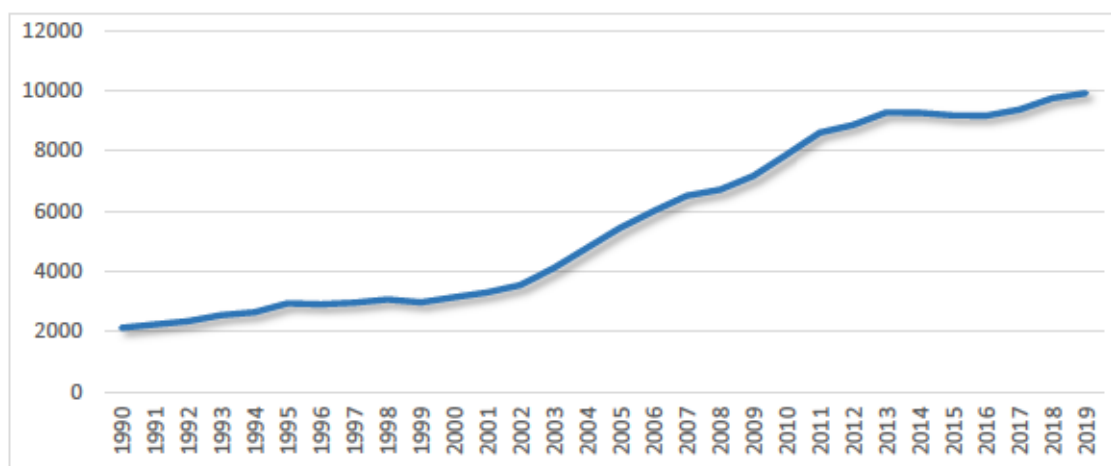

Fig. 2. China total CO₂ emissions trend 1990-2019, million tons. Compiled by the author based on [9]
 / Рис. 2. Динамика общих выбросов CO₂ в Китае за 1990–2019 гг., млн т. Составлено автором на основе [9]

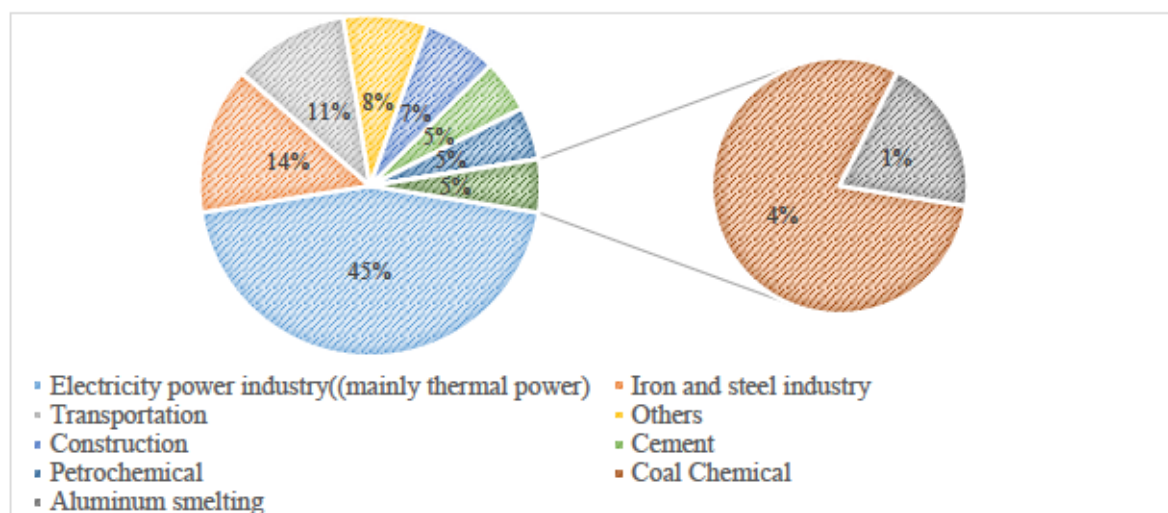

Fig. 3. Proportion of direct CO₂ emissions from energy consumption industries in China's industrial sector in 2020. Compiled by the author based on [10, p. 13-26] / Рис. 3. Доля прямых выбросов CO₂ от энергопотребляющих отраслей в промышленном секторе Китая в 2020 г. Составлено автором на основе [10, с. 13–26]

Table 2 / Таблица 2

China's 2030 carbon peaking range projection, million tons. Compiled by the author based on [11, 12] / Прогноз пика выбросов углерода в Китае на 2030 год, млн т. Составлено автором на основе [11, 12]

Database	Carbon emission intensity in 2030 is more than 65 % lower than in 2005	18 % reduction in carbon emissions intensity per five-year plan
China Carbon Emission Accounts & Datasets(CEADs)	10,800	9,900
British Petroleum(BP)	10,400	10,000

Therefore, China needs to move faster and more efficiently to achieve its goal of carbon neutrality. In the new policy development plan, China's traditional energy industry will face huge changes and challenges. From the perspective of China's resource endowment, coal resources are abundant, but oil and gas resources are relatively insufficient. It is not realistic to achieve energy transition in the short term, but only to explore a low-carbon transition path suitable for national conditions. Promoting the efficient and clean use of coal, accelerating clean energy substitution, and vigorously developing renewable energy and natural gas are realistic options for China to achieve the carbon neutrality goal. The situation is bound to bring new thinking and changes into the mode of Sino-Russian energy cooperation and future prospects.

As a major traditional energy exporter, Russia's decarbonization process is cautious and steady. Russia is the fourth largest emitter of greenhouse gases in the world and one of the world's largest exporters of hydrocarbons. Therefore, it is also more cautious than other industrialized countries in its actions against climate change. Currently a large-scale energy transition is not practical for Russia.

Table 3 shows the efforts and processes at the Russian government level towards carbon neutrality goals. On November 1, 2021, Russian prime minister Mishustin approved the "Strategy for the socio-economic development of Russia to achieve low greenhouse gas emissions by 2050" (Table 3). The Ministry of economic development of Russia plans to develop an action plan for the implementation of this strategy within six months. The future low-carbon policy orientation and the impact on the international environment will also bring profound changes in the trend of Russia's international cooperation.

Table 3 / Таблица 3

Russia policy documents on carbon neutrality strategy. Developed and compiled by the author based on [13, 14] / Российские программные документы по стратегии углеродной нейтральности. Разработано и составлено автором на основе [13, 14]

Time	Name of policy documents	Main contents
August 2020	The Ministry of Economy presents the "National climate project system concept"	Create conditions for green investments and reduction of the carbon footprint of Russian products. Considering preferential treatment for Russian companies committed to ecological conservation
May 2021	A draft Russian climate law	Introduce carbon offsets, carbon trading, emissions disclosure, and polluter accountability mechanisms; Sakhalin Oblast is a pilot region for a carbon trading system with the goal of making the region carbon neutrality by 2025
November 1, 2021	Russia socio-economic development strategy to achieve low greenhouse gas emissions by 2050	Russia will achieve lower greenhouse gas emissions in parallel with sustainable economic growth and plans to achieve carbon neutrality by 2060. Net greenhouse gas emissions of 2050 are 60% lower than in 2019. Support the application and expansion of low-carbon and carbon-free technologies, stimulate secondary energy use, and develop green finance

Sound diplomatic relations are the cornerstone of Sino-Russian energy cooperation. Sino-Russian geopolitical advantages provide a guarantee of energy cooperation between the two countries. The energy sources of Russia and China are complementary. China is an important developing country and for Russia, it is a high potential energy market. For China, Russia is the best energy importer. Strengthening energy cooperation is also a strategic need for the development of both countries.

Problems and challenges of Russian-Chinese energy cooperation

Sino-Russian Energy Cooperation lacks strategic planning. Although the energy cooperation between Russia and China has made progress, it still faces many problems and potential risks. Energy cooperation is a game between countries, not a simple commercial act. China and Russia have not established a long-term strategy for energy cooperation so far. Future cooperation will also be affected by the constraints on the international environment, energy prices and various other factors.

Take the Belt and Road Initiative and the Sino-Russian Polar Silk Road Initiative as opportunities to explore energy cooperation models more suitable for the international environment and the national condi-

tions of the two countries. The Russian-Chinese partnership focuses on energy cooperation, which is in line with global economic development and promotes regional economic trade. Energy cooperation as an opportunity and a grip is a way for China and Russia to become a community of interests.

Fierce competition from other developed countries. Political and economic threats from major powers such as the United States. Uncertainty of the prospects of oil and gas exploration in Russia. All of them bring a certain degree of threat to the future energy cooperation between China and Russia.

Table 4 / Таблица 4

Sino-Russian SWOT matrix of energy cooperation. Developed and compiled by the author
/ Китайско-российская SWOT-матрица энергетического сотрудничества. Разработано
и составлено автором

	Strengths(S)	Weaknesses(W)
Opportunities(O)	SO growth strategy Formulate the Sino-Russia energy development plan of the context of the Belt and Road Initiative and carbon neutrality	WO twist strategy Strengthen high-level communication between the two countries, negotiate price mechanisms and seek common ground while reserving differences
Threats(T)	ST diversified cooperation strategy Seize competitive opportunities and active energy trade market	WT defensive strategy Avoid cooperation risks and reduce cooperation disadvantages

The current energy cooperation between Russia and China should adopt a growth-oriented development strategy. Despite the general background of economic globalization and carbon neutrality goals, the main theme of cooperation and development cannot be changed. Based on the existing low-carbon energy development orientation, exploring new energy development paths to the future is an issue for both countries to consider.

Countermeasures and key projects for future Sino-Russian low-carbon energy cooperation

Sino-Russian energy cooperation is project-based. In the context of carbon neutrality, Russia and China should promote more low-carbon cooperation projects and contribute to the achievement of global sustainable development goals.

1. Raising the level of practical cooperation in nuclear energy

As a low-carbon, safe and clean energy source, the development and utilization of nuclear energy is of great significance of optimizing the energy structure and addressing climate change. In the long run, nuclear power is the only basic energy source that can replace thermal power on a large scale. On May 19, 2021, the leaders of China and Russia witnessed the groundbreaking ceremony of the two nuclear energy cooperation projects - Tianwan nuclear Power Plant and Xudapu Nuclear Power Plant via video link. The construction of units 7 and 8 of Tianwan nuclear power Plant and units 3 and 4 of Xudapu nuclear power plant are the largest nuclear energy cooperation project and the symbolic achievement of Russia and China. After these four nuclear power units are putting into operation, the annual power generation capacity will reach 37,6 billion kilowatt-hours (KWH), equivalent to an annual reduction of 30,68 million tons of carbon dioxide emissions [15, p. 42-43]. Since 1992, when China and Russia signed an intergovernmental agreement to open cooperation on the Tianwan Nuclear Power Plant, the two sides have developed a program of joint construction organization involving the nuclear power plant. The four generating units currently in successful operation have the best performance indicators in the world. The nuclear energy cooperation projects reflect the effort and determination of Sino-Russian cooperation in helping the country to achieve the goal of carbon neutrality.

2. Increasing cooperation in the natural gas business

Natural gas, as a low-carbon clean energy source among fossil energy sources, has an important role to play in the energy transition. The share of hydrocarbons in the world's energy consumption is expected to drop from 80-85% to 60-65% in the next 25 years. However, the role of natural gas, especially LNG, will increase from the context of declining oil and coal consumption.

President Putin has publicly stated his desire to increase Russia's liquefied natural gas (LNG), production capacity of 140 million tons per year by 2035 and to capture about 20% of the international market share [16]. The vigorous development of cleaner LNG cooperation projects is also a model of energy cooperation being

practiced by Russia and China. In the Arctic, the Yamal LNG project is already operating normally. On May 30, 2021, the fourth production line of the project was also successfully put into operation. The new project Arctic LNG 2 is now under construction. The total capacity of this project is about 19,8 million tons of LNG per year, and the first production line is expected to be commissioned to 2023. LNG projects will become an advantageous direction for future Russian-Chinese low-carbon energy cooperation.

3. Jointly exploring cooperation on carbon management and carbon emission markets

China launches pilot carbon emissions trading in 2021, and Russia is also conducting a pilot in Sakhalin oblast and participating in the development of accounting and assessment of greenhouse gas emissions and absorption in preparation for the launch of carbon emissions trading operations [17, p. 1-5]. In the future, the two countries can cooperate in the carbon emissions trading market to conduct carbon trading and provide green credits. In addition, China and Russia can also strengthen and synchronize the cooperation in carbon regulatory system. At the same time, the main body of Sino-Russian energy cooperation are the enterprises of both countries, ensuring the economic basis of enterprise cooperation, which is the core of practical cooperation. Therefore, government departments of both countries should create a favorable environment for cooperation and innovation, guide and promote energy enterprises of both sides to expand their investments and promote the quality of cooperation.

Conclusion

Carbon peak and carbon neutral targets are set by China and Russia, which are in line with the strategic goals of international sustainable development. The target brings challenges and opportunities for future energy restructuring and international cooperation model adjustment for both countries. The development of low-carbon industries in both countries requires a high level of innovation and technological progress. The two sides can jointly demonstrate the technical and economic feasibility of power interconnection in the future and conduct joint R&D on technologies around smart grids. Make full use of project investment and capacity cooperation between the two sides in clean energy, such as solar, nuclear, hydrogen and biomass, and other emerging energy technologies. Deepen upstream and downstream cooperation in the industry chain to promote the deep integration of Sino-Russian clean energy industries

References

1. Hongze L., Fengyun L., Xinhua Y. China's contributions to global green energy and low-carbon development: empirical evidence under the Belt and Road framework. *Energies*. 2018;11:1527-1559.
2. Lavrikova Y. G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Science and technology development in Russia and China: comparative analysis and the prospects of cooperation. *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2018;(4):48-62.
3. Porfir'ev B., Shirov A., Kolpakov K. Low-carbon development strategy: prospects for the Russian economy. *World Economy and International Relations*. 2020;64:15-25.
4. Hongyan L., Jialong L., Mingzhen L., Fei L., Lei L., Xin Z., Xiaodong D. Global energy supply and demand analysis in 2020 in the context of carbon neutrality. *Natural Gas and Oil*. 2021:5.
5. Kai S., Yanhong M. Sino-Russian Arctic energy cooperation in the context of the Polar Silk Road. *Journal of Ocean University of China, Social Science Edition*. 2018;(6):1-6.
6. *Net zero tracker data (2021)*. Net zero emissions race 2021 scorecard for countries. Energy & climate intelligence unit. Available from: <https://eci.net/netzerotracker> [Accessed 3rd April 2022].
7. *The state council information office of the PRC (2021)*. Available from: www.scio.gov.cn/index.htm [Accessed 11th April 2022].
8. *International energy agency (IEA) (2021)*. Available from: <https://www.iea.org/countries/united-states> [Accessed 8th May 2022].
9. *International energy agency (IEA) (2021)*. Data and statistics. Available from: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-browser?country=CHINAREG&fuel=CO2%20emissions&indicator=TotCO2> [Accessed 12th May 2022].
10. *National Bureau of Statistics of China*. China energy statistical yearbook 2020. China Statistics Press, 2020:13-26.
11. *British Petroleum (BP)*. Available from: <https://www.bp.com> [Accessed 22th April 2022].
12. *China Carbon Emission Accounts & Datasets (CEADs)*. Available from: <https://www.ceads.net.cn> [Accessed 7th May 2022].

13. *China climate change info-net. Russia's first climate act (2021)*. Available from: <https://www.ccchina.org.cn/Detail.aspx?newsId=73821&Tid=58> [Accessed 7th May 2022].
14. *CRI online. Russia plans to achieve carbon neutrality by 2060 (2021)*. Available from: news.cri.cn/20211102/22fb30ab-e76a-b671-9e9d-4702a4b4a5c9.html [Accessed 27th April 2022].
15. Ya Z. Sino-Russian cooperation helps achieve carbon neutrality. *Global Direct*. 2021;(6):42-43.
16. *Interface news (2021)*. Available from: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713511591269771828&wfr=spider&for=pc> [Accessed 11th May 2022].
17. Jianzhong L. Suggestion on deepening China-Russia energy cooperation under the new situation. *World Petroleum Industry*. 2021;28(6):1-5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hongze L., Fengyun L., Xinhua Y. China's contributions to global green energy and low-carbon development: empirical evidence under the Belt and Road framework // *Energies*. 2018. № 11. P. 1527–1559.
2. Lavrikova Y. G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Science and technology development in Russia and China: comparative analysis and the prospects of cooperation // *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2018. № 4. P. 48–62.
3. Porfir'ev B., Shirov A., Kolpakov K. Low-carbon development strategy: prospects for the Russian economy // *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. P. 15–25.
4. Hongyan L., Jialong L., Mingzhen L., Fei L., Lei L., Xin Z., Xiaodong D. Global energy supply and demand analysis in 2020 in the context of carbon neutrality // *Natural Gas and Oil*. 2021. P. 5.
5. Kai S., Yanhong M. Sino-Russian Arctic energy cooperation in the context of the Polar Silk Road // *Journal of Ocean University of China, Social Science Edition*. 2018. № 6. P. 1–6.
6. Net zero tracker data (2021). Net zero emissions race 2021 scorecard for countries. Energy & climate intelligence unit. URL: <https://eci.net/netzerotracker> (дата обращения: 03.04.2022).
7. The state council information office of the PRC (2021). URL: www.scio.gov.cn/index.htm (дата обращения: 11.04.2022).
8. International energy agency (IEA) (2021). URL: <https://www.iea.org/countries/united-states> (дата обращения: 08.05.2022).
9. International energy agency (IEA) (2021). Data and statistics. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-browser?country=CHINAREG&fuel=CO2%20emissions&indicator=TotCO2> (дата обращения: 12.05.2022).
10. National Bureau of Statistics of China. China energy statistical yearbook 2020. China Statistics Press, 2020. P. 13–26.
11. British Petroleum (BP). URL: <https://www.bp.com> (дата обращения: 22.04.2022).
12. China Carbon Emission Accounts & Datasets (CEADs). URL: <https://www.ceads.net.cn> (дата обращения: 07.05.2022).
13. China climate change info-net. Russia's first climate act (2021). URL: <https://www.ccchina.org.cn/Detail.aspx?newsId=73821&Tid=58> (дата обращения: 07.05.2022).
14. CRI online. Russia plans to achieve carbon neutrality by 2060 (2021). URL: news.cri.cn/20211102/22fb30ab-e76a-b671-9e9d-4702a4b4a5c9.html (дата обращения: 27.04.2022).
15. Ya Z. Sino-Russian cooperation helps achieve carbon neutrality // *Global Direct*. 2021. № 6. P. 42–43.
16. *Interface news (2021)*. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713511591269771828&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 11.05.2022).
17. Jianzhong L. Suggestion on deepening China-Russia energy cooperation under the new situation // *World Petroleum Industry*. 2021. Vol. 28, № 6. P. 1–5.

Information about the author

Wang Xiaohan – Master of Business Administration, Postgraduate, Faculty of Management.

Информация об авторе

Ван Сюохань – магистр, аспирант, факультет менеджмента.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-137-141

Учёный и педагог с большой буквы (к 75-летию А.И. Агафонова)

Personalities

Scientist and teacher with a capital letter (to the 75th anniversary of A.I. Agafonov)

В мае 2022 г. исполнилось 75 лет видному донскому историку, доктору исторических наук, профессору Анатолию Ивановичу Агафонову. Без малого полвека он посвятил научно-педагогической деятельности. Практически вся его научная жизнь была связана с историческим факультетом Ростовского государственного университета (ныне – Южный федеральный университет), где юбиляр трудился с 1974 по 2019 г. и прошёл путь от ассистента до профессора.

После успешного окончания данного факультета А.И. Агафонов как перспективный молодой специалист был приглашён на работу на родной факультет. Уже в самом скором времени он сформировался как серьёзный исследователь и высококвалифицированный преподаватель. В 1982 г. А.И. Агафонов защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук, а в 2002 г. – доктора исторических наук. А.И. Агафонов – участник Международного гранта «Историческая демография России XVII – XX вв.», Франция, Париж, INED (2016–2013), международных, всероссийских и региональных научных конференций, посвященных истории Дона и Северного Кавказа, казачества России, теории и истории права и государства России (Россия, Франция, Чехия). Общественная деятельность Агафонова связана с казачеством, он – полномочный представитель Южного федерального университета в казачьих войсках России и зарубежья, член исторического совета Всевеликого Войска Донского, член геральдической комиссии Всевеликого Войска Донского, член рабочих групп по подготовке 4-го и 5-го Всемирных конгрессов казаков (2011–2015 гг.)

Казачество и история Дона всегда были в центре научной деятельности А.И. Агафонова. Буквально с самого ее начала он обратил внимание на проблематику истории Дона дореформенного периода [1], стал разрабатывать вопросы экономического, социального и политического развития земли Войска Донского и Приазовского края. Молодого исследователя отличали высокое трудолюбие, способность вести серьёзную эвристическую работу, всесторонность и глубина анализа разнообразных исторических источников.

Выявлены и охарактеризованы им особенности экономического развития Донской области дореформенного периода, в частности присутствие традиционных и устаревших форм хозяйственной жизни и одновременное постепенное включение ее в новые хозяйственно-экономические рыночные отношения. Он проанализировал процессы разложения казачьего и крестьянского натурального хозяйства и распространения на донской территории простой капиталистической кооперации и мелкотоварного производства. При этом А.И. Агафонов аргументированно обосновал важный научный вывод о постепенном нарастании на Дону достаточ-

но серьёзных внутренних социально-экономических противоречий и одновременно об очевидной обусловленности реформирования всех сторон внутренней жизни области и её адаптации к активно развивавшимся новым буржуазным отношениям.

Он установил, что при подготовке и проведении реформы управления Войска Донского выявился целый комплекс сложностей и противоречий, взаимосвязанных с правительственной политикой на Дону и с тем, как донские казачьи властно-управленческие верхи относились к данной правительственной реформаторской деятельности. В то же время им было четко обосновано, что дворянские сословные организации, возникшие на Дону несколько позднее, чем в центральной России, являлись проводниками важнейших политических мероприятий самодержавия в отношении казачества. По мнению исследователя, никакие меры, проводившиеся на Дону в период правления императора Николая I, не могли предотвратить неуклонно нараставшего масштабного и острого кризиса старой системы отношений, и отмена крепостного права была необходимой и неизбежной предпосылкой дальнейшего развития Дона.

Спустя некоторое время А.И. Агафонов занялся исследованием достаточно обширных и разноплановых проблем историографии истории донского казачества [2, 3]. Он разрабатывал и различные аспекты отечественного источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Данные научно-исследовательские интересы были самым непосредственным образом взаимосвязаны с преподаваемыми им учебными дисциплинами.

Впоследствии в сфере масштабных научных интересов А.И. Агафонова оказывались различные вопросы донского краеведения [4], а также исследовательский анализ таких значимых и своеобразных источников, как картографические материалы по истории Дона [5].

Результатом масштабного, обстоятельного и всестороннего научного исследования источников по истории Дона XVI – первой половины XIX в. и их изучения стало изданное в 2001 г. монографическое исследование [6], вобравшее в себя многолетние результаты научной деятельности и послужившее основой успешно защищённой А.И. Агафоновым диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. В ней прослеживается процесс изучения донской истории научными обществами и организациями и дается комплексная характеристика важнейших источников, письменных и картографических. Говоря о вкладе в изучение Дона научными обществами и организациями, А.И. Агафонов отметил, что такая работа велась ими на уровне науки своего времени, причем исследователи всячески стремились к объективности. Но лишь со второй половины XIX в. собранные ими материалы активно вводятся в научный оборот. Большое значение имело открытие в конце XIX – начале XX в. двух крупнейших музеев в области Войска Донского, которыми явились Музей истории донского казачества (Донской музей) в Новочеркасске и краеведческий музей в Ростове-на-Дону.

Характеризуя место и роль актового и делопроизводственного материала как источника, А.И. Агафонов отметил, что при изучении комплекса Донских дел в историографии в основном рассматривалось их содержание, тогда как структура и сложный процесс их подготовки оставались за пределами внимания историков. Обоснованное им в данном контексте методологическое положение о необходимости их комплексного исследования имеет исключительно большое значение для анализа этих первостепенных по своей значимости документов. Особое внимание А.И. Агафонов обратил на послужные списки офицеров и генералов Войска Донского, по которым, по его мнению, можно судить о разных сторонах военной, экономической и социокультурной истории Дона, а также казачьим родословным, составленным на основании формулярных списков или представителями дворянских и недворянских казачьих фамилий [6, с. 151].

Новаторским следует признать подход А.И. Агафонова, согласно которому в качестве особого источника со значительными особенностями отображения действительности и научной критики являются географические карты [6, с. 191]. Он, в частности, отметил, что российские и местные карты в отличие от многих аналогичных зарубежных памятников практически не содержат гипотетических и фантастических данных, а включенные в рассматриваемый источник художественные фрагменты требуют дополнительного изучения, опирающегося на последовательное использование специального методологического инструментария. Исследователь высказал и такую интересную мысль, что наличие в картах очевидных признаков произведения

искусства также следует учитывать в ходе их источниковедческого анализа. Также к своеобразным и особым источникам учёный относил в том числе записки, дневники, воспоминания и переписку. Особого внимания, по его мнению, заслуживает и источниковедческий анализ донской периодической печати обозначенного периода [6, с. 336].

На последующем этапе своей научной деятельности А.И. Агафонов обосновал авторский подход к комплексному исследованию многочисленных наград и различных пожалований донского казачества, а также изобразительных источников, раскрывающих новые грани региональной истории. В процессе целенаправленной научной работы, выявив и проанализировав обширнейший и разноплановый источниковый материал, представленный в профильных зарубежных, центральных и региональных архивных фондах и открытых экспозициях областных, российских и зарубежных музеев, а также частных собраниях, он заключил, что историческое прошлое Дона может быть полнее охарактеризовано при систематическом использовании разнообразных данных, формируемых такими вспомогательными историческими дисциплинами, как вексиллология, фалеристика, геральдика, генеалогия, сфрагистика, униформология. Сама история наград донских казачьих полков и донских офицеров и чиновников была представлена автором в тесной связи с историей культуры, в том числе таких ее традиций, которые восходят к библейской и античной [7]. Вместе с тем историк наглядно и обстоятельно объяснял символику цветов и изображений, законы геральдики, в соответствии с которыми составлялись гербы донских дворян.

А.И. Агафонову удалось показать один из значимых каналов культурной инкорпорации Войска Донского в общероссийскую культуру, основанный на учете важности для сознания казачества символов воинской славы. Награды донского казачества являлись свидетельством того, что оно органично вписывалось не только в российскую, но и в европейскую культуру. Он обосновал и фактически ввёл в широкий научный оборот исследовательский подход, согласно которому особым, важным и информативным источником являются знамена донских казачьих полков. Достаточно ценный и интересный источниковый материал по истории донского казачества, по мнению автора, представляют произведения изобразительного искусства. Им были исследованы относящиеся к батальной живописи портреты и картины, а полученная источниковая и фактологическая информация впервые введена в научный оборот.

Большой научный интерес вызывает предпринятый А.И. Агафоновым всесторонний анализ обстоятельств помещения портретов донских генералов в Военной галерее Зимнего дворца. Отметив тот факт, что из 27 донских генералов, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., в галерее были помещены портреты только 14 человек, исследователь сделал вывод, что на то было множество причин, в том числе интриги в донской генеральской среде, нахождение отдельных ее представителей под следствием и даже некоторые политические обстоятельства [8, с. 197–203].

Важное историографическое значение имела и монография А.И. Агафонова, посвящённая участию донского казачества в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813 и 1814 гг. [9]. В ней был обоснован и хорошо представлен не только чётко выраженный авторский подход к обстоятельному и всестороннему исследованию данного вопроса, но и широкий круг разноплановых источников, включая впервые вводимых в научный оборот. Особого внимания заслуживают и сформулированные автором оригинальные обобщения и итоговые научные выводы.

В 2016 г. была издана монография А.И. Агафонова, посвящённая донской геральдике [10]. Автор проанализировал содержание различных донских геральдических источников и отметил как их общие черты с общероссийскими, так и их специфические особенности. Свои исследовательские подходы и итоговые выводы учёный подкрепил представленными в монографии 501 иллюстрацией, многие из которых также впервые вводились в научный оборот.

А.И. Агафонов плодотворно участвовал и в реализации ряда международных исследовательских проектов, в частности по исторической демографии России, которая проводилась под общим научным руководством Национального Института научной демографии (INED), Париж, Франция.

Важным событием в отечественной историографии истории донского казачества явился выход в 2020 г. фундаментального трёхтомного исследования «История донского казачества» [11]. Инициатором его написания, ответственным редактором и автором значительного количе-

ства глав и параграфов стал профессор А.И. Агафонов. Сформулированная им масштабная задача подготовки фундаментальной обобщающей работы по истории донского казачества от момента его появления на исторической арене и вплоть до современности потребовала колоссальной организационной и содержательной работы по составлению оглавления, подбору авторского коллектива и, конечно, работы по поиску, осмыслению, анализу и задействованию огромного количества источникового и историографического материала. И с данной большой и сложной задачей коллектив авторов справился успешно. Монография получила много положительных отзывов научного сообщества и общественности.

Плодотворная научно-образовательная деятельность профессора А.И. Агафопова была высоко оценена руководством Донского государственного технического университета, в котором он успешно трудится в настоящее время, и руководством Ростовской области. Так, решением учёного совета ДГТУ № 11 от 30 июня 2020 г. А.И. Агафонов был награждён медалью имени Л.В. Красниченко. А Указом губернатора Ростовской области № 5 от 22 сентября 2020 г. за значительный вклад в сохранение и популяризацию исторического наследия Донского казачества, многолетнюю эффективную научно-образовательную деятельность А.И. Агафонов был награждён орденом Атамана Платова.

В настоящее время Анатолий Иванович Агафонов продолжает активно и плодотворно осуществлять научную и педагогическую деятельность, занимает активные и принципиальные жизненные позиции. Он пользуется большим уважением в трудовом коллективе. От всей души поздравляем юбиляра и желаем ему крепкого здоровья и дальнейших научно-педагогических свершений.

Список источников

1. Агафонов А.И. Область Войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д., 1986.
2. Агафонов А.И. История Дона эпохи феодализма в современной советской исторической литературе // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1990. № 3. С. 68–80.
3. Агафонов А.И. История Дона и Северного Кавказа в трудах А.П. Пронштейна // История. Научные поиски и проблемы (Памяти А.П. Пронштейна. 1919–1998 гг.). Ростов н/Д., 2000. С. 83–100.
4. Агафонов А.И. Становление и развитие исторического краеведения на Дону в XVIII – начале XX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6). Краснодар, 2000. С. 53 – 57.
5. Агафонов А.И. Картографические материалы и географические известия XVI – начала XVIII в. как источник по истории Донского края // Исторические этюды. Ростов н/Д., 2001. № 4. С. 56–74.
6. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д., 2001.
7. Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX в. Ростов н/Д., 2009.
8. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2011.
9. Агафонов А. И. Донское казачество в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813 и 1814 гг. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2012.
10. Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2016.
11. История донского казачества : в 3 т. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2020.

References

1. Agafonov A.I. *The region of the Don Army and the Azov Sea in the pre-reform period*. Rostov-on-Don, 1986. (In Russ.).
2. Agafonov A.I. The history of the Don of the era of feudalism in modern Soviet historical literature. *Izv. SKNTs VSh. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1990;(3):68-80. (In Russ.).

3. Agafonov A.I. The History of the Don and the North Caucasus in the works of A.P. Pronstein. *History. Scientific searches and problems (In memory of A.P. Pronstein. 1919-1998)*. Rostov-on-Don, 2000:83-100. (In Russ.).
4. Agafonov A.I. Formation and development of historical local lore on the Don in the 18th – early 20th century. *Results of folklore and ethnographic studies of ethnic cultures of the Kuban in 1999. Dikarev readings (6)*. Krasnodar, 2000:53-57. (In Russ.).
5. Agafonov A.I. Cartographic materials and geographical news of the 16th – early 18th century. as a source on the history of the Don region. *Historical sketches*. Rostov-on-Don, 2001; (4):56-74. (In Russ.).
6. Agafonov A.I. *History of the Don Region (16th – the first half of the 19th century. Historical sources and their study)*. Rostov-on-Don, 2001. (In Russ.).
7. Agafonov A.I. *Don Cossacks. Chest in crosses... From the history of awards, awards and insignia of the Don Cossacks. 16th – early 20th century*. Rostov-on-Don, 2009. (In Russ.).
8. Agafonov A.I. *Don generals in the Military Gallery of the Winter Palace*. Rostov-on-Don: Omega Publisher, 2011. (In Russ.).
9. Agafonov A. I. *Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813 and 1814*. Rostov-on-Don: Omega Publisher, 2012. (In Russ.).
10. Agafonov A.I. *Don heraldry*. Rostov-on-Don: Omega Publisher, 2016. (In Russ.).
11. *History of the Don Cossacks: in 3 vols*. Rostov-on-Don: Omega Publisher, 2020. (In Russ.).

С.А. Кислицын,
доктор исторических наук, Южный федеральный университет

В.П. Трут,
доктор исторических наук,
Донской государственной технической университет

Редакция и редколлегия журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» присоединяются ко всем теплым словам, сказанным в адрес Анатолия Ивановича Агафонова, и тоже поздравляют с юбилеем своего многолетнего автора и рецензента и желают ему долгих лет жизни, здоровья, внимания близких и плодотворной работы на благо российского просвещения!

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-142-143

Муха В.Н. Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2021. 208 с.

Иван Дорофеевич Тарба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия, ivan.tarba@mail.ru

Для цитирования: Тарба И.Д. – Муха В.Н. Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2021. 208 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 142–143.

Book Review

Mukha V.N. Identification matrices of four generations of Russians in contemporary Russia. Krasnodar: KubSTU Press; 2021. 208 p.

Ivan Dorofeevich Tarba

Abkhaz State University, Sukhum, Republic of Abkhazia, ivan.tarba@mail.ru

For citation: Tarba I.D. – Mukha V.N. Identification matrices of four generations of Russians in contemporary Russia. Krasnodar: KubSTU Press; 2021. 208 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science. 2022;(2):142-143. (In Russ.).*

Транзитивность сегодняшнего мира значительно влияет на изменения в сознании и поведении людей, что сопровождается появлением новых и модификацией старых идентичностей, перестройкой всей идентификационной матрицы различных социальных групп. Особый интерес в данном контексте представляет система социальной идентичности именно русского населения в современной России, поскольку, несмотря на существенный объем научных работ, затрагивающих проблемы социальной идентичности и самочувствия русского этноса в современной России, вопрос относительно содержательного наполнения и структуры идентификационных матриц разных возрастных групп русских остается открытым, как в части соответствующей объяснительной модели, так и в части эмпирического исследования.

В рецензируемой монографии Виктория Николаевна Муха исследует данную проблему как в теоретическом, так и в эмпирическом плане на материале изучения русского населения Краснодарского края. Как отмечает автор, противоречивая и непоследовательная модернизация российского общества усугубила внутренний социально-культурный конфликт между отдельными возрастными когортами и к традиционному «конфликту поколений» добавился конфликт идентичностей. Вместе с тем неспособность выстраивать горизонтальные общественные связи затруднила воспроизводство общероссийской идентичности. Актуализирует заявленную тему и то, что анализ идентификационных матриц у различных возрастных когорт – тема мало разработанная, требующая системного анализа соответствующей интегральной теоретико-методологической основы, совмещающей теории идентичности и теорию поколений.

Автор монографии поставила перед собой непростую цель – изучение структуры и содержательного наполнения идентификационных матриц четырех поколений представителей русского этноса и выявление устойчивых социокультурных конструкций, способных обеспечить целост-

ное функционирование системы социальной идентичности русского этноса и непротиворечивое совмещение этнокультурной идентичности русских с их национальной общероссийской идентичностью.

Исследование основано на междисциплинарном подходе, позволившем учесть весь комплекс социальных, культурных, экономических, политических и психологических факторов становления и функционирования социальной идентичности. При выработке авторской концепции использован триангуляционный подход и получена интегральная теоретико-методологическая модель, совмещающая теории идентичности и теорию поколений.

Проведённый макросоциологический анализ направлен на выявление значимости и влияния внешних для человека детерминант социальной идентификации – различных факторов социокультурной среды. Он связан с исследованием внутренних аспектов данного процесса: автор изучала механизмы и динамику формирования идентичности субъекта, роль личностных факторов, разнообразие индивидуальных форм социальной идентичности личности и социальной группы (общности).

Теория идентификационных матриц и теория социального конструктивизма позволили рассмотреть репрезентации и символическое опосредование социальной реальности, идентичность как вариативную, подвижную производную от взаимодействия между индивидом и обществом. Поколенческий анализ, предполагавший обращение к теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса и ее российской версии, представленной в работах Е.М. Шамис, способствовали определению границы каждого поколения, его специфических особенностей.

Монография состоит из двух разделов. В первом названы теоретико-методологические основания исследования социальной идентичности, описан процесс формирования и охарактеризованы ее различные типологии, проведен обзор подходов к анализу социальной идентичности в социально-гуманитарных науках, предложена методологическая модель анализа социальной идентичности русского этноса с учетом трансформационных процессов современного общества. Отдельное внимание уделено поколенческому фактору: представлен обзор теории поколений и обоснована целесообразность поколенческого анализа системы социальной идентичности русского этноса в условиях современного транзитивного общества.

Второй раздел содержит материалы эмпирического исследования многоуровневой социальной идентичности русского населения Краснодарского края. Выявлен ряд факторов, определяющих специфику проявления общероссийской идентичности среди разных поколений респондентов, обозначены перспективы формирования и функционирования различных типов идентичности в каждой возрастной когорте и определены риски конфликта идентичностей.

Проведённое исследование основано на анализе научной литературы, статистических данных, обширном эмпирическом материале. Подобный подход гармонично сочетает добротность теоретических положений автора с новизной собранного и проанализированного материала. Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений; а также всех, кто интересуется проблемами русского этноса и общероссийской идентичности.

Информация об авторе

И.Д. Тарба – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии.

Information about the author

I.D. Tarba – Doctor of Science (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-2-144-145

Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Донского края в XX – начале XXI в. : учеб. пособие для средних общеобразовательных учреждений (10-й класс). Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 222 с.

Марина Сергеевна Терентьева

Южно-Российский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Для цитирования: Терентьева М.С. – Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Донского края в XX – начале XXI в. : учеб. пособие для средних общеобразовательных учреждений (10-й класс). Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 222 с. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2. С. 144–145.

Book Review

Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. History of the Don region in the 20th - early 21st century: textbook for secondary educational institutions (grade 10). Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2020. 222 p.

Marina S. Terentyeva

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

For citation: Terentyeva M.S. – Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. History of the Don region in the 20th - early 21st century: textbook for secondary educational institutions (grade 10). Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2020. 222 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science. 2022;(2):144-145. (In Russ.)*

Выход в свет второго дополненного и исправленного издания учебного пособия для 10-х классов средней общеобразовательной школы «История Донского края в XX – начале XXI в.» – заслуживающее внимания событие. Авторы – доктор исторических наук, профессор С.А. Кислицын и кандидат исторических наук, доцент И.Г. Кислицына – известны своими научными трудами по истории России и Донского края. Они имеют большой учебно-педагогический опыт работы в высшей и средней школе.

Структура рецензируемого учебного пособия отразила все периоды донской истории новейшего времени, начиная с Первой мировой войны и заканчивая 2017 г., когда отмечалось 80-летие области. В пособии подробно освещены исторические события и лица донского казачества, которое является одним из имиджеобразующих факторов региона. Названия параграфов даны в образных формулировках, в том числе позаимствованных из гимна области. Это делает возможным дополнительный акцент на проблемно-содержательную сторону текста того или иного параграфа (например §1 «Тихий Дон наш батюшка». Социально-экономическое развитие Области войска Донского в начале XX в.)

В пособии показаны основные события отечественной истории XX – начала XXI в. в региональном преломлении и конкретном выражении с учетом этносоциального состава населения и территориальных проблем. Авторы, несмотря на дискуссионный характер современного понимания таких событий, как Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, стремились к объективному изложению материала. Учитывая особенности восприятия истории учащимися общеобразовательных учреждений, они доступно формулировали ту или иную проблему, выстраивали фактологическую доказательную базу, логично подводящую к обобщениям и выводам.

Избежали позиций умолчания и недоговорённости при освещении противоречивых по внутреннему содержанию и неоднозначно характеризующих в региональной литературе проблем.

© Терентьева М.С., 2022

Речь идет о донском казачестве на переломных этапах истории, о его особой роли в ходе Гражданской войны, проведении большевиками политики расказачивания, попытках реабилитации казачества в 1925 и 1936 гг. Раскрываются региональные особенности форсированных социально-экономических преобразований – индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Объективно характеризуются политические репрессии в области конца 1920–1930-х гг. («Шахтинское дело», так называемый кулацкий саботаж, репрессии кадрового корпуса и др.). Две главы посвящены героической борьбе Советской армии, народного ополчения, партизанского и подпольного движения с немецко-фашистскими захватчиками на территории Ростовской области. Освещен боевой путь легендарного 5-го Донского кавалерийского казачьего корпуса. Уделяется внимание такой проблеме, как казачий коллаборационизм – сотрудничество с оккупантами небольшой части казаков во главе с Красновым.

Отражены трудности послевоенного восстановления, трагические Новочеркасские события 1962 г., противоречия в социально-политической жизни 1960–1970-х гг. Уделено большое внимание развитию образования, науки и культуры в Донском регионе. Показано значение творчества знаменитых писателей Шолохова, Закруткина, Калининна.

Достоинством учебного пособия является развёрнутая характеристика процессов периода перестройки и особенно радикальных реформ 1990-х гг. Высоким качеством изложения отличаются параграфы, посвящённые социально-экономической и общественно-политической жизни Ростовской области на современном этапе. В отдельной главе рассказывается о возрождении казачества, проведении в Новочеркасске всемирных конгрессов казачества. Ряд разделов отражают развитие избирательного процесса и партийного строительства, процессы формирования гражданского общества, реформирования структур управления области и федеральных округов. Прослеживается развитие демократического режима, изменение конфигурации политических сил в области. Отмечено включение в состав Южного федерального округа территории республики Крым. Следует обратить внимание на сюжет о вынужденных миграциях украинского русскоязычного населения после государственного переворота в Киеве 2014 г. и начала массированных обстрелов Донбасса. Такие параграфы носят в известной степени историко-политологический характер, что очень важно и полезно для учащихся старших классов.

Учебное пособие оснащено обширным методическим инструментарием проверки качества усвоения учащимися знаний по проблемам курса. В начале каждого параграфа выделены ключевые даты, основные понятия, топонимика (географическая привязка событий периода). В конце каждого раздела содержатся вопросы и задания, многие из которых носят проблемный характер. В текстах параграфов содержатся развернутые биографические справки о жизнедеятельности донских общественных и политических деятелей, например писателя Крюкова, депутата Государственной Думы Воронкова, современных деятелей и др. Полезны разнообразные карты и схемы. Корректно подобранные исторические фотографии и цитаты документов иллюстрируют описываемые процессы. Лучшему усвоению содержания курса способствует синхронистическая таблица событий XX – начала XXI в. истории России и Дона. Это позволяет учащимся на основе сравнительно-политического метода осуществлять самостоятельную работу по закреплению фактологического материала и, самое главное, по осмыслению общего и особенного в отечественной истории и истории Донского края. Важную обучающую и методическую функции выполняют «Терминологический словарь», список использованной литературы, разнообразный, прямо скажем богатейший иллюстративный материал.

Сделаем некоторые замечания. Представляется, что можно было бы больше дать материала по истории нецентральных районов области. Не очень убедительно объяснение, почему авторы остановились на рубеже 2017 г., а не довели изложение истории и политических процессов на Дону до 2020 г.

В целом новое издание учебного пособия по региональной донской истории С.А. и И.Г. Кислицыных отвечает всем современным учебно-методическим требованиям, а также научным критериям и привлечет внимание всех, кто интересуется историей Донского края.

Информация об авторе

М.С. Терентьева – старший преподаватель.

Information about the author

M.S. Terentyeva – Senior Lecturer.

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. *Linear differential operators*. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 526 p. (In Russ.).

Zozulin G.M., Fedyaeva V.V., eds. *Flora of the Lower Don*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1984, ch. 1. (In Russ.).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya = Differential Equations*. 1984;20(2):263-273. (In Russ.).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation*. Dissertation Thesis. Baku, 1985. 135 p. (In Russ.).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. *The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception*. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24th April 2013. (In Russ.).

Электронные источники, интернет-сайты

Available from: www.ecoternopil.gov.ua [Accessed 10th October 2014].

Ivanov S.E. *Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker*. Available from: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_nablyudeniya_sudobrokera.html [Accessed 10th October 2014]. (In Russ.).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 10th October 2014. Moscow, 2010. (In Russ.).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (In Russ.).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Antei Publ., 2012:37-54. (In Russ.).

Научный журнал
«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Office Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman, размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru.
Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2022-2.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2022. № 2